ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022, №1

Japanese Studies in Russia

日本研究

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.
URL: http://japanjournal.ru
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (*гл. редактор*)

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.; Скворцова Е.М.

Отрасли науки:	OECD Fields of Science:
07.00.00 Исторические науки и археология	5.02 Economics and business
08.00.00 Экономические науки	5.06 Political science
23.00.00 Политология	6.01 History and archaeology

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН
© Ассоциация японоведов

Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)
www.ifes-ras.ru

Non-profit organization
«Association of Japanologists»
www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical "Japanese Studies in Russia" has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.
URL: http://japanjournal.ru
Media registration number (in the Russian Federation): ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.
Included in Russian Science Citation Index (RSCI).
Included in Russian Scientific Digital Library "CyberLeninka.ru".
Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)
Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)
Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishek Elena E., DSc (History)
Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History); Skvortsova Elizaveta M.

Branch of Science (in the Russian Federation):
07.00.00 History and Archaeology
08.00.00 Economics
23.00.00 Political Science

OECD Fields of Science:
5.02 Economics and business
5.06 Political science
6.01 History and archaeology

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors
© IFES RAS
© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2022, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Долин А.А. Проблема социального отчуждения в японском обществе XXI века 6
Ипеева А.А. Образ Японии в советской карикатуре в период японского вторжения в Манчжурию в начале 1930-х гг. (по материалам газеты «Советская Сибирь»)..... 20
Тюленев И.А. Режим Кэмму в европейской и американской историографии 38
Шапошников С.В., Юри Садои. Трансформация стиля работы и менеджмента в японских компаниях..... 63
Мещеряков А.Н. Японская эмиграция: от революции Мэйдзи до Второй мировой войны (практический и эмоциональный контекст)..... 78
Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Современный взгляд на Японию из Владивостока (по результатам опроса 2021 года) 95
Лебедева И.П. Япония: особенности социальной стратификации 115

Книжная полка

Панов А.Н. Опыт прочтения японской культуры. Рецензия на монографию Н.Н. Изотовой «Коды японской культуры» под ред. проф. Т.М. Гуревич..... 137

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2022, № 1

CONTENTS

Dolin A.A. Problem of social alienation in the 21st century Japanese society 6
Ipeeva A.A. The image of Japan in the Soviet caricature during the Japanese invasion of Manchuria in the early 1930s (based on the materials of the "Soviet Siberia" newspaper) 20
Tyulenev I.A. The Kenmu Regime in European and American historiography. 38
Shaposhnikov S.V., Sadoi Yu. The transformation of management, business culture, and work style in Japanese companies 63
Meshcheryakov A.N. Japanese emigration: From the Meiji Revolution to World War II (practical and emotional context) 78
Larin V.L., Larina L.L. Modern perception of Japan by Vladivostok citizens (based on a 2021 survey) 95
Lebedeva I.P. Japan: peculiarities of social stratification 115

Book Review

Panov A.N. Experience of interpreting Japanese culture. Review of the monograph by N.N. Izotova "Codes of Japanese Culture" ed. by Prof. Gurevich T.M. 137

DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-6-19

Проблема социального отчуждения в японском обществе XXI века

А.А. Долин

Аннотация. В статье анализируется загадочный социальный феномен добровольного затворничества, зародившийся в Японии в конце XX века и ныне получивший широкое распространение почти во всех странах «золотого миллиарда». На основании многочисленных работ японских и западных социологов, психиатров, этнографов и экономистов даётся определение социальной группе *хикикомори*, выявляются причины её появления, рассматривается связь психических отклонений, бытующих среди *хикикомори*, с историческими переменами и техногенными сдвигами в современном японском обществе, а также аналогичными процессами в других развитых странах. Рассматриваются также предложенные специалистами способы лечения «культурно ориентированного» синдрома *хикикомори* и перспективы дальнейшего развития этой социальной эпидемии в Японии и во всём мире с учётом стремительного роста числа *хикикомори* среди молодёжи в первые десятилетия XXI века.

***Ключевые слова*:** Япония, хикикомори, пандемия, психическое отклонение, социальная проблема.

***Автор*:** *Долин Александр Аркадьевич*, PhD, профессор, Школа востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20). E-mail: adolin@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Долин А.А. Проблема социального отчуждения в японском обществе XXI века // Японские исследования. 2022. № 1. С. 6–19. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-6-19

Problem of social alienation in the 21st century Japanese society

A.A. Dolin

Abstract. In this paper, the author analyzes a mysterious phenomenon of voluntary seclusion that had emerged as a mental deviation in Japan in the late 20th century, having spread all over the countries of “the golden billion” since that time. On the basis of numerous works by Japanese and Western sociologists, psychiatrists, ethnographers, and economists characteristic features of the social group called *hikikomori* are given a definition. Factors that had specific impact on its emergence as well as the connection between the mental deviations of *hikikomori* and historical changes in modern Japanese society with IT technology shifts at the background are scrutinized in comparison with similar processes in other developed countries of the world. The author also focuses on the methods of treatment of this “culture-bound syndrome” suggested by contemporary psychiatry and the prospects of inevitable expansion of the dangerous social epidemic disease

regarding dramatic growth of *hikikomori* among the younger generations in the first decades of the 20th century.

***Keywords*:** Japan, hikikomori, pandemic disease, mental deviation, social problem.

***Author*:** *Dolin Alexander A.*, PhD, Professor, School of Asian Studies, National research university "Higher school of economics" (HSE University) (address: 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation). E-mail: adolin@hse.ru

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Dolin A.A. (2022). Problema sotsial'nogo otchuzhdeniya v yaponskom obshchestve XXI veka [Problem of social alienation in the 21st century Japanese society]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 1, 6–19. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-6-19

Введение

В наше время понятие «социальное дистанцирование» ассоциируется прежде всего с поддержанием опредёленной дистанции между людьми из опасения заразиться инфекционным заболеванием. Однако в исторической ретроспективе тот же термин приобретает иное, расширенное значение. В данной работе под социальным дистанцированием мы подразумеваем добровольную самоизоляцию индивидуума от общества, обусловленную как социальными факторами, так и психопатологическими расстройствами.

Социальное дистанцирование как вид ухода от общества по идейным соображениям было присуще самым различным цивилизациям с самого начала человеческой истории. Достаточно вспомнить индийских и тибетских йогов, буддийских отшельников, таёжных шаманов, православных старцев в скитах. Однако нигде в мире идея ухода от общества во имя личного самосовершенствования и единения с природой не была так глубоко укоренена, как в Китае и других странах Восточной Азии, являющейся сферой культурного влияния Поднебесной.

Опыт китайских и японских отшельников не только обогатил культуру Восточной Азии творениями, созданными в процессе длительной самоизоляции, но также повлиял на становление литературного канона. Идеал уединённого досуга в горном скиту как «санатория для души» прочно укоренился в сознании всего образованного сословия. Поэты и писатели, даже числившиеся на государственной службе и не имевшие права надолго отлучаться от двора, грезили о жизни в горах, ведущей к просветлению, и воспевали её в своих книгах. Тема «затворник в горной хижине» вошла в список канонических тем поэзии классической японской *вака.*

Однако добровольное затворничество не было чисто умозрительным идеалом. Немало светских придворных поэтов начиная с X века действительно стремились хотя бы иногда проводить время в горном приюте, вдали от мирских треволнений и соблазнов. Буддийские монахи и священники практиковали схиму в горном скиту – кто на короткое время, а кто и на несколько лет – чтобы потом вернуться к исполнению своих обязанностей в монастыре. Так, знаменитый дзэнский философ, поэт и эксцентрик Иккю Содзюн чередовал бдения в монастыре не только с регулярным посещением «весёлого дома», но и с долгими периодами добровольного отшельничества, которые дарили ему вдохновение.

На Японских островах уже нет отшельников «старого образца», а те *ямабуси*, что ещё встречаются на священных горах Хагуро и Гассан, основательно приобщились к благам современной цивилизации. Зато в Стране восходящего солнца появилась новая загадочная социальная группа современных затворников *хикикомори*, которые не имеют ничего общего с даосскими и буддийскими традициями, но при этом решительно отрицают все жизненные установки и социальные ценности постиндустриального общества потребления.

За последние три десятилетия в японской и мировой психиатрии феномен хикикомори занял солидную нишу. Ему посвящены сотни статей и несколько научных монографий. Однако социальная природа этого странного явления до сих пор не вполне понятна и довольно слабо описана в социологическом ракурсе. Если сначала считалось, что добровольное затворничество – чисто японское явление, то уже в начале XXI века были диагностированы сходные симптомы у молодёжи многих других стран на всех континентах. Вскоре то, что рассматривалось как экзотическое исключение из правил и социальных норм, приобрело характер эпидемии, нарастающей со скоростью и мощью тайфуна. Когда о феномене хикикомори заговорили всерьёз, было уже поздно…

Характеристики феномена хикикомори

Феномен хикикомори явственно обозначился только в начале XXI века, но в действительности признаки появления подобной тенденции в японском обществе прослеживаются гораздо раньше и восходят к периоду формирования постиндустриального общества. Ещё в конце 1970-х гг. был описан так называемый «синдром ухода» (*тайкяку синкэйсё*) [Касахара 1978]. В начале 1980-х гг. похожее поведение у школьников назвали «синдромом отказа от школы» (school refusal syndrome). Однако речь уже тогда шла о масштабном социальном явлении, своего рода психологической пандемии, которая в наши дни представляет несомненную угрозу для общественного уклада не только в благополучной Японии, но и во многих других странах «золотого миллиарда».

Когда реальные масштабы проблемы стали отчётливо прорисовываться, японское Министерство здоровья, труда и социальной защиты выработало критерии для определения феномена хикикомори, которыми по сей день руководствуются социологи, юристы и представители правоохранительных органов. Специфические особенности личности, причисляемой к хикикомори, вкратце сводятся к следующему.

Во-первых, образ жизни данного индивидуума сфокусирован на собственном доме – что бы ни называлось домом, то есть на месте, где он непосредственно ест, спит и просматривает смартфон. Во-вторых, индивидуум не проявляет никакого интереса к устройству на работу, посещению школы или вуза. В-третьих, симптомы расстройства проявляются не менее полугода. Наконец, у индивидуума не диагностировано других тяжёлых психических отклонений (шизофрения, деменция и т.п.) [Teo, Gaw 2010, p. 447]. Последний пункт, впрочем, опровергается недавними исследованиями.

Сами хикикомори, испытывая «стыд», то есть чувство вины за свою неадекватность, избегают любых форм общения: с родственниками, бывшими друзьями, возлюбленными, администрацией, социальными службами и т.д. Любые вопросы относительно их статуса и работы служат для них триггерами депрессивных переживаний, поэтому они уклоняются от бесед и расспросов. Их принципы поведения сконцентрированы на защите своего

«идеального эго» путём уклонения от подобных ситуаций [Suwa, Suzuki 2013, p. 195]. Вдобавок они не питают желания занять себя какой-бы то ни было работой и даже доставить себе удовольствие. Их перестают интересовать еда, спорт, секс, зрелища, игры (за исключением тех затворников, которые становятся компьютерными эддиктами). Крайняя степень безразличного отношения к радостям жизни, именуемого в психиатрии агедония, встречается не у всех, но тенденция явственно прослеживается.

Хотя в подавляющем большинстве хикикомори не проявляют агрессии в общении с другими людьми (за исключением, в некоторых случаях, собственных родителей), их оторванность от общества создаёт потенциальную опасность грубого нарушения социальных норм во внештатной ситуации. И действительно, было зарегистрировано несколько фактов нападения хикикомори на окружающих. В таких обстоятельствах полиция и общественность в Японии возлагают всю ответственность на родителей виновника происшествия, поскольку в обыденном сознании именно родители отвечают за проступки неразумных детей любого возраста.

Другую опасность представляет решение всех проблем при помощи самоубийства. Не случайно Япония со второй половины XX века является мировым лидером по числу самоубийств, чему есть своё объяснение [Kato 1975].

Масштабное исследование проблемы хикикомори с участием нескольких сотен респондентов позволило выявить наиболее типичные симптомы этого нервного расстройства, проистекающие из ощущения собственной неполноценности, незащищённости и ущемлённости:

— безнадёжность: ощущение полной невозможности осуществить свои мечты в жестоком мире;

— усталость и пресыщенность от общения с родителями и близкими родственниками;

— ощущение отсутствия выбора. После неудачных попыток социальной коммуникации не остаётся ничего, кроме самоустранения;

— постоянный страх новых неудач в общении, разговоре, любом виде отношений с другими людьми;

— недоверие ко всем окружающим;

— нерешительность в действиях, порождённая вечным страхом и недоверием;

— нежелание открывать информацию о себе;

— стремление присутствовать в социальных сетях под чужим именем, в ином аватаре [Yong, Nomura 2019, p. 9–11].

По определению М. Сува и К. Судзуки, которое существенно дополняет психологический портрет современного затворника, синдром «первичного хикикомори» определяется следующими показателями.

1. Индивидуум избегает любых видов состязательности (экзамены, тесты, спортивные соревнования, зачёт баллов и т.п.). При этом чаще всего наблюдается «капитуляция без борьбы» из-за отсутствия веры в собственные силы и неспособности соответствовать ожиданиям – своим и родительским. Однако мечта о недосягаемом успехе не покидает индивидуума, превращаясь в источник депрессивных переживаний и постепенно перерастая в социофобию.

2. Индивидуум лелеет некий идеал собственной личности, сформированный в детские годы, но не находящий подтверждения в реальной жизни и не соответствующий его

реальному положению в обществе (яп. *сэкэнтэй*). При этом идеал личности формировался главным образом усилиями родителей и воспитателей, которые возлагали на ребёнка слишком много надежд. Неспособность оправдать надежды близких людей, как и нелестные сравнения собственных достижений с карьерой ровесников и соучеников, приводят к перманентной фрустрации и отказу от любых дальнейших усилий.

3. Индивидуум не способен к резкой перемене, новому старту из сложившихся жизненных обстоятельств.

4. Индивидуум имеет родителей или близких родственников, которые поддерживают его материально, а иногда и морально [Suwa, Suzuki 2013, p. 191].

В принципе такой образ жизни, какой выбирают хикикомори, возможен только при поддержке извне, поскольку в подавляющем большинстве неработающие затворники не могут получать даже пособие по безработице (хотя и оно имеет лимит во времени). Исследования показали, что родители, как правило, не только содержат молодых людей в их затворничестве, но и оказывают им моральную поддержку, наивно веря, что заблудшее дитя когда-нибудь выйдет из депрессии и сумеет стать достойным членом общества. Однако это происходит крайне редко.

Психиатры о предпосылках возникновения хикикомори

Если опросы и наблюдения в первом десятилетии XXI века показывали цифру порядка 410 тыс. *хикикомори* по всей стране [Furlong 2008, p. 312], то к концу второго десятилетия эта цифра увеличилась до 1,3 млн человек, то есть составила около 1 % населения страны. Стремительный рост числа затворников, который вполне заслуживает название социопатической эпидемии, свидетельствует прежде всего о нарастании социальной напряжённости, которое находит выход не в протестах и классовой борьбе (как это было ещё в 50–60-е гг. XX века), но в добровольном «уходе», полной самоизоляции от мира.

Неудивительно, что первыми обратили внимание на новый феномен психиатры. Возникновение столь специфического расстройства связывали с дефектами развития, с синдромом постоянной тревожности, с дистимическим синдромом, с расстройством адаптационного механизма, с маниакально-депрессивным психозом и т.п. [Watabe et al. 2008, p. 107]. Часть обследованных всё же оказалась шизофрениками, а другие небольшие группы имели такие диагнозы, как аутизм или синдром Аспергера [Teo, Gaw 2010, p. 446]. Другие исследования того же периода показывают цифры от 22 % до 28 % [Suwa, Suzuki 2013, p. 193], но и эти показатели в 2010 г. составляли абсолютное меньшинство в общем количестве хикикомори. Совсем иную картину показывает исследование 2019 г., согласно которому среди обращавшихся за медицинской помощью затворников до 80 % имели какие-либо психические расстройства [Yong, Nomura 2019, p. 160].

По мнению врачей, личность хикикомори представляет собой продукт сложного взаимодействия различных факторов: влияние семьи, школы, социального окружения. Однако западная и японская психиатрия всё же характеризует феномен хикикомори как преимущественно *культурно-ориентированный синдром* (*culture-bound syndrome*), к которому лишь иногда примешиваются усугубляющие эффект медицинские факторы [Teo, Gaw 2010, p. 446]. Другими словами, данное расстройство психики напрямую связано с особенностями бытовой культуры и социальными нормами того общества, в котором

обитает индивидуум, является производным от тех деструктивных факторов, которые обусловливают существование человека в данной социокультурной среде.

Ещё в 1990-е гг. в Японии получило распространение странное эндогенное психическое расстройство, которое известно под условным названием «страх взаимодействия с людьми», или антропофобия (*тайдзин кёфу сё*). Однако, согласно проведённым тогда исследованиям, речь шла скорее о неспособности подать себя в обществе, к которому индивидуум не питал особого отвращения. Наоборот, страх был обращён скорее на себя и не выражался в реальном «уходе», лишь в чрезмерной застенчивости и нерешительности [Nakamura, Shioji 1997]. В тот период феномен хикикомори ещё не принял характер эпидемии и рассматривался как лёгкое отклонение от нормы.

Потребовалось ещё десять лет, чтобы психиатры, социологи, а затем и политики начали бить тревогу. Однако и тогда медицинские обследования показывали, что от трети до половины всех случаев хикикомори не связаны с диагностируемыми психиатрическими заболеваниями [Suwa, Suzuki 2006]. Ещё десять лет ушло на то, чтобы понять, какие масштабы грозит принять эпидемия и попытаться наметить (но не имплементировать) способы борьбы с ней. За эти два десятилетия в полной мере проявились два мощных катализатора эпидемии: интернет-мания (internet addiction) и меры по принудительной самоизоляции, связанные с пандемией ковида (COVID). В целом же показатели психических расстройств среди хикикомори выросли вдвое.

Интернет-мания, проявляющаяся чаще всего в форме маниакальной одержимости электронными играми, сама по себе не считается психическим заболеванием. Однако ситуация, при которой подросток или юноша проводит много часов дома за игрой, ведёт к развитию «вируса» хикикомори, то есть постепенной атрофии всех человеческих инстинктов, эмоций, желаний и амбиций, к затуханию потребности общения с живыми людьми и погружению в виртуальную реальность.

Обычно материальной и этической базой для формирования психологии хикикомори служат традиционные отношения в японской семье, своего рода полу-матриархат, где доминантная мать берёт на себя все заботы о воспитании детей и работу по хозяйству, оставляя мужу функцию кормильца. В такой семье обычно господствует принцип *амаэ*, согласно которому с ребёнка следует строго взыскивать в области учёбы, но при этом всячески лелеять и баловать. Мать (к которой иногда присоединяется и отец) полностью подавляет личность ребенка, лишая его самостоятельности и заставляя во всём полагаться на родителей. В результате многие дети (в том числе и не хикикомори) до седых волос страдают инфантилизмом, отсутствием воли, слабостью характера и боязнью конкуренции [Doi 1975, p. 145–150].

Как правило, путь к затворничеству начинается со школы, точнее с долгосрочных прогулов, которые постепенно перерастают в отказ от учёбы. Это явление, получившее развитие также с 1990-х гг., получило название *футоко* («отказ от школы»). По несколько устаревшим данным, которые приводит в своём исследовании Кацумата Михо, таких отказников среди учеников средней школы по стране насчитывалось 127 тыс. [Katsumata 2010, p. 2]. Однако число уклонистов быстро растёт.

Хикикомори и особенности традиционной культуры Японии

В Японии, где традиционно корпоративное мышление диктует полную социальную ангажированность, само понятие «член общества» (*сякайдзин*) несёт особую смысловую нагрузку. Японская культура, которую ещё Р. Бенедикт восемьдесят лет назад назвала «культурой стыда», предполагает приоритет общественных интересов и норм, с которыми индивидуум обязан сообразовывать собственные устремления и действия. Поясняя действие этого сложного социального механизма, Э. Молодякова пишет: «В японском обществе, в котором индивидуум не воспринимался как базовый элемент, с присущей его членам боязнью “потери лица”, “чувством стыда” сложилось своеобразное восприятие индивидуализма и коллективизма. Индивидуализм смягчается чувством солидарности и стремлением к гармонии, т.е. приобретает характер как бы взаимного индивидуализма, не свободного от традиционных ценностей. Коллективизм же не директивный, а конформистский. Группа подчас выступает как индивидуум в смысле единого целого. При этом личность рассматривается как органичная часть группы» [Молодякова 2014, с. 51].

Если же в этой традиционной связи случаются сбои, то есть индивидуум оказывается не в состоянии поддерживать должный уровень взаимодействия с группой, то вся ответственность ложится на него, а сам он подвергается единодушному осуждению общества на всех инстанциях. Причём дурная репутация закрепляется за ним навсегда. Как свидетельствует известный японский социолог Т. Наканэ, «в Японии статус индивидуума закрепляется и действует во всех обстоятельствах, определяя в значительной степени общественную жизнь и индивидуальную деятельность» [Nakane 1990, p. 30]. Один из капитанов японского бизнеса и создателей «японского чуда» С. Цуцуми в своём фундаментальном труде «Консьюмерское общество Японии» пишет: «В Японии, где концепция прав человека не вполне осознана и довольно слабо укоренена в обществе, структура современного гражданского государства ещё слаба, и мы часто видим случаи социального остракизма» [Tsutsumi 1999, p. 51].

Не стоит забывать, что в Японии существовали многовековые традиции остракизма, направленного против дискриминируемой касты *эта* (иначе *сэммин, буракумин*), представителей которых, в отличие от обычных людей (*хэймин*), презрительно именовали «*нелюди»* (*хинин*). Каста *эта*, родственная по статусу индийским париям, принадлежала к той же этнической группе, что и японцы, но по роду занятий («грязные работы») не допускалась к участию в общественной жизни и подвергалась жестокой сегрегации вплоть до второй половины XX века [Ханин 1980, с. 211–213]. В массовом сознании даже после осуществления всех демократических реформ коренилось ощущение чужеродности, «инаковости» *эта* даже когда формально все дискриминационные ограничения были сняты.

Сходное отношение сегодня проецируется отчасти и на хикикомори, которые не хотят быть составной частью общины и сознательно отделяют себя от общества, становясь невольными или вольными жертвами социального остракизма.

В массовом сознании уже сформировался стереотип юнца, отлынивающего от работы или работающего, но при этом ведущего паразитическое существование за счёт родителей. Ещё десять лет назад для таких молодых людей было найдено специальное определение

парасайто сингуру (parasite single), а для молодой парочки, живущей за чужой счёт, соответственно, *парасайто каппуру* (parasite couple).

Мощную социальную базу для развития движения хикикомори составили «вольноопределяющиеся» *фритеры* без чётко закреплённого места работы, количество которых ещё в начале XXI века оценивалось в 417 тыс. [Молодяков 2012, с. 118]. Учитывая, что число это существенно возрастает каждое десятилетие, сейчас *фритеров* должно быть значительно больше миллиона. Более радикальная социальная группа молодёжи, именуемая *ниито* (от англ. Not in Education, Employment, Training), которых в 2009 г. насчитывалось уже 640 тыс. [Ibid.], полностью отвергает любые системные виды работы и заработка, признавая лишь случайную подработку или родительские субсидии.

Восточная Азия в XX веке и исторические корни хикикомори

Соблазнительно связать напрямую появление хикикомори с развитием ай-ти революции, но анализ показывает, что массовый уход от общества начался раньше, чем интернет распространился во всех слоях японского общества [Nomura, Aoki 2006]. Для того, чтобы понять истинные причины столь необычного феномена, который в наши дни, то есть в третьем десятилетии XXI века, шагнул далеко за пределы своей исторической родины, Японии, нужно углубиться в новейшую историю и попытаться осмыслить сущность социальных перемен в послевоенном мире, особенно в странах Восточной Азии.

Японский социолог М. Мита довольно точно делит всю послевоенную историю Японии (которую ныне повторяют последовательно Южная Корея, Китай, Сингапур и некоторые другие страны) на три периода [Mita 2006]. Суть его пространного обзора в учебном пособии по социологии современности сводится к следующему.

Первый период (1945–1960) – это т.н. «*время идеалов*». В этот период японцы усердно трудились во имя возрождения страны и повышения материального благосостояния, находившегося на крайне низком уровне. Причём идеалом для них оставалось американское общество «изобилия и демократии». Этот период знаменовался ростом классовой борьбы, направленной на улучшение положения трудящихся. Цели в основном были достигнуты, и в результате Япония пришла к формированию общества классовой гармонии, где социальные проблемы решаются преимущественно бесконфликтно, путём переговоров.

Второй период, «*время (японской) мечты*» (1960 – середина 1970-х гг.) стал временем осуществления «японского чуда» и выхода страны на мировую арену в качестве великой экономической державы. Именно в эту пору социальные ожидания были наиболее оптимистичны, и перспективы представлялись радужными для всех слоёв населения. Характерно, что «*время мечты*» было отмечено сильнейшими беспричинными социальными потрясениями. До Японии докатились отзвуки студенческих бунтов, охвативших в конце 1960-х гг. Европу, когда на воротах Сорбонны красовался лозунг «Вся власть воображению!». В Японии воображение приняло ещё более необъяснимые формы и привело к долгим бессодержательным студенческим волнениям, которые никак не улучшили положение самих студентов. Однако начиная с середины 1970-х гг. темпы роста экономики начали замедляться, а уже к середине 1980-х гг. Япония оказалась в плену «экономики мыльного пузыря». С последствиями её краха в начале 1990-х гг. страна не может окончательно справиться и сегодня.

Третий период, названный, по классификации Мита, «*время фикции*», как раз и знаменовался разочарованием общественности в политике властей и экономических реформах. В связи с быстрым переходом от аграрно-промышленного общества к индустриальному и далее к постиндустриальному стремительно рушились внутриобщинные связи, отношения между членами «большой семьи», между супругами, между родителями и детьми.

С начала 1980-х гг. японская молодёжь стала уходить всё дальше в царство иллюзий, прочь от реальной жизни. Появились огромные сообщества *отаку*, фанатичных поклонников манга и анимэ, строящих свою собственную искусственную реальность. Это поколение, получившее название «новое человечество» (*син дзинруй*), рассматривало реальное общество как платформу для своих бесконечных игр с костюмными переодеваниями (*косплэй*) и полным перевоплощением в героев мультфильмов. Сообщества *отаку* и прочих молодёжных субкультур противопоставляли себя истеблишменту и активно творили свою вселенную, но и она вскоре многим надоела.

Постепенно от ролевых игр часть молодёжи, стремящаяся, как всегда, к свободе, стала переходить к пассивному непротивлению, удаляться в самоизоляцию. Социальный конформизм, столь типичный для японского общества, стал размываться под агрессивным натиском западного индивидуализма, но новое общественное сознание так и не сумело прочно укорениться на Японских островах. Как отмечают исследователи, хикикомори в Японии стали беспомощными жертвами реакции на глобализацию в конформистском обществе [Toivonen et al. 2011]. В итоге получил развитие новый социокультурный феномен, названный «орфанизмом», то есть сиротством (от английского *orphan* – сирота), характеризующийся чувством незащищённости, уязвимости и бессилия перед любым вызовом, оторванности от общества и недоверия к нему. Причём в японском языке тот же термин «орфанизм» звучит как игра слов, обозначая одновременно «индивидуума» и «сироту». Это явление можно считать закономерной реакцией молодёжи на реформу корпоративных структур японского общества, куда молодые люди просто не успели влиться, и форсированное внедрение индивидуалистической философии жизни. Все, кто оказался отторгнут старыми структурами и не сумел найти себе место в новых, предпочли «уход», тихое затворничество.

Социально-экономический фон развития феномена хикикомори

Принимая во внимание фактор смены поколений, мы увидим, что многие хикикомори, начинавшие своё затворничество тридцать лет назад, сегодня влачат всё то же странное существование уже в возрасте пятидесяти лет и старше. По оценкам ведущего японского психиатра С. Тамаки, на 2019 г. весьма приблизительно можно было оценить число хикикомори в 1 150 тыс. (хотя по другим оценкам, с учётом не выявленных случаев, их может быть уже порядка 2 млн). Тот же профессор Тамаки предсказывает рост числа затворников по экспоненте. Через десяток лет их уже должно быть не менее 10 млн [Saito 2019]. Эти цифры ещё раз подтверждают тот факт, что Японию охватила социальная пандемия, стремительно распространяющаяся по всему миру.

Драматизм ситуации усугубляется ещё и традиционно негативным отношением японцев к людям с любыми психическими девиациями, выпадающим из любых

корпоративных структур. По свидетельству того же Сайто, в японских психиатрических клиниках имеется 300 тыс. койкомест, что составляет 20 % от потенциала всех психиатрических клиник на планете. Этот факт подтверждает глубоко укоренённое желание членов гомогенного общества изолировать в лечебных учреждениях всех индивидуумов с потенциально девиантным поведением. Давнее предубеждение проявляется в нарочито негативном отношении к затворникам как к чужеродным элементам, подрывающим общественные устои. А такое отношение, в свою очередь, чрезвычайно затрудняет путь реабилитации для тех, кто захотел бы вернуться к нормальной жизни.

В XXI веке появились новые катализаторы роста числа хикикомори. Обещания политиков всё чаще стали оборачиваться фикцией. Предприниматели стали отходить от традиции «пожизненного найма» с гарантированным социальным пакетом. В обществе стала нарастать ранее не свойственная ему конкурентность, порождающая тревогу, страх и неуверенность в будущем. Если раньше японцы имели обыкновение во всём полагаться на власть в лице правительства, местной администрации и даже полиции, нуждаясь в отеческой опеке, то «время фикции» стало вызовом для индивидуальных способностей, характера и воли каждого индивидуума. Неудивительно, что многие не выдерживали испытания, предпочитая конкурентной борьбе тихую самоизоляцию. От бурных протестов прошлого века огромные массы молодёжи, а иногда и старших возрастных групп, перешли к пассивному «непротивлению», к социальной самоаннигиляции.

Информационно-техническая революция, разумеется, породила новые условия существования, усилила социальную мобильность и резко сократила живое общение между людьми. Исторически в Японии всегда придавалось особое значение родовым и общинным связям, которые нередко помогали молодёжи устроиться на работу и сделать карьеру. При этом предполагалось, что профессиональные навыки не столь важны – их можно приобрести позже, в процессе работы. Главное – чтобы кандидат имел хорошие рекомендации, был надёжен и соблюдал полную лояльность по отношению к компании. То же правило соблюдалось и при найме выпускников престижных вузов, которых доучивали на местах. Однако в связи со сложностью компьютерных операций и разрастанием массива необходимых для работы знаний компаниям пришлось переместить акценты и при найме обращать гораздо больше внимания на профессионализм, чтобы не тратить большие средства и много времени на переучивание молодого специалиста.

В поисках работы молодые люди оказались вынуждены мигрировать в другие города и регионы, где многих также ждало разочарование. Повышение конкурсных требований при отборе привело к отсеиванию слабых, которые раньше тоже вполне могли рассчитывать на рабочие места. Одновременно автоматизация, компьютеризация и роботизация производства привели к сокращению персонала на заводах и в офисах.

Как и во всем мире, в Японии отряд работающих по временному контракту, в том числе на удалённой работе, и часто меняющих место приписки – так называемых *фритеров* – продолжал существенно увеличиваться в течение четверти века. Сегодня, в связи с эпидемией ковида и карантинными мерами, количество непостоянно занятых (то есть вынужденных в той или иной степени перманентно беспокоиться о средствах на жизнь) перевалило за 40 % трудового населения. Но надомная работа нередко действует расхолаживающе и располагает к сибаритству. Из этих огромных социальных групп путём постепенного отсеивания формируется и прослойка хикикомори.

До 30 % затворников всё же работают, преимущественно на дому, или занимаются нерегулярной подработкой, если она не связана с активной социализацией. Среди хикикомори можно встретить и компьютерных хакеров, которые, не выходя из дома, порой зарабатывают на жизнь выполнением разовых заданий, но пропорция таких профессионалов в общем числе затворников ничтожна.

Молодые люди, достигшие совершеннолетия, официально именуются «членами общества» и, соответственно, несут всё бремя социальных обязательств. Выпадающий из общества социофоб в Японии становится изгоем по определению, хотя общество и будет относиться к нему терпимо. Так же терпимо, впрочем, относятся японские муниципальные власти и полиция ко всему контингенту лиц без определённого места жительства. Ещё не так давно им даже разрешали ночевать в метро, да и сегодня клеёнчатые самодельные палатки бомжей можно встретить на территории центральных парков или на набережной реки Сумида в центре столицы. Существуют довольно многочисленные ночлежки и пункты раздачи питания для бомжей. Тем не менее, бомжи считаются полностью отмершим сегментом общества и никакого сочувствия у населения не вызывают.

Что касается хикикомори, то по степени отчуждения от общества они, как правило, немногим отличаются от бомжей, но имеют перед последними ряд преимуществ. Основное же отличие в том, что, если бомжами обычно становятся в силу непреодолимых внешних обстоятельств, то хикикомори сознательно и добровольно выбирают путь затворничества. Их отчуждение от общества – проявление пассивного социального протеста, направленного не против конкретной организации, закона или норматива, но против всего уклада общества, который для них неприемлем. Винить в этом общество нельзя, но и полностью снимать с него ответственность было бы несправедливо.

Заключение

Итак, в мире нарастает социальная пандемия, от которой человечество пока не имеет никаких действенных лекарств. Япония продолжает лидировать по числу хикикомори, но совершенно очевидно, что пандемия будет распространяться всё шире по всем континентам по мере развития технократических структур общества, отказа от традиционных способов производства и роста благосостояния граждан. Поскольку никакого универсального лекарства пока не найдено, нет сомнения, что к середине текущего столетия затворники составят весьма значительный сегмент общества.

Насколько быстро распространяется пандемия, можно судить по Южной Корее, где на 2019 г. было выявлено 300 тыс. хикикомори [Saito 2019].

Поветрие затронуло в первую очередь те экономически развитые страны, где исторически были особенно сильны семейные узы, побуждающие родителей содержать взрослых неработающих детей. В частности, это Южная Корея, Китай (буржуазная прослойка китайского общества), Сингапур, страны Южной Европы – Италия, Испания, Греция, где уже говорят о нарастании проблемы.

В странах же, проповедующих философию индивидуализма, где совершеннолетние дети рано покидают родительский дом, проблема затворничества пока стоит не так остро. Хотя некоторое количество хикикомори зарегистрировано и в США, и в Канаде, и в Австралии, пока они не представляют реальной угрозы для системы. Зато в этих странах

постоянно увеличивается количество бомжей (homeless). Так, в США, по некоторым оценкам, их насчитывается 1,6 млн, а в Великобритании 250 тыс. [Ibid]. Для сравнения в Японии бездомных всего 10 тыс.

В Японии и других странах Восточной Азии уже давно обсуждаются меры по лечению и профилактике синдрома хикикомори, но эффективность этих мер весьма сомнительна. В первую очередь родителям предлагается проводить воспитательную работу с детьми-хикикомори. Однако совершенно очевидно, что родители, не делавшие этого ранее, не способны радикально перестроиться, особенно в Японии, где консерватизм семейных отношений до сих пор чрезвычайно силён.

Рекомендуется и вмешательство психиатра, но при этом отмечается, что для такого вмешательства есть только ограниченный тайм-слот, а именно четвёртый – шестой месяцы после состоявшегося «ухода» [Wong et al. 2019, p. 160]. Исследователи установили, что по прошествии трёх месяцев молодой человек может поколебаться в своём выборе, прочувствовав все неудобства нового статуса. При правильном подходе у психиатра есть шанс вернуть пациента в лоно общества. Но шанс этот резко уменьшается после шести месяцев, которые считаются критическим сроком для перехода в состояние «вторичного хикикомори». Окончательное же и бесповоротное закрепление в сознании психологического гештальта личности хикикомори происходит после двух лет пребывания в затворничестве. Отсюда следует, что лечение и корректировка поведения возможны только на стадии т.н. «первичного хикикомори», между тем как «вторичные хикикомори» в принципе лечению не поддаются.

Предлагается также ещё один оригинальный вид лечения, который, судя по всему, ещё даже не был апробирован. Это вовлечение первичных хикикомори в различные игры с дополненной реальностью при помощи создаваемых для такой цели специальных центров психиатрической помощи, что, возможно, пробудит в молодых людях угасающий интерес к реальной жизни. Рекомендуется также приглашение хикикомори к участию в различных корпоративных мероприятиях (вечеринках, экскурсиях, благотворительной деятельности). Фактически речь может идти только о лечении самых молодых «начинающих» хикикомори, и притом с весьма сомнительным результатом. Остальные неизбежно оседают ненужным балластом в трюмах общества.

Можно было бы предположить, что по мере адаптации к новым стандартам глобализации число хикикомори с годами будет заметно уменьшаться. Однако всё происходит с точностью до наоборот: количество затворников быстро растёт и уже сегодня в Японии перевалило далеко за миллион. Очевидно, именно японская молодёжь оказалась не готова к радикальной перестройке сознания. Стремительный рост числа хикикомори в Японии свидетельствует о серьёзном кризисе всей системы социальных ценностей общества, веками находившего опору стабильности в групповых, корпоративных структурах, которые ныне отвергаются сотнями тысяч молодых людей. Более того, появление хикикомори в других странах Азии, а затем также на других континентах обозначило глобальный масштаб странной эпидемии отчуждения, заметно прогрессирующей на фоне пандемии ковида, которая усугубила тенденцию к самоизоляции, навязав вынужденное затворничество уже не сотням тысяч и не миллионам, но миллиардам людей во всём мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Молодяков В.Э. Растерянное поколение: старые и новые проблемы японской молодёжи // Япония: экономика и общество в океане проблем. Москва: Восточная литература. 2012. С. 114–126.

Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. Этос японского общества // Японское общество: изменяющееся и неизменное. Москва: АИРО-XXI. 2014. С. 43–56.

Ханин З.Я. Парии в японском обществе. Москва: Наука. 1980.

REFERENCES

Hanin, Z.Ya. (1980). *Parii v yaponskov obschestve* [Pariahs in Japanese Society]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Molodyakov, V.E. (2012). Rasteryannoe pokolenie: starye i novye problemy yaponskoi molodezhi [A Confused Generation: Old and New Problems of Japanese Youth]. In *Japan: Economy and Society in the Ocean of Problems* (pp. 114–126). Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russian).

Molodyakova, E.V., Markaryan, S.B. (2014). Ethos yaponskogo obschestva [The Ethos of Japanese Society]. In *Japanese Society Changing and Unchanged* (pp. 43–56). Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

* * *

Doi, T. (1975). Amae: A Key Concept for Understanding Japanese Personality Structure. In *Japanese Culture and Behavior* (pp. 145–154). Honolulu: The University Press of Hawaii.

Furlong, A. (2008). The Japanese hikikomori phenomenon: acute social withdrawal among young people. *Sociological Review*, 56, 309–325.

Kasahara, Y. (1978). Taikyaku shinkeishō withdrawal neurosis to iu shinkategorī no teishō [Proposal for a new category of withdrawal neurosis]. In Nakai, H.; Yamanaka, Y. (Eds.), *Shishunki no seishinbyōri to chiryō* [Psychopathology and treatment in the adolescent] (pp. 287–319). Tokyo: Iwasaki Gakujutsu Shuppan.

Kato, M. (1975). Self-Destruction in Japan: A Cross-Cultural Epidemiological Analysis of Suicide. In *Japanese Culture and Behavior* (pp. 359–382). Honolulu: The University Press of Hawaii.

Katsumata, M. (2011). Hikikomori: A Qualitative Study on Social Withdrawal of Japanese Adolescents. *Human Science Scholar*, 3 (2).

Lebra Sugiyama, T. (1975). Intergenerational Continuity and Discontinuity in Moral Values among Japanese. In *Japanese Culture and Behavior* (pp. 90–116). Honolulu: The University Press of Hawaii.

Mita, M. (2006). *Shakai-gaku Nyūmon* [Introduction to Sociology]. Tokyo: Iwanami Shinsho. (In Japanese).

Nakamura, K., Shioji, R. (1997). Taijin kyōfushō to hikikomori [Taijin-kyofusho and withdrawal]. *Rinshou Seishin Igaku* [Clinical Psychiatry], 26, 1169–1176. (In Japanese).

Nakane, Ch. (1990). *Japanese Society*. Tokyo: Charles E. Nuttle Co. Publishers.

Nomura, Y., Aoki, S. (2006). Recent problem in adolescent psychiatry. *Igaku no Ayumi*, 217, 929–934. (In Japanese).

Saito, T. (2019, September 2019). Japan's Hikikomori Population could Top 10 Million. *Nippon.com*. https://www.nippon.com/en/japan-topics/c05008/japan%e2%80%99s-hikikomori-population-could-top-10-million.html?cx_recs_click=true

Suwa, M., Suzuki, K. (2006). The concept of "Hikikomori" in mass media and psychiatry. *Japanese Journal of Adolescent Psychiatry*, 16, 61–74. (In Japanese).

Suwa, M., Suzuki, K. (2013). The phenomenon of "hikikomori" (social withdrawal) and the socio-cultural situation in Japan today. *Psychology Official Journal of the Italian Society of Psychopathology*, 19, 191–198.

Teo, A.R., Gaw, A. (2010). Hikikomori, a Japanese Culture-Bound Syndrome of Social Withdrawal? *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 198 (6), 444–449.

Toivonen, T., Norasakkunkit, V.; Uchida, Y. (2011). Unable to conform, unwilling to rebel? Youth, culture, and motivation in globalizing Japan. *Frontiers in Psychology*, 2 (207). https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2011.00207/full

Tsutsumi, S. (1999). *Japan's Consumer Society*. Tokyo: ARC Publishing.

Watabe, K., Saito, K., et al. (2008). Jidōki zenshishunki no hikikomori ni taisuru seishin igakuteki chiryō enjo ni kansuru kenkyū (1) [Research on the psychiatric treatment and support for social withdrawal in childhood and pre-adolescence (part 1)]. *Kokoro no kenkou kagaku kenkyuu jigyō*, 103–109. (In Japanese).

Wong, M., Chee J., et al. (2019). Hikikomori Phenomenon in East Asia: Regional Perspectives, Challenges, and Opportunities for Social Health Agencies. *Frontiers in Psychiatry*, 10, 153–178. https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyt.2019.00512/full.

Yong, R., Nomura, K. (2019). Hikikomori Is Most Associated With Interpersonal Relationships, Followed by Suicide Risks: A Secondary Analysis of a National Cross-Sectional Study. *Frontiers in Psychiatry*, 10, Article 247. https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyt.2019.00247/full

Поступила в редакцию 09.10.2021 Received 9 October 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-20-37

Образ Японии в советской карикатуре в период японского вторжения в Манчжурию в начале 1930-х гг. (по материалам газеты «Советская Сибирь»)

А.А. Ипеева

Аннотация. Политическая карикатура является одним из интереснейших исторических источников для изучения формирования образа того или иного события, государства. Часто именно в карикатуре можно проследить процесс визуализации «образа врага» в том или ином государстве, который конструируется намеренно под влиянием различных внешних и внутренних факторов. Ярким примером является советская политическая карикатура. Статья посвящена исследованию формирования образа Японии в политической карикатуре Советского Союза на примере газеты «Советская Сибирь» в период Маньчжурского кризиса.

Автор отмечает, что для формирования негативного образа Японии с помощью карикатуры были использованы старые стереотипы, сложившиеся о Японии в ходе русско-японской и гражданской войны, включая массовые представления о японцах как носителях таких черт, как воинственность, жестокость, коварство и непредсказуемость.

В исследовании делается вывод о том, что японское государство представлялось страной-агрессором, которая под предлогом «самозащиты» вторглась на территорию соседнего государства с целью захвата территорий, а также эксплуататором народных масс. В совокупности это формировало у читателя образ Японии как врага, обусловливало на уровне массового сознания негативное отношение к дальневосточному соседу и давало импульс к проведению дальнейшей антияпонской пропаганды, которая получила в СССР особое развитие начиная с 1933 г.

***Ключевые слова*:** образ Японии, политическая карикатура, газета «Советская Сибирь», Маньчжурский кризис.

***Автор*:** *Ипеева Анастасия Александровна,* старший преподаватель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет (адрес: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79); сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). E-mail: didifgora@mail.ru

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (грант № 19-18-00017.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Ипеева А.А. Образ Японии в советской карикатуре в период японского вторжения в Манчжурию в начале 1930-х гг. (по материалам газеты «Советская Сибирь») // Японские исследования. 2022. № 1. С. 20–37. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-20-37

The image of Japan in the Soviet caricature during the Japanese invasion of Manchuria in the early 1930s (based on the materials of the "Soviet Siberia" newspaper)

A.A. Ipeeva

Abstract. Political caricature is one of the most interesting historical sources for studying the formation of the image of an event or a nation. It is often in the caricature that one can trace the process of visualizing the "image of the enemy" in a particular state, which is deliberately constructed under the influence of various external and internal factors. A striking example is the Soviet political cartoon. The article is devoted to the study of the formation of the image of Japan in the political caricature of the Soviet Union on the example of the newspaper "Soviet Siberia" during the Manchurian crisis.

The author insists that, in order to form the negative image of Japan by the means of caricature, old stereotypes about Japan which had emerged during the Russo-Japanese and the Russian Civil wars were used, including mass representations of the Japanese as carriers of such traits as belligerence, cruelty, cunning, and unpredictability.

The study concludes that Japan was represented as an aggressor country, which, under the pretext of "self-defense", invaded the neighboring state in order to seize its territories, as well as an exploiter of the masses. Eventually, this formed the reader's image of Japan as an enemy state, conditioned a negative attitude towards the Far Eastern neighbor on the level of mass consciousness, and gave impetus to further anti-Japanese propaganda, which received special development in the USSR since 1933.

***Keywords*:** image of Japan, political caricature, newspaper "Soviet Siberia", Manchurian crisis.

***Author*:** *Ipeeva Anastasiia A.*, Senior Lecturer at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Humanities Institute, Siberian Federal University (address: 79 Svobodny pr., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation); Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). E-mail: didifgora@mail.ru

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***Acknowledgements*.** This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 19-18-00017).

***For citation*:** Ipeeva A.A. (2022). Obraz Yaponii v sovetskoy karikature v period yaponskogo vtorzheniya v Manchzhuriyu v nachale 1930-kh gg. (po materialam gazety «Sovetskaya Sibir'») [The image of Japan in the Soviet caricature during the Japanese invasion of Manchuria in the early 1930s (based on the materials of the "Soviet Siberia" newspaper)]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 1, 20–37. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-20-37

В современной мировой и российской исторической науке произошёл поворот в сторону исследования визуальных источников: фотографий, видеоматериалов, комиксов, манга, плакатов, политической карикатуры. Последняя представляет большой интерес при изучении образа определённого государства и его участия в том или ином событии. Особенно актуально привлекать данный источник исторической информации, когда речь идёт об исследовании образа врага, который конструируется намеренно различными

политическими силами и внедряется в сознание людей с помощью средств массовой информации, в том числе и посредством периодической печати.

В советское время именно периодическая печать «являлась основным источником информации о внешнем мире для населения СССР, поэтому образ других стран формировался у масс на основе тех представлений, которые были представлены в газетах и журналах» [Ложкина 2010, с. 10]. В этих условиях главным «механизмом создания «образа врага» является пропаганда. Её цель – донесение информации, которая должна воздействовать на сознание масс и направлять их социальное поведение в нужном для власти направлении [Ложкина 2007, с. 1]. Исследователь Е.В. Огаркова, анализируя советскую политическую карикатуру периода Великой отечественной войны, отмечает следующее: «Публицистическая графика способна решать эстетическими средствами внеэстетические задачи. Используя свойственную природе графического искусства органичность авторского суждения и эмоциональной выразительности, художники успешно осуществляют агитационно-пропагандистские задачи» [Огаркова 2015, с. 70].

Таким образом, карикатура, используемая в периодической печати, предназначена для более полного восприятия читателем информации, которую хотел передать автор публикации. И следовательно, «значение средств визуализации резко возрастает в ситуации целенаправленного психологического воздействия» [Подгорная 2005, с. 62] при освещении того или иного события в периодической печати. «Как и периодическая печать в целом, карикатура злободневна, оперативна, тенденциозна» [Голиков 2011, с. 53], а её основной принцип – «сознательное акцентирование какой-либо детали» [Голиков 2012, с. 99].

Кроме того, жанр карикатуры, в том числе и политической, ярко репрезентирует образ конкретного события, государства или народа. Карикатура формирует в сознании читателя упрощённую картину мира, опираясь при этом на определённые установки и стереотипы. По мнению И.В. Култышевой и О.С. Журавской, особенность политической карикатуры заключается «в её метафорической основе, когда автор в рамках единого визуального образа представляет реальное политическое лицо, собирательный образ народа, страну и оценивает их деятельность» [Култышева 2016, с. 115].

Важно отметить, что формирование образа того или иного государства непосредственно связано с исторической памятью народа. Исследователь М.В. Мусийчук пишет: «Историческая память выражается в историческом опыте, знаниях, идеях, верованиях, переходящих от поколения к поколению. Они оказывают большое влияние на социальное мировоззрение и ментальные качества населения» [Мусийчук]. Автор считает карикатуры «культурным наследием», представляющим большой научный интерес для понимания влияния социокультурного наследия на социум, поскольку карикатура является эффективным транслятором исторической памяти народа в целом, передающейся из поколения в поколение.

Таким образом, политическая карикатура становится важнейшим историческим источником, отражающим процессы формирования образа того или иного государства, который передаётся из поколения в поколение посредством исторической памяти. И следовательно, на сегодняшний день изучение образа Японии в Советском Союзе через призму политической карикатуры (расцвет которой, как отмечают многие исследователи, пришёлся на 1920 – 1930-е гг.) представляет огромный научный интерес, поскольку многие образы, сформированные в тот период, сохранились в народном сознании до сих пор.

Важно отметить, что Маньчжурский кризис 1930-х гг., ознаменовавший новый этап советско-японских отношений, в настоящее время также не перестаёт терять актуальности у исследователей. Этому событию посвящено большое количество исследований, которые затрагивают различные аспекты положения Советского Союза в данный период и его отношения к данным событиям, в том числе влияние Маньчжурского кризиса на советское военное строительство в 1930-е гг. В ряде научных публикаций последних лет активно исследуется вопрос механизмов формирования образа Японии у рядовых советских граждан, а также в среде военной и политической элиты Советского Союза [Ложкина 2008, с. 85; Филинов 2016, с. 72].

В период международной напряжённости 1930-х гг., приведшей к нарастанию межгосударственных конфликтов и к локальным боевым действиям, советская пресса активно использует политическую карикатуру. На страницах изданий получили освещение актуальные для того времени события: военные действия на Дальнем Востоке, когда Япония с 1930 г. начала активную военную политику на территории Манчжурии, впоследствии получивший название «Маньчжурский кризис» («Маньчжурский инцидент», «Мукденский инцидент»), вызревание межгосударственной нестабильности в Европе, постепенное нарастание движения «реваншизма» в Германии, а также развитой в Советском Союзе тенденции «свой – чужой» и «капиталистический мир – социалистический мир». «Политическая карикатура – средство быстрого реагирования – сразу отозвалась залпом визуальных образов, реконструирующих политические настроения того времени», – пишут исследователи Л.В. Курас и Л.В. Кальмина [Курас 2020, с. 82].

Происходящее на Дальнем Востоке представлялось важным для советского правительства: и действия Японии (захват Мукдена в 1931 г. и оккупация японскими войсками трёх китайских провинций), и внешняя и внутренняя политика Нанкина, и рост коммунистического движения в Китае, и развитие событий в таких регионах, как Синьцзян и Монголия, входивших в круг интересов Советского Союза [Гулёва 2018, с. 901]. Данные события не могли не отразиться на страницах советской периодической печати. «С началом военной агрессии Японии в Маньчжурии в сентябре 1931 года над дальневосточными границами Советского Союза нависла реальная угроза. Советскому руководству с этого времени необходим был негативный образ Японии» [Ложкина 2010, с. 10].

В этих условиях в советской политической журналистике на первое место выходит карикатура – (говоря словами Л. Варшавского) «<…> обличительный жанр, который вскрывает и разит капиталистический мир… Комическое в этой сатире не служит развлечением для читателя нашей прессы, а служит разоблачением, где едким смехом уничтожается притязание врага и открывается путь к постижению истинного смысла политического события» [Голубев 2018, с. 89].

Действительно, практически каждый номер центральных газет «Правда» или «Известия» сопровождался карикатурным образом, а имена таких карикатуристов, как В.Н. Денисов, М.В. Куприянова, Б. Ефимов, были знакомы всему Советскому Союзу. «Советская карикатура оказалась изоморфна всему советскому политическому дискурсу, стала частью общего пропагандистского послания власти, информационной картины мира, обладавшей карикатурными чертами: популистской простотой, контрастностью, максимальной эмоциональной насыщенностью. Карикатура как предельно упрощённая бинарная конструкция, апеллирующая прежде всего к эмоциональной сфере, стала

универсальной моделью изображения мира для всей отечественной журналистики» [Меринов 2016, с. 31]. Что ещё немаловажно, для формирования образа Японского государства, отражённого в карикатуре, были «приняты во внимание и скорректированы старые стереотипы, сложившиеся о Японии в ходе русско-японской и гражданских войн, были подчёркнуты особо значимые и специфические для данной страны элементы, отражающие её воинственность, жестокость, коварство и непредсказуемость, были применены технические достижения, позволившие усилить пропагандистские меры» (Ложкина 2007, с. 7). Не обошла карикатура стороной и период Маньчжурского кризиса.

Однако не только центральная пресса активно использовала жанр политической карикатуры в своих публикациях, но и региональная. Ярким примером тому является газета «Советская Сибирь».

Газета «Советская Сибирь» представляла собой ежедневное периодическое издание общественно-политического характера и являлась основным печатным изданием Сибирского революционного комитета (Сибревкома) и Сибирского бюро ЦК РКП(б) (Сиббюро). С образованием Сибирского края в 1925 г. она становится главным печатным изданием партийной и агитационной работы по всему краю [1] [Ипеева]. На страницах газеты публиковались материалы о главных событиях, происходивших на территории края, и освещался внешнеполитический курс страны.

Кроме того, огромное значение для нашего исследования данное периодическое издание имеет потому, что практически каждый выпуск газеты сопровождался обязательным визуальным рядом к статьям и заметкам на различные темы – рисунками и карикатурами, над которыми в издании трудились знаменитые сибирские художники: С. Липин, Г.Г. Ликман и другие. Этим и обусловлен выбор данного периодического издания для исследования формирования образа Японии в период Маньчжурского кризиса у советских читателей посредством политической карикатуры. В исследовании мы опираемся на более распространённую и обоснованную в исторической науке периодизацию Маньчжурского кризиса с 1931–1933 гг. [Филинов 2016, с. 71].

Цель исследования – проследить визуальное отражение образа Японии в период Маньчжурского кризиса в карикатурах газеты «Советская Сибирь».

Реализация цели исследования будет достигнута через решение следующих задач:

во-первых, проанализировать карикатуры в выпусках газеты «Советская Сибирь» за 1931–1933 гг., отражающих образ Японии в период Маньчжурского кризиса;

во-вторых, проанализировать риторику публикаций газеты, которые сопровождались карикатурами;

в-третьих, проследить процесс формирования представлений читателей о Японии посредством визуального образа в исследуемый период;

в-четвёртых, проанализировать пропагандистское послание власти, определённой картины мира на отражение образа Японии в карикатуре в период Маньчжурского кризиса.

[1] Новосибирская областная газета Советская Сибирь [Электронный ресурс]. URL: http://www.sovsibir.ru (дата обращения: 01.08.2021).

Для исследования из публикаций газеты «Советская Сибирь» за 1931–1933 гг. были выбраны десять карикатур, отражающих визуальный образ Японии в указанный период[2]. Было установлено, что карикатуры, которые визуализировали образ Японского государства в период вторжения его на территорию Манчжурии, представляют собой собирательный образ японца в традиционном офицерском или солдатском мундире (часто с обязательным атрибутом – мечом *катана*), участвующего в определённом событии указанного периода. Карикатуры сопровождали соответствующую заметку или статью, обязательно под привлекающими внимание заголовками. Они изображали произошедшее событие с целью визуализировать посыл и побудительный мотив текста и усилить информационное воздействие на читателя. Практически каждая карикатура сопровождалась небольшой подписью (обычно вверху или внизу карикатуры), которая своим содержанием привлекала внимание читателя к тексту или же ярко отражала суть самого заголовка статьи. Как правило, карикатуры помещались в верхнем правом или в верхнем среднем углу публикации, привлекая к себе внимание читателя.

Все карикатурные образы Японии в публикациях газеты «Советская Сибирь» можно рассмотреть в русле двух тематических направлений: 1) образ Японии как военного оккупанта в Манчжурии; 2) образ Японии как главного антагониста на международной арене и в отношениях с другими странами в исследуемый период. Рассмотрим карикатурные образы более подробно.

Карикатура, сопровождающая статью в газете «Советская Сибирь» за 22 сентября 1931 г., полностью отражает название статьи «Японские милитаристы наложили свою лапу на Южную Манчжурию». На ней изображён японский офицер в традиционном мундире с фуражкой, который на фоне горы Фудзи возвышается над территорией Манчжурии. Японец протягивает руку, изображённую с огромными как у хищного зверя когтями, которыми он захватывает территорию Манчжурии от Дайрена до Мукдена (в настоящее время Шэньян) и станции Куанчендзы. Карикатура выделена большими заглавными буквами (илл. 1).

Статья посвящена событиям, происходившим 18 и 19 сентября 1931 г., когда японские войска захватили Мукден и начали постепенно продвигаться по территории всей Манчжурии. В тексте статьи указывается, что «оккупация японскими войсками Манчжурии производилась удивительно планомерно. Несомненно, японские военные власти тщательно подготовили и не менее тщательно выполни план оккупации». Такие названия подзаголовков статьи, как «Япония мечом разрешает маньчжурскую проблему» и «Готовится полный захват Манчжурии», наряду с карикатурой формируют у советского читателя образ Японии как оккупанта и агрессора, осуществляющего свои давние планы по захвату маньчжурской территории. Здесь же редакция газеты указывает, что «Все японские газеты <…> одобряют действия японских войск», тем самым подтверждая мысль о том, что операция по захвату маньчжурской территории была давно спланирована Японией[3].

[2] В связи с тем, что в выпусках газеты за 1933 г. статьи и заметки, в которых присутствует информация о Японии карикатурами не сопровождаются, в исследование вошли десять карикатур из выпусков газеты «Советская Сибирь» за 1931 – 1932 гг.

[3] Советская Сибирь, 22.09.1931. С. 3.

Илл. 1. «Японские милитаристы наложили свою лапу на Южную Манчжурию»

Обратим внимание на важную деталь. Гора Фудзи, один из основных символов Японского государства, изображена с выходящим из её жерла дымом. Эта деталь служит средством создания у советского читателя визуального образа Японии как государства, развязавшего военную конфронтацию в регионе. Она, как вулкан, может в будущем разверзнуться, и лава, несущая опасность, постепенно сможет накрыть не только Китай, но и территории других соседних государств, в том числе и Советский Союз.

В продолжение данной темы в выпуске газеты за 24 сентября 1931 г. в заметке под названием «Манчжурия под японским сапогом» образ Японии конструируется такими подзаголовками, как «Бомбардировка беззащитных городов», «Япония намерена полностью использовать преимущества политики бронированного кулака», «Япония оправдывает захват Манчжурии “самозащитой”». Здесь образ Японии формируется описанием полномасштабных боевых действий японских войск на территории Южной Манчжурии. В материале говорится также об активном использовании бронепоездов при захвате стратегических объектов на территории южно-маньчжурской железной дороги. В заметке к статье под заголовком «Япония оправдывает захват Манчжурии “самозащитой”» выражено следующее мнение. Япония обосновывает своё вторжение на территорию соседнего государства разрушением китайскими войсками части южно-маньчжурской железной дороги: «Благодаря действиям Китая, за последнее время жизнь и имущество иностранцев находится в особой опасности. Следовательно, занятие японскими войсками зоны ЮМЖД является действием самозащиты», – цитирует «Советская Сибирь» одну из японских газет, однако не уточняя её названия[4].

[4] Советская Сибирь, 24.09.1931. С. 3.

Следующая карикатура, представляющая для нас интерес, имеет следующую подпись – «На сопках Манчжурии». Она сопровождает публикацию в газете «Советская Сибирь» за 11 октября 1931 г. и изображает, как тучный японский офицер душит худого полуголого китайского крестьянина (илл. 2). Данный визуальный компонент направлен на реконструкцию образа Японии в сознании читателя как страны, которая активно проводит репрессии, направленные на китайский народ. Текст статьи подтверждает ассоциативную связь с данной карикатурой. В подзаголовках статьи «Подробности бомбардировки Цзинчжоу» и «Угрозы по адресу китайского населения» говорится о том, что перед военными действиями в Цзинчжоу японские самолёты разбрасывали листовки следующего содержания: «Японские войска не признают правительство Чжансюэляна <…> Населению Цзинчжоу и окрестностям предлагается принять меры к предотвращению создания чжансюэлянского правительства, в противном случае население будет рассматриваться, как питающее враждебные намерения против японских войск»[5]. Сама же карикатура полностью отражает общий заголовок статьи «Бомбардировкой городов и репрессиями против китайского населения Япония “восстанавливает порядок” в Манчжурии», продолжая визуально формировать образ Японии как державы-агрессора.

Илл. 2. «На сопках Манчжурии»

Важно отметить, что в данной статье вновь поднимается вопрос поддержки Японией белого движения во время Гражданской войны в России. В подзаголовке статьи «Японская военщина в Манчжурии вооружает белогвардейцев. Сообщения китайской газеты о новых планах японского милитаризма» указывается на то, что японские военные, не имея возможности «открыто захватить КВЖД, поскольку дорога является советско-китайским

[5] Советская Сибирь, 11.10.1931. С. 3.

предприятием, действуют путём интриг»[6]. Они активно вооружают и подкупают русских белогвардейцев, проживающих на территории Манчжурии, с целью создания вооружённых отрядов для организации беспорядков на железной дороге.

Другая статья газеты за 21 октября 1931 г. под заголовком «Японо-китайский конфликт перерастает в японо-американский» сопровождается карикатурой с подписью «Делёжка награбленного». Она изображает не только образ Японии, ведущей активную оккупационную политику на территории Китая, но и участие других стран в данных событиях и их отношение к происходящему. На карикатуре японец снова изображён с когтями. Данный визуальный посыл продолжает идею предыдущих статей и карикатур о Японии как агрессивной державе. Далее на карикатуре мы видим образ США, который представлен Дядей Сэмом, указывающим японцу на свою сферу влияния в Китае (илл. 3). По мнению редакции, «САСШ[7], имеющие крупные интересы в Манчжурии, не могут и не хотят примириться с усилением своего японского соперника в Китае. Поэтому борьба за Манчжурию отнюдь не закончена»[8]. Образ японского государства здесь выстраивается, наряду и с другими образами держав, как образ государства-агрессора и эксплуататора, пытающегося за счёт Манчжурии «смягчить кризис, который его душит». Тут же уточняется, что укрепление Японии в Манчжурии осложняет и обостряет борьбу, которую ведут «между собой империалисты за господство в Тихоокеанском бассейне, на его главном рынке – Китае»[9].

Илл. 3. «Делёжка награбленного»

[6] Советская Сибирь, 11.10.1031. С. 3.

[7] САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты) – так традиционно назывались США в России вплоть до 1930-х гг.

[8] Советская Сибирь, 21.10.1931. С. 3.

[9] Советская Сибирь, 21.10.1931. С. 3.

Вышедшая статья газеты под названием «Японские войска – в 30 милях от Цзиньчжоу» от 2 января 1932 г. сопровождается карикатурным образом делегата из Японии на предстоящей конференции по разоружению в Женеве. Отметим, что международная конференция по сокращению и ограничению вооружений, созванная по решению Совета Лиги Наций в феврале 1932 г., как известно, не привела к серьёзным изменениям на международной арене. А её основная идея созыва, направленная на разрешение проблемы наращивания вооруженных сил многими странами, не увенчалась успехом. Рассматриваемая нами карикатура полностью отражает причину краха Женевской конференции. Она визуально формирует образ Японии в следующем ключе: на карикатуре представлен японский офицер в противогазе, на поясе мундира изображены две поясные сумки, которые представляют собой контейнеры с надписью «Тиф» и «Холера», на плече висит сумка с деревянным ящиком, заполненным боеприпасами. Подмышками делегат держит эсминец, дирижабль и огнестрельное оружие, вместо сапог на его ногах изображены два танка. Внизу карикатуры помещена подпись «Делегат от Японии на предстоящей конференции по разоружению» (илл. 4). Вербальный компонент данной карикатуры выступает в качестве пояснения, именуя каждый визуальный компонент карикатуры для лучшего восприятия читателем основной идеи. Данный образ японского делегата побуждает читателя прийти к выводу о том, что Япония не намерена поддерживать идею о сокращении своих вооружений и решении конфликтов мирным путём[10].

Илл. 4. «Делегат от Японии на предстоящей конференции по разоружению»

[10] Советская Сибирь, 02.01.1932. С. 1.

Следующая карикатура, вышедшая в газете за 3 января 1932 г. с подписью «Вид на Тихий океан (со стороны Японии)» (илл. 5), также подтверждает мнение редакции о том, что в Тихоокеанском регионе начинаются полномасштабные военные действия между капиталистическими державами. На карикатуре Япония изображается японским офицером. Он недоволен тем, что «американский флот концентрируется “для маневров” на Тихом океане»[11]. В самом же тексте статьи подробно описывается реакция на активные действия Японии в Манчжурии другой страны, имеющей свои интересы в Китае, – Великобритании. Редакция приводит цитату из английской газеты «Пекин энд Тянь цзин Таймс», которая предостерегает Японию от военного захвата Цзиньчжоу (город, в который переместилось мукденское правительство после его захвата японскими войсками), высказывая предположение, что «осложнение манчжурского конфликта может повлечь за собой крупные международные последствия» [12]. Помимо этого, газета вновь поднимает вопрос о поддержании Японией белогвардейцев. В подзаголовке «Белогвардейские бандиты “рады стараться”» говорится о том, что белая эмиграция в Манчжурии полностью поддерживает японскую оккупацию и готова всесторонне поддержать её в дальнейшем.

Илл. 5. «Вид на Тихий океан (со стороны Японии)»

Илл. 6. «Захват Харбина на повестке дня у японской военщины»

В заметке газеты от 6 января 1932 г. под заголовком «Захват Харбина на повестке дня у японской военщины» представлена карикатура с подписью «Вслед за Цзиньчжоу – Харбин». На ней изображён возвышающийся над городами японский офицер со штыком в руках, который огромными ногами идёт от захваченного Цзиньчжоу в Харбин (илл. 6). В тексте статьи говорится о том, что японские войска активно продвигаются к границам внутреннего Китая. Сама же карикатура подталкивает читателя обратиться к дальнейшему тексту статьи,

[11] Советская Сибирь, 03.01.1932. С. 1.
[12] Советская Сибирь, 03.01.1932. С. 1.

где под заголовком «Белогвардейские наёмники японского империализма за работой» вновь напоминается об активном участии Японии в поддержке белого движения в Гражданской войне в России. «За последнее время белогвардейцы в Северной Манчжурии действительно проявляют усиленную активность, которая, несомненно, инспирирована (вызвана) японскими оккупантами в их империалистических целях <…> японские агенты подстрекают белогвардейцев на беспорядки в Харбине, чтобы создать предлог для оккупации Харбина», – пишет газета[13]. Таким образом, карикатура и статья дают читателю пищу для размышления о том, что японская угроза, возникшая ещё во времена Гражданской войны, до сих пор остаётся реальной.

В публикации газеты за 16 февраля 1932 г. в заметке под названием «Японские интервенты “на – страже цивилизации”» изображена карикатура «Страж цивилизации Азии» (илл. 7), которая представлена образом японца с огромной улыбкой, стоящего на трупах людей на фоне бомбардировок мирных городов. В заметке указывается, что японские бомбардировки нанесли значительный урон мирному населению и городам: так, в ходе военных операций был разрушен германский университет в Усуне с ценным оборудованием, а в «разрушенных квартирах многих германских крупных профессоров погибли ценнейшие рукописи и библиотеки»[14].

Илл. 7. «Страж цивилизации Азии»

Ещё один интересный образ Японии в исследуемый период в газете «Советская Сибирь» представлен несколькими карикатурами, описывающими пособничество японского государства в провозглашении независимости Манчжурии и создании впоследствии государства Маньчжоу-Го.

[13] Советская Сибирь, 06.01.1932. С. 1.
[14] Советская Сибирь, 16.02.1932. С. 1.

В публикации газеты за 27 февраля 1932 г. под заголовком «Новый японский десант в Шанхае. С часу на час ожидается генеральная атака интервентов на китайские позиции»[15] мы встречаем такую интересную карикатуру, сопровождающуюся подписью «В Манчжурии провозглашено “независимое правительство” из ставленников японского империализма» (илл. 8). На ней изображен улыбающийся японский солдат, простирающий свои руки над Манчжурией. На его раскрытых ладонях располагается представительный человек в китайском платье, который держит в руках японский флаг. Тем самым данная карикатура акцентирует две основных мысли: японские войска активно ведут боевые действия; правительство, которое формируется на территории Манчжурии, полностью подчиняется японскому. Подтверждение этому мы видим в самом тексте статьи под подзаголовками «Манифестации по случаю объявления “независимости”» и «Под руководством японских режиссёров». Газета пишет, что по всей Манчжурии проходят торжественные манифесты в честь объявления независимости и образования суверенного государства, а также в честь формирования нового правительства. Однако, по мнению редакции, данные события являются «комедией», умело срежиссированной японским правительством и его ставленниками, а «китайское население в манифестах участия не принимает»[16].

Илл. 8. «В Манчжурии провозглашено “независимое правительство” из ставленников японского империализма»

[15] Советская Сибирь, 27.02.1932. С. 1.
[16] Советская Сибирь, 27.02.1932. С. 1.

Карикатура в номере газеты за 16 марта 1932 г. с подписью «В Шанхай прибыла комиссия “наблюдения” Лиги наций» сопровождает статью с заголовком «Вооруженный “мир” в Шанхае. Надежды на мирные переговоры проваливаются»[17]. На карикатуре читатель видит три фигуры: представителей Нанкина, Лиги Наций и Японии. Образ Японии на карикатуре выполнен в том же ключе, что и на остальных ранее рассмотренных нами карикатурах: японский офицер, со сведёнными бровями, укоризненно смотрит на делегата из Лиги Наций, тем самым выражая недовольство её вмешательством в разрешение японо-китайского конфликта (илл. 9).

Илл. 9. «В Шанхай прибыла комиссия “наблюдения” Лиги наций»

Второй важный для карикатуры образ изображает представителя Лиги Нации – председателя комиссии графа В. Бульвер-Литтона, который держит в руках пенсне и пытается рассмотреть происходящее. Однако его взгляд устремлен вдаль, а не на то, что происходит фактически под ногами: если присмотреться, рядом с ногой председателя комиссии лежит мёртвый человек. Таким образом, здесь прослеживается идея, распространённая в Советском государстве, о том, что практически все капиталистические страны одобряют оккупационную политику Японии в Манчжурии и находятся в сговоре друг с другом, а Лига Наций не имеет никакого политического веса для предотвращения военных конфликтов.

В статье поднимается вопрос о том, что активное военное вмешательство Японии и продвижение её войск вглубь территории Китая становится опасным для границ самого Советского Союза. «Орудия, которые сегодня опустошают Шанхай и Манчжурию <…> уничтожили десятки тысяч людей в Китае и могут любой день повернуть дула для другой цели. Под непосредственной угрозой находятся границы СССР», цитирует редакция газеты ТАСС из Берлина[18]. Таким образом, читатель, возвращаясь от текста к визуальному образу,

[17] Советская Сибирь, 16.03.1932. С. 1.
[18] Советская Сибирь, 16.03.1932. С. 1.

начинает воспринимать Японию как будущего военного противника нашего государства, который направит свою военную мощь на дальневосточные границы СССР. А визуальный образ представителя Лиги Наций, отражённый в карикатуре, наглядно демонстрирует: в случае столкновения СССР и Японии, Советский Союз может рассчитывать только на себя, поскольку Лига Наций не предпримет никаких попыток его предотвратить.

Следующая интересная карикатура, формирующая у советского читателя образ Японии как державы-агрессора, которая поработила Манчжурию и использует образованное 1 марта 1932 г. независимое государство Маньчжоу-Го в своих целях, встречается нам в номере газеты «Советская Сибирь» за 21 марта 1932 г. с подписью «Провозглашение “независимости” Манчжурии». На карикатуре изображён лежащий на земле полуголый человек, олицетворяющий Китай. Человек связан тугой верёвкой и обездвижен, на горле и груди у него располагаются сапоги японского военного (илл. 10). А на сапоге изображён Пу И (император провозглашённого независимого государства Маньчжоу-Го), который держит в руке флаг. Что интересно, флаг делится на две части: на одной из них присутствует надпись «Независимая Манчжурия», а на другой изображён *хиномару* с шестнадцатью лучами, олицетворяющий флаг Японии. Таким образом, у читателя продолжает формироваться визуальный образ Японии как державы-агрессора, которая оккупировала территорию Манчжурии только с одной целью – использовать её для своих дальнейших военных планов и угнетения китайского народа.

Илл. 10. «Провозглашение “независимости” Манчжурии»

Данная мысль подтверждается в самом тексте статьи под такими заголовками как «“Независимая” Манчжурия – вотчина японского империализма» и «Манчжурия – под пятой японского империализма». В заметках указывается, что «японцы фактически оккупировали всю Манчжурию», а в приведённой выдержке из телеграмм китайских общественных организаций в Мукдене, направленных комиссии Лиги Наций, выделено следующее: «родина разрушена и захвачена японцами, отказывающими китайцам в элементарных правах на существование. Японцы называют бандитом каждого китайца <…> Так называемое

манчжурское государство – говорится в телеграмме – является игрушкой в руках японской военщины»[19].

* * *

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод. Формирующийся образ Японии через призму карикатуры на страницах газеты «Советская Сибирь» в период Маньчжурского инцидента однозначен. Японское государство представляется страной-агрессором, которая под предлогом «самозащиты» вторглась на территорию соседнего государства с целью захвата территорий, а также эксплуататором народных масс, в перспективе у которого – дальневосточные рубежи самого Советского Союза. Таким образом, в совокупности всё это формировало у читателя образ Японии как врага, обусловило негативное отношение к дальневосточному соседу и положило начало дальнейшей антияпонской пропаганде, которая проводилась в СССР с 1933 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Голиков А.Г. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 4. С. 51–71.

Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С. Путь «канатоходца» // Родина. 2012. № 4. С. 99–102.

Гулёва М.А. Советская дипломатия и китайско-японский конфликт в изображении «Крокодила» и *Шидай маньхуа* (1931–1937 гг.) // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 2. С. 900–932.

Голубев А.В. Советская политическая карикатура 1920 – 1930-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 84–102.

Ипеева А.А. Формирование образа Японии в советской России в начале 1920-х гг. на страницах газеты «Советская Сибирь» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 12-1 (98). 25 с. https://history.jes.su/s207987840010294-2-1/ (дата обращения: 01.08.2021).

Култышева И.В., Журавская О.С. Категория комического в репрезентации образа политического врага (на примере политической карикатуры) // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 114–123.

Курас Л.В., Кальмина Л.В. Образ России в политической карикатуре на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 38. С. 82–93.

Ложкина А.С. Два огромных зуба, торчащих изо рта // Родина. 2010. № 9. С. 10–12.

Ложкина А.С. Источники формирования образа Японии в политическом сознании советского руководства 1930-х гг. // Вестник московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2008. № 4. С. 85–100.

Ложкина А.С. Формирование «образа врага»: Япония в советской пропаганде 1930-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2007. № 13. 4 с.

Меринов В.Ю. «Сквозь магический кристалл»: карикатура и карикатуризация реальности в советской центральной прессе 1920-х годов (на примере газеты «Правда») // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2016. Т. 2. № 4. С. 27–39.

[19] Советская Сибирь, 21.03.1932. С. 1.

Мусийчук М.В. Историческая память в рисунках и карикатурах журнала «Крокодил» (1941–1945) через призму приёмов остроумия // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 1. Т. 11. https://sfk-mn.ru/PDF/13SCSK120.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

Огаркова Е.В. «Смеясь, мы забывали об угрозе смерти...». Сатира, юмор, смех на страницах периодической печати // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5-2. С. 70–73.

Подгорная В.В. Визуальный образ как средство пропаганды: советская печать первого периода гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 2 (43). С. 62–66.

Филинов А.В. Советское руководство и маньчжурский кризис: политические оценки и мобилизационные усилия в 1931–1933 гг. // Клио. 2016. № 6 (114). С. 71–82.

REFERENCES

Filinov, A.V. (2016). Sovetskoe rukovodstvo i man’chzhurskij krizis: politicheskie ocenki i mobilizacionnye usiliya v 1931–1933 gg. [Soviet leadership and the Manchurian crisis: political evaluations and mobilization effort in 1931–1933], *Klio*, 6 (114), 71–82. (In Russian).

Golikov, A.G. (2011). Problemy istochnikovedcheskogo izucheniya politicheskoj karikatury (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Issues of source study of political caricatures (second half of the 19th – early 20th cent.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Bulletin of Moscow University. Series 8, History], 4, 51–71. (In Russian).

Golikov, A.G., Rybachyonok, I.S. (2012). Put’ «kanatohodca» [A “ropewalker’s” path], *Rodina*, 4, 99–102. (In Russian).

Golubev, A.V. (2018). Sovetskaya politicheskaya karikatura 1920 – 1930-h gg. [Soviet political caricatures of the 1920s – 1930s], *Rossijskaya istoriya* [Russian History], 6, 84–102. (In Russian).

Gulyova, M.A. (2018). Sovetskaya diplomatiya i kitajsko-yaponskij konflikt v izobrazhenii «Krokodila» i Shidaj man’hua (1931–1937 gg.) [Soviet diplomacy and the Sino-Japanese conflict as depicted by *Krokodil* and *Shidai Manhua* (1931–1937)], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 48 (2), 900–932. (In Russian).

Ipeeva, A.A. (2020). Formirovanie obraza Yaponii v sovetskoj Rossii v nachale 1920-h gg. na stranicah gazety «Sovetskaya Sibir’» [Formation of the Image of Japan in Soviet Russia in the Early 1920s on the Pages of the Newspaper “Soviet Siberia”], *The Journal of Education and Science “ISTORIYA” (“History”)*, Vol. 11, 12-1 (98). Retrieved August 8, 2021, from https://history.jes.su/s207987840010294-2-1/ (In Russian).

Kultysheva, I.V., Zhuravskaya, O.S. (2016). Kategoriya komicheskogo v reprezentacii obraza politicheskogo vraga (na primere politicheskoj karikatury) [The category of the comical in the representation of the image of a political enemy (on the example of political caricatures)], *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 4 (58). 114–123. (In Russian).

Kuras, L.V., Kal’mina, L.V. (2020). Obraz Rossii v politicheskoj karikature na rubezhe XIX–XX vv. [The image of Russia in the political caricatures on the verge of the 19th – 20th cent.], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul’turologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Studies], 38, 82–93. (In Russian).

Lozhkina, A.S. (2007). Formirovanie «obraza vraga»: Yaponiya v sovetskoj propagande 1930-h gg. [Formation of the “image of enemy”: Japan in Soviet propaganda of the 1930s], *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [State Management. Electronic Bulletin], 13, 4. (In Russian).

Lozhkina, A.S. (2008). Istochniki formirovaniya obraza Yaponii v politicheskom soznanii sovetskogo rukovodstva 1930-x gg. [Sources of formation of the image of Japan in the political consciousness of Soviet leadership in the 1930s], *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo)* [Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (State and Society)], 4, 85–100. (In Russian).

Lozhkina, A.S. (2010). Dva ogromnyh zuba, torchashchih izo rta [Two huge teeth protruding from the mouth], *Rodina*, 9, 10–12. (In Russian).

Merinov, V.Yu. (2016). «Skvoz’ magicheskij kristall»: karikatura i karikaturizaciya real’nosti v sovetskoj central’noj presse 1920-h godov (na primere gazety «Pravda») [“Through a magical crystal”: caricatures and caricaturization of reality in Soviet nation-wide press in the 1920s (on the example of the *Pravda* newspaper), *Nauchnyj rezul’tat. Social’nye i gumanitarnye issledovaniya* [Scientific Result. Social and Humanitarian Studies], 4, 27–39. (In Russian).

Musijchuk, M.V. (2020). Istoricheskaya pamyat’ v risunkah i karikaturah zhurnala «Krokodil» (1941–1945) cherez prizmu priemov ostroumiya [Historical memory in cartoons and caricatures of the *Krokodil* magazine (1941–1945) through the prism of methods of wit]. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul’turologiya* [World of Science. Social Studies, Linguistics, Cultural Studies], 11 (1). Retrieved August 1, 2021, from https://sfk-mn.ru/PDF/13SCSK120.pdf (In Russian).

Ogarkova, E.V. (2015). «Smeyas', my zabyvali ob ugroze smerti...». Satira, yumor, smekh na stranicah periodicheskoj pechati [“Laughing, we were forgetting the threat of death…” Satire, humor, laughter in the pages of press], *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl’* [Historical and Social-Educational Thought], 7 (5-2), 70–73. (In Russian).

Podgornaya, V.V. (2005). Vizual’nyj obraz kak sredstvo propagandy: sovetskaya pechat’ pervogo perioda grazhdanskoj vojny v Ispanii 1936-1939 gg. [Visual image as means of propaganda: Soviet press of the first period of the Spanish Civil War, 1936–1939], *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2 (43) 62–66. (In Russian).

Поступила в редакцию 04.11.2021 Received 4 November 2022

DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-38-62

Режим Кэмму в европейской и американской историографии

И.А. Тюленев

Аннотация. Режим Кэмму – военно-аристократическое правительство Японии 1333–1336 гг., возглавленное сторонниками государя Го-Дайго (後醍醐天皇, 1288–1339). Полное противоречий правление Го-Дайго оставило значительный след в японской традиционной культуре и исторической памяти, став одним из магистральных нарративов истории средневековой Японии. В научных кругах дискуссии об оценке исторической роли режима Кэмму начались ещё в период Эдо (1603–1868) и продолжаются в наши дни. В российской японистике не существует специальных исследований, целиком посвящённых событиям XIV в. и режиму Кэмму, в частности. Для описания этого периода обычно используются наработки европейских и американских авторов. При этом многие аспекты академической дискуссии остаются без внимания. Например, отечественные учёные практически проигнорировали последние этапы изучения правления Го-Дайго. Цель настоящего исследования – определить, что мы знаем и чего не знаем о режиме Кэмму, откуда мы это знаем и что можно предпринять для углубления наших знаний. При написании статьи в качестве источников выступили различные научные и околонаучные тексты (заметки, монографии, коллективные монографии и учебные пособия, рецензии и ответы на рецензии, справочные ресурсы) на португальском, английском, французском, немецком и русском языках. Рассмотрение этих текстов ведётся в хронологической последовательности, т.е. каждый раздел отражает определённый этап изучения правления Го-Дайго. Также в настоящей работе рассматривается методологическое и иное влияние японских историков на неяпонских исследователей режима Кэмму и анализируются перспективы дальнейшего изучения правления Го-Дайго с точки зрения различных научных подходов и академических традиций.

***Ключевые слова*:** историография, история науки, историческая память, средневековая Япония, режим Кэмму, государь Го-Дайго.

***Автор*:** *Тюленев Иван Алексеевич*, студент образовательной программы «Востоковедение», Факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 5), председатель Ассоциации «Химавари», руководитель проекта «Повесть об Императоре». ORCID: 0000-0001-9979-8670; E-mail: tyulenev1313@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. В проведении исследования огромную помощь мне оказали японисты Александр Николаевич Мещеряков, Максим Сергеевич Гамалей, Святослав Александрович Полхов, Степан Алексеевич Родин и Алексей Михайлович Горбылёв. Неоценимой оказалась помощь и поддержка моих коллег Павла Андреевича Белова и Давида Сергеевича Николаишина-Шищука. Также хотел бы поблагодарить моего товарища Бинари Николь Джаямаха, чьё содействие позволило преодолеть неуверенность в себе и возродить интерес к научной деятельности.

***Для цитирования*:** Тюленев И.А. Режим Кэмму в европейской и американской историографии // Японские исследования. 2022. № 1. С. 38–62. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-38-62

The Kenmu Regime in European and American historiography

I.A. Tyulenev

Abstract. The Kenmu Regime is the military and aristocratic Japanese government in 1333–1336, headed by the supporters of sovereign Go-Daigo (後醍醐天皇, 1288–1339). The reign of Go-Daigo, full of contradictions, had a great impact on premodern Japanese culture and Japanese historical memory, and became one of the main narratives of medieval Japanese history. Academic discussions on the historical role of the Kenmu Regime began in the Edo period (1603–1868) and continue to this day. However, there are no specific Russian-language studies entirely devoted to the events of the 14th century and the Kenmu Regime in particular. In Russia, the works by European and American authors are usually used to describe this period. At the same time, many aspects of the discussion remain neglected. For example, Russian scholars have essentially ignored the last stages of the study of Go-Daigo's reign. The purpose of this paper is to determine what we know and what we do not know about the Kenmu Regime, how we know it, and what we can do to deepen our knowledge. The author of the current article used as sources various academic and near-academic texts (notes, monographs, collective monographs and manuals, reviews and responses to reviews, background materials) in Portuguese, English, French, German, and Russian. The texts are considered in chronological order, i.e., each section reflects a certain stage in the study of the rule of Go-Daigo. This work also examines the methodological and other influence of Japanese historians on non-Japanese scholars who study the Kenmu Regime and analyzes the prospects for further study of Go-Daigo's reign from the point of view of different scholarly approaches and academic traditions.

***Keywords*:** historiography, history of science, national memory, medieval Japan, Kenmu Regime, sovereign Go-Daigo.

***Author*:** *Tyulenev Ivan A.*, Student of the Educational Program "Asian and African Studies", Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University) (address: 21/4(5), Staraya Basmannaya st., Moscow, 105066, Russian Federation); President of "Himawari" Association, Head of the "Povest ob Imperatore" Project. ORCID: 0000-0001-9979-8670; E-mail: tyulenev1313@gmail.com

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***Acknowledgements*.** Scholars A. Meshcheryakov, M. Gamaley, S. Polkhov, S. Rodin and A. Gorbylev have greatly contributed to this study. Also I would like to thank my colleagues P. Belov and D. Nilolaishin-Shishchuk for their help and support, and my *tovarishch* Binari Nicole Jayamaha for the assistance to overcome self-doubt and revive interest in research.

***For citation*:** Tyulenev I.A. (2022). Rezhim Kemmu v evropejskoj i amerikanskoj istoriografii [The Kenmu Regime in European and American historiography]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 1, 38–62. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-38-62

«Век Го-Дайго»

В 1331 г. японский государь Го-Дайго[1] (後醍醐天皇, 1288–1339), ставленник младшей ветви правившей династии, возглавил восстание, которое привело к установлению его единоличного правления и падению сёгуната Камакура в 1333 г. Новым девизом правления в 1334 г. было избрано сочетание знаков, которое дословно можно перевести как «Построение воинского» (建武, *Кэмму*). Заимствованное из «Книги Поздней Хань» (кит. 後漢書, *Хоу Хань шу*) V в. наименование уже использовалось в китайской истории. Выбор наименования отражал обеспокоенность государя тем, что самурайские кланы были недовольны положением дел в стране [Goble 1996, p. 176]. Правительство Го-Дайго предприняло ряд мер по разрешению «воинского вопроса», однако некоторые самураи остались недовольны нововведениями. В 1336 г. против государя выступили братья Асикага, некогда поддержавшие Го-Дайго родственники основателей сёгуната Камакура. После серии сражений государь отрёкся, передав власть Ко:мё: (光明天皇, 1322–1380) – представителю старшей ветви. Не смирившись с поражением, в том же году Го-Дайго бежал в местность Ёсино провинции Ямато, призвал сторонников к оружию и заявил, что переданные при отречении регалии фальшивые. Последующий период противостояния между ветвями правящего дома получит название эпохи «Южного и Северного дворов» (南北朝, *Намбокутё:*[2]) по аналогии с китайским периодом «Южных и Северных династий» (кит. 南北朝, *Наньбэйчао*) 420–589 гг. Впервые использованное в собрании «Дневники обители Дайдзё:» (大乗院日記目録, *Дайдзё:ин никки мокуроку*) 1504 г. при описании событий 1392 г., это название указывало на географическое расположение двух дворов. Ставка «южного» находилась в провинциях к югу от столицы, центр «северного» – в Киото [Varley 1971, p. 148].

Чтобы подчеркнуть легитимность собственных притязаний, оба двора использовали разные эры правления. Государь Го-Дайго сменил девиз в 1336 г., Ко:мё: – только в 1338 г., поводом для чего послужило официальное основание в Киото сёгуната Муромати. Япония жила по двум календарям вплоть до 1392 г., когда Война дворов завершилась мирным соглашением, предполагавшим экономическое и генеалогическое равенство двух ветвей и восстанавливавшим традицию попеременного занятия трона представителями двух линий династии. На деле сёгунат Муромати поддерживал старшую ветвь и потому лишил власти потомков Го-Дайго [Полхов 2018, с. 108–109, 118]. В XV в. выходцы из младшей ветви

[1] В русскоязычных работах обычно записывается как «Годайго». Несмотря на это, в статье используется вариант написания, более распространённый среди современных иностранных исследователей режима Кэмму. Разделение имени дефисом позволяет визуально отобразить японское восприятие знаков, следуя принципу историзма. Для средневекового японца имя этого правителя не являлось случайным набором звуков, а отсылало к государю Дайго (醍醐天皇, 885–930), продолжателем дела которого мог считать себя Го-Дайго. В Японии разрыв имени дополнительными знаками считается оскорбительным, однако, на мой взгляд, понятность и наглядность отсылки для читателя более приоритетны, нежели следование тем или иным культурным нормам.

[2] С начала XX в. Южный двор также именуют «Двором Ёсино» (吉野朝, *Ёсино тё:*), подчёркивая его географическое положение. На мой взгляд, данное наименование также указывает на неравнозначность «северных претендентов» и «истинных государей», временно вынужденных проживать в Ёсино. Кроме того, ставка Южного двора в зависимости от периода могла располагаться в Конго:дзи провинции Кавати, Сумиёси провинции Сэтцу и т.д. По этим причинам в статье используется более нейтральное и точное наименование «Южный двор».

организовали серию восстаний, направленных на возращение власти «истинным» правителям Японии. Ставки мятежников в историографии получили название «Поздний Южный двор» (後南朝, *Го-Нантё:*), указывающее на преемственность их дела по отношению к Южному двору. Несмотря на поддержку нескольких воинских кланов и временное возвращение Священной Яшмы в 1443–1458 гг., сторонники Позднего Южного двора потерпели поражение. Впоследствии японские военные и политики не раз апеллировали к происхождению от «южной» ветви ради легитимации собственных амбиций [Mori 1997]. Наибольшую популярность эта практика приобрела в 1950-х гг., когда на фоне разочарования в императоре Сё:ва (昭和天皇, 1901–1989) более 11 человек, считавших себя потомками Го-Дайго, заявили о притязаниях на трон, «узурпированный» представителями «северной» ветви [Varley 1971, pp. 156–183].

Режим Кэмму в японской историографии

События истории Японии XIV в. нашли отражение в различных источниках, ключевым из которых можно считать «Записки о великом мире» / «Повесть о великом мире» (太平記, *Тайхэй ки*) – крупнейший памятник жанра самурайских сказаний *гунки* (軍記), составленный к 1370-м гг. В этом произведении Го-Дайго поначалу предстаёт мудрым и просвещённым государем (св. I), но затем становится «неразумным правителем» (暗君, *анкун*), не сумевшим выстроить эффективное управление после свержения сёгуната Камакура (св. XII–XIII). Ещё более негативно режим Кэмму описывается в сочинении «Обронённые записи из приречного квартала Второй улицы» (二条河原落書, *Нидзё: кавара но ракусё*) 1334 г., воинском сказании «Сочинение о сливе и сосне» (梅松論, *Байсё: рон*) середины XIV в., трактате «Недостатки “Записок о великом мире”» (難太平記, *Нан Тайхэй ки*) 1402 г. и других источниках [Kameda 2016, pp. 46–49]. Также осуждают государя Го-Дайго апологеты сёгуната Муромати вроде монаха Гэнъэ (玄恵, 1269?–1350) и потомков «северной» ветви: государей Го-Комацу (後小松天皇, 1377–1433) и Го-Цутимикадо (後土御門天皇, 1442–1500) [Murata 1949]. Даже такие сторонники Южного двора, как военачальник Китабатакэ Акииэ (北畠顕家, 1318–1338), критиковали режим Кэмму за несправедливое судопроизводство, расточительность, непродуманность кадровой политики и пр. И хотя отдельные авторы вроде монаха Энкан (円観, 1281–1356) и мыслителя Китабатакэ Тикафуса (北畠親房, 1293–1354) положительно характеризовали правление Го-Дайго, в массовом сознании он остался «неразумным правителем», чьи непродуманные действия привели к гибели популярных героев – принца Мориёси (護良親王, 1308–1335), Кусуноки Масасигэ (楠木正成, 1294?–1336), Нитта Ёсисада (新田義貞, 1301–1338) и др. [Kameda 2016, pp. 46–47].

Негативный образ режима Кэмму, сформировавшийся в средние века, преобладал и в эпоху Эдо (1603–1868). В этот период среди придворных аристократов, самураев и простолюдинов особенно возрос интерес к «Запискам о великом мире». К 1691 г. учёные мужи школы Мито составили «Справочное пособие по “Запискам о великом мире”» (参考太平記, *Санко: Тайхэй ки*), сопоставив более восьми версий памятника с должностными реестрами, дневниками, хрониками и др. Восприятие произведения как достоверного исторического источника привело к тому, что представленные в «Записках» негативные

оценки режима Кэмму распространились не только при дворе, представители которого продолжали осуждать Го-Дайго за усугубление раскола государевой династии, но и среди историков, воспитанных в неоконфуцианской традиции. Например, Арай Хакусэки (新井白石, 1657–1725) критиковал Го-Дайго за непродуманность его политического курса, отмечая, что политическое «возрождение» [3] – задача непосильная и что в попытке «выпрямить быку рога» человек скорее «убьёт быка» [4] [Varley 1971, p. 146–150]. Схожих позиций придерживались Миякэ Канран (三宅観瀾, 1674–1718), Рай Санъё: (頼山陽, 1780–1832) и пр. [Kameda 2016, pp. 47–49]. При этом в период Эдо активно развивалась теория о легитимности Южного двора, которой придерживались самые разные историки от Токугава Мицукуни (徳川光圀, 1628–1701), основателя школы Мито, до Ямадзаки Ансай (山崎闇斎, 1619–1682) и Рай Санъё: [Varley 1971, 146–155]. Подобное расхождение в оценках режима Кэмму и его политического преемника можно объяснить тем, что учёные мужи считали высшей добродетелью вассала слепую преданность господину. Таким образом, чем негативнее изображался Го-Дайго, тем более выдающимися представлялись достижения его сторонников. Такой способ изложения истории был одновременно понятен и увлекателен и потому пользовался популярностью среди японских интеллектуалов [Kameda 2016, pp. 49–50].

Схожее видение режима Кэмму превалировало и в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Осуществившие свержение самурайского правительства, сторонники императорской власти искали исторический прецедент и описывали неудавшееся «возрождение» годов Кэмму как идейного предшественника успешного «обновления» (維新, *исин*) эры Мэйдзи [Goble 1996, p. xii]. Как и в эпоху Эдо, сторонников Го-Дайго продолжали идеализировать как «героев» (英雄, *эйю*) и «верноподданных» (忠臣, *тю:син*). С ростом империалистических настроений в начале XX в. в исторической науке и публицистике закрепилось негласное табу на критику Южного двора [Zöllner 1998, p. 517–518]. При этом изучение режима Кэмму в академических кругах активно развивалось. Исследователи политической истории из Токийского императорского университета начиная с Кумэ Кунитакэ (久米邦武, 1839–1931) негативно оценивали правление Го-Дайго, извлекая из его поражения «ценные моральные уроки». Танака Ёсинари (田中義成, 1860–1919) тоже критиковал «возрождение Кэмму», в особенности политику награждений и отношение Го-Дайго к «верным вассалам». Исследователи истории культуры из Киотоского императорского университета вроде Накамура Наокацу (中村直勝, 1890–1976) описывали Го-Дайго как недальновидного правителя-идеалиста, но его курс, направленный на развитие торговых, ремесленных и ростовщических предприятий центральной Японии, характеризовали как довольно прогрессивный. Теорию о революционном характере режима Кэмму впоследствии развил историк культуры Симидзу Мицуо (清水三男, 1909–1947), утверждавший, что реформы Го-Дайго, в особенности введение системы двойного контроля над провинциями гражданскими наместниками (国司, *кокуси*) и военными губернаторами (守護, *сюго*), способствовали

[3] Именно в этот период за событиями годов Кэмму закрепился конфуцианский термин «возрождение» (中興, *тю:ко:*), обозначавший попытку восстановления прямого императорского правления, обречённую на неудачу из-за внешних обстоятельств и предшествующую краху династии [Varley 1971, pp. 196–197].

[4] Арай использовал японскую поговорку «Выпрямив рога, убить быка» (角を矯めて牛を殺す, *Цуно о тамэтэ уси о коросу*).

разложению системы частных землевладений (荘園, *сё:эн*), становлению в Японии «национального государства», автономизации деревень, развитию культуры «сельского патриотизма» и пр. Также положительно «возрождение Кэмму» описывал специалист по политической истории Хирайдзуми Киёси (平泉澄, 1895–1984), чьи построения легли в основу государственной пропаганды и официальной идеологии середины 1930-х – середины 1940-х гг. Хирайдзуми писал, что Го-Дайго был полон добродетельных идей, а противостояли ему люди, «забывшие о справедливости» и «ведомые жаждой наживы», возглавлял которых расчётливый Асикага Такаудзи (足利尊氏, 1305–1358) [Kameda 2016, pp. 50–54; Ōyama, 1997, pp. 345–356].

В послевоенное время многие японские интеллектуалы начали радикально критиковать «империалистическую» историографию, и режим Кэмму вновь подвергся переосмыслению. Используя формационный подход, преобладавший в японской науке середины 1940-х – середины 1960-х гг., историк Мацумото Симпатиро: (松本新八郎, 1913–2005) характеризовал правление Го-Дайго как «полуреволюцию» (半革命, *ханкакумэй*), режим Кэмму – как феодальную революцию, которая привела к слому древней рабовладельческой системы, освобождению крестьян от эксплуатации крупных землевладельцев, развитию торговли и ремёсел в средневековой Японии. Нагахара Кэйдзи (永原慶二, 1922–2004), на раннем этапе карьеры разделявший марксистское понимание истории, придерживался иного мнения: «реставрацию» (復古, *фукко*) идеалиста Го-Дайго следует расценивать как реакцию консервативных придворных аристократов, старых буддийских школ и государевой династии на неизбежное наступление в Японии феодализма. Антагонизм между древней элитой и зарождавшимся самурайским классом привёл к восстанию Асикага и отречению Го-Дайго, в долгосрочной перспективе – к поражению Южного двора [Ōyama 1997, p. 357; Zöllner 1998, p. 519]. В середине 1960-х – конце 1980-х гг. формационный подход подвергался всесторонней критике, однако при оценке режима Кэмму исследователи приходили к схожим выводам. К примеру, принадлежавший школе позитивистской политической истории Сато: Синъити (佐藤進一, 1916–2017) утверждал, что «деспотичный правитель» (独裁君主, *докусай кунсю*) Го-Дайго стремился любыми средствами создать в Японии политическую систему по образцу китайской империи Сун, т.е. систему во главе с авторитарным императором и огромным подчинённым его воле бюрократическим аппаратом. По мнению Сато:, сунский опыт считался в Японии образцовым с X столетия, однако был неприменим в условиях XIV в., и режим Кэмму, основывавшийся на несправедливых вознаграждениях, произвольном переделе земельной собственности, нерегулярных финансовых поступлениях, беспочвенном насилии, коррумпированных аристократах и своевольном государе, можно считать одной из самых неэффективных администраций в японской истории. Основывавшийся на марксистских наработках и опыте изучения истории религий Курода Тосио (黒田俊夫, 1926–1993) также негативно оценивал режим Кэмму, характеризуя его как реакционную религиозно-феодальную монархию. Несмотря на стремление Го-Дайго лишить власти «могущественные дома» (権門, *кэммон*) и контролировать сложную систему тайно-явных учений (顕密, *кэммицу*), упразднение официальных институтов сёгуната, регентства и пр. привело лишь к концентрации непубличной власти в руках всё тех же «могущественных домов», свержению Го-Дайго и

окончательному переходу политической инициативы к воинским кланам [Ōyama 1997, pp. 357–361]. Похожие оценки предлагал Амино Ёсихико (網野善彦, 1928–2004), анализировавший историю традиционной Японии с точки зрения этнографии. Доказывая, что авторитет династии государей в западной Японии XIV в. значительно ослабевал, Амино относил характер Го-Дайго к типу личности Адольфа Гитлера (1889–1945), утверждая, что государь был импульсивным, религиозным и причудливым человеком, стремившимся защитить собственные привилегии посредством «магической силы» (魔力, *марёку*) и «силы наличных» (貨幣の力, *кахэй но рёку*). На деле же режим Кэмму столкнулся со «страшной местью реальности», провалившись в первые годы существования [Ōyama 1997, pp. 361–362].

Несмотря на всестороннюю критику режима Кэмму в послевоенный период, в Японии конца 1980-х – начала 2020-х гг. произошло очередное переосмысление правления Го-Дайго. Историки начали оценивать режим Кэмму не как «возрождение» или «реставрацию», но как «революцию» или «новое правление» (新政, *синсэй*). Этот термин отсылает к наименованию правления государя без соправителя в лице отрёкшегося предшественника и позволяет рассматривать курс Го-Дайго с 1321 г. как нечто целостное. Как считает ряд исследователей, правление Го-Дайго ознаменовалось «новым политическим курсом» (新政策, *синсэйсаку*), отчего термин *синсэй* приобретает дополнительную точность[5]. Одним из первых эту трактовку событий предоставил Мори Сигэаки (森茂暁) – позитивист, исследовавший политическую историю. Изучив официальные документы и исторические хроники XIV в., Мори охарактеризовал Го-Дайго как превосходного революционера и преждевременного гения, порвавшего со старыми порядками эпохи Камакура (1192–1333) ради построения принципиально новой политической системы. Также Мори полагает, что Го-Дайго стремился к абсолютной власти и был в определённой степени деспотичен. Таким образом, восприятие Го-Дайго как активного, экспрессивного и властолюбивого человека, а режима Кэмму – как радикальной реакционной или же революционной попытки слома камакурской системы превалировало в японской историографии конца XIV – конца XX вв. [Kameda 2016, pp. 59–61]. Эту «*Тайхэйки*-центричную» парадигму стремился преодолеть Итидзава Тэцу (市澤哲), утверждавший, что курс Го-Дайго был тесно связан с реформами судопроизводства в поздний период Камакура и что режим Кэмму с институциональной точки зрения выступал прямым преемником сёгуната Камакура, продолжая начинания его руководителей. Затем Ито: Киёси (伊藤潔, 1937–2006), привлекая к исследованию данные археологических раскопок и документы правительства Го-Дайго, обосновал, почему создание органов власти режима Кэмму следует считать не провальными нововведениями, а довольно успешными реформами, скорее продолжавшими японские политические традиции, нежели порывавшие с

[5] Несмотря на это, и «возрождение», и «новое правление» представляются довольно оценочными понятиями. Чтобы избежать предвосхищающих оценок, в данной статье используется более нейтральный термин «режим», «администрация» (政権, *сэйкэн*), заимствованный из работ Курода и пр. Так японские историки называют периоды правления тех или иных политических фигур. Например, «режим [клана] Хо:дзё:» (北条政権, *Хо:дзё: сэйкэн*), «режим Ода и Тоётоми» (織豊政権, *Сёкухо: сэйкэн*) и пр. Синонимом «режима Кэмму» в настоящем исследовании выступает словосочетание «правление Го-Дайго». Эти понятия не совсем тождественны, однако для изучения событий 1333–1336 гг. представляется необходимым ознакомиться с предшествующим курсом государя Го-Дайго и его сторонников, что позволяет в контексте работы использовать данные словосочетания как взаимозаменяемые.

ними. Опираясь на эту теоретическую базу, современные историки заметно продвинулись в изучении режима Кэмму, охватив широкий круг источников, направлений и тем. Так, исследователь буддийского искусства Утида Кэйити (内田啓一, 1960–2017) опроверг теорию Амино о «причудливой религиозности» Го-Дайго, доказав, что государь был довольно сдержан в исполнении ритуалов и чтил семейные ценности, а его духовников современники считали не «еретиками», но выдающимися религиозными подвижниками. Специалист по военно-политической истории Ко:ти Сё:сукэ (河内祥輔) одним из первых выдвинул теорию, согласно которой Го-Дайго до последнего стремился отсрочить столкновение с сёгунатом Камакура, сохраняя дружественные отношения с самурайскими кланами восточной Японии. Иное восприятие его политики в большей степени связано с осмыслением истории потомками, нежели с реальностью. Камэда Тоситака (亀田俊和), также критикуя «*Тайхэйки*-центризм» японской историографии, дополнил построения Итидзава и Ито: исследованием институциональной преемственности между режимом Кэмму и сёгунатом Муромати, доказав, что политические достижения Го-Дайго высоко ценились и активно применялись даже его оппонентами. Наконец, недавние историко-психологические исследования дневников придворных аристократов XIV в. и «Записок о великом мире» показали, что Го-Дайго рос в любящей семье, обладал умеренным нравом и не стремился к абсолютной власти. Данные оценки нашли отражение в недавнем сборнике, в котором под редакцией Годза Ю:ити (呉座勇一) было собрано 16 исследований деятельности Го-Дайго и исторической роли режима Кэмму, а также социально-политического устройства, интеллектуальной истории Японии XIV в. и др. [Goza (Ed.) 2016].

Первые упоминания правления Го-Дайго на европейских языках

С середины XVI в. ключевыми источниками знания о Японии в Европе выступали записи христианских проповедников. Описание событий японской политической истории XIV в. впервые проникло в Европу вместе с записками португальского миссионера **Жоао Родригеша** (1561/1562–1633/1634). Проживавший в Японии в 1580–1610 гг., иезуитский священник завершил свой труд в 1620-х гг., уже находясь в Макао. Копию его рукописи от 1740 г. обнаружили в библиотеке лиссабонского Дворца Ажуда в 1900 г. Таким образом, оригинальный текст или только его копия попали в Европу не ранее первой половины XVII в. [Zwartjes, 2011]. Родригеш разделил японскую историю на три части. Первая, «истинная и правильная», начиналась с воцарения легендарного государя Дзимму (神武天皇), длилась 1 960 лет и завершалась восстанием Асикага Такаудзи в 1340 г. По мнению автора, именно в этот период в стране правили «короли» (государи), ритуалы исполнялись, налоги собирались, а сёгуны не угрожали власти придворных. Однако с восстанием Такаудзи положение изменилось: разделённая на «множество королевств», Япония погрязла в междоусобицах, грабеже и бандитизме, а авторитет правителей стал опираться исключительно на военную мощь. В данной трактовке событий используется обобщение, основанное на японских исторических источниках [Cooper 1965, pp. 28–32, as cited in Goble 2012, p. 36]. Похоже, Родригеш обратился к истории японского народа, чтобы понять, почему на момент прибытия иезуитской миссии Япония пребывала в состоянии раздробленности и хаоса. В этой парадигме правление Го-Дайго может расцениваться как последняя эпоха стабильности и благополучия, основанная на следовании японским

национальным традициям. Этот взгляд довольно примечателен, однако сложно утверждать, что он встретил какое-либо признание в работах европейских исследователей. Вплоть до обнаружения записей Родригеша ни один автор на них не ссылался, а в сочинениях других христианских проповедников не встречаются даже косвенные упоминания о режиме Кэмму [Искендеров 1984, с. 179–182].

В начале XVII в. христианство на территории Японии было запрещено, основным источником знания о Японии в Европе стали записи торговцев, дипломатов, учёных, которым удалось посетить страну в период её относительной самоизоляции. В эпоху Просвещения Япония стала интересовать европейцев в первую очередь с социокультурной стороны, чему способствовало общее направление европейской историографии, в которой под влиянием трудов философов стали рассматриваться сюжеты не только социально-политической истории, но и истории культуры. Неудивительно, что следующее упоминание правления Го-Дайго на европейском языке носило довольно общий характер.

Немецкий врач **Энгельберт Кемпфер** (1651–1716), с 1685 г. путешествовавший по странам Азии в качестве корабельного врача, посетил Японию в 1690–1692 гг. Посмертно в переводе на английский язык [Kaempfer 1727] были изданы его записки, в которых исследователь собрал сведения о религиях и традициях, изящных искусствах, политической структуре, животном мире Японии. Во второй книге этого фундаментального труда упомянуто и правление Го-Дайго. При этом Кемпфер ограничился кратким описанием трагических событий, когда «пролилось много крови», не придавая режиму Кэмму большой значимости [Kaempfer, pp. 188–189]. Подобную немногословность можно объяснить несколькими обстоятельствами: 1) интерес автора склонялся к культуре и обычаям японского народа, а не к его политической истории; 2) Родригеш провёл в Японии 30 лет, Кемпфер – всего 2 года, что могло помешать собрать достаточно исходного материала и приобрести необходимые языковые навыки для его анализа; 3) японские источники в эпоху Эдо были менее доступны для иностранцев, нежели в предшествующий период. Вследствие всего этого правление Го-Дайго в трудах Кемпфера было лишено подробного рассмотрения.

Последующее изучение иностранцами истории Японии связано с переводом на европейские языки нескольких японских текстов, ключевым из которых можно считать учебное пособие «Обзор правлений государей Японии» (日本王代一覧, *Нихон о:дай итиран*) 1652 г. за авторством учёного мужа Хаяси Гахо: (林鵞峰, 1618–1680). Пребывая в Японии в 1779–1784 гг., нидерландский торговец и дипломат **Исаак Титсинг** (1745–1812) к 1783 г. перевёл первые 7 томов «Обзора» на французский язык, популярный в среде европейских интеллектуалов [Lequin 2002]. Рукопись достигла Европы вместе с Титсингом в 1797 г., но была утеряна в эпоху наполеоновских войн. Перевод был опубликован посмертно [Titsingh, 1834] благодаря содействию британских, нидерландских, французских исследователей Азии. В данном сочинении в хронологической последовательности правлений японских государей кратко описывались события военно-политической истории и прочие происшествия, а также перечислялись титулы и ранги важнейших деятелей истории Японии от глубокой древности до эпохи Эдо. В произведении упоминалось и о «восстановлении на троне» Го-Дайго [Titsingh, p. 290], что предопределило формирование концепта «Реставрации Кэмму» в европейских научных кругах. При этом не было уделено большого внимания сути преобразований правителя. Хаяси как представитель эдоской «официальной науки» в целом

больше интересовался самурайской историей Японии, нежели придворной, и потому обошёл вниманием спорное правление Го-Дайго и его последствия. Так или иначе, представлявший собой учебное пособие для самурайских чиновников, «Обзор» был основан на компиляции множества источников, что могло заметно повысить его ценность в европейских научных кругах. Несмотря на это, в силу неспособности должным образом осмыслить столь объёмный массив данных или отсутствия такого желания иностранные исследователи не стали заниматься изучением режима Кэмму и истории средневековой Японии как таковой.

«Реставрация Кэмму» в «теории великих людей»

«Открытие страны» во второй половине XIX в. дало мощный толчок к изучению истории и культуры Японии за её пределами. Новые знания о Японии европейскому читателю стало возможно получить из газет, академических журналов, объёмных справочных пособий, составленных путешественниками, торговцами, журналистами, дипломатами и учёными. В то время в европейской историографии популярностью пользовалась романтическая «теория великих людей», зародившаяся ещё в период Возрождения и распространившаяся на фоне революционных потрясений. По этой концепции, особенную роль в развитии человечества играли лишь гении и сильные личности, в то время как массы слепо за ними следовали. Следовательно, основной акцент в исследованиях прошлого стоило сделать не столько на общественных процессах, сколько на конкретных биографиях и историях личного успеха.

Влияние этой парадигмы можно проследить в сочинениях американского педагога **Уильяма Элиота Гриффиса** (1843–1928), работавшего над созданием в Японии новой системы образования в 1870–1874 гг. В своей книге он излагает историю Японии 660 г. до нашей эры – 1870-х гг. нашей эры. Опираясь преимущественно на источники эпохи Эдо и научные работы периода Мэйдзи, Гриффис описывает политическую историю с позиций «теории великих людей», концентрируясь не на развитии институтов или общностей, а на вкладе в исторический процесс отдельных личностей. Так, при описании событий начала XIV в. автор вкратце освещает роль Го-Дайго и Асикага Такаудзи, особенное внимание уделяя «героям» Нитта Ёсисада и Кусуноки Масасигэ, которые продолжали вдохновлять потомков на протяжении многих столетий. Следует отметить, что Гриффис одним из первых европоязычных японистов описал правление Го-Дайго термином «реставрация» (яп. «возрождение»), подразумевавшим, что государь стремился восстановить древние порядки прямого императорского правления [Griffis 1876, pp. 187–192]. Возможно, именно представления о консервативной направленности режима Кэмму, перенятые из японской историографии, сократили потенциал изучения правления Го-Дайго среди иностранных историков, полагавших, что Го-Дайго сопротивлялся прогрессу и потому не представлял интереса для исторической науки.

Схожий взгляд был представлен в первом англоязычном трёхтомнике по истории Японии [Murdoch 1910]. Его автор, шотландский японист **Джеймс Мёрдок** (1856–1921), уделил немного внимания «реставрации Кэмму» и раннему периоду Муромати (1338–1573), охарактеризовав посткамакурскую историю средневековой Японии как «эпоху… хаоса и… постоянного страдания и нищеты» [Murdoch, p. 634]. Следуя «теории великих людей», он сконцентрировался на достижениях «великих объединителей Японии» Ода Нобунага

(織田信長, 1534–1582), Тоётоми Хидэёси (豊臣秀吉, 1537–1598) и Токугава Иэясу (徳川家康, 1543–1616), а менее известных деятелей XIV в. описал кратко. Мёрдок опирался на записи миссионеров и интересовался проникновением христианства в Японию. Выступая наследником историографии Возрождения и Просвещения, он расценивал историю Японии XIV в. как прелюдию к великим событиям XVI столетия [Varley 2001, p. xi]. Мёрдок продолжил пренебрегать подробным изучением режима Кэмму, унаследовав трактовку правления Го-Дайго как попытки реставрации старинных политических обычаев.

«Теория великих людей» отразилась и на российской историографии. Так, **Василий Мелентьевич Мендрин** (1866–1920) из владивостокского Восточного института в 1910–1915 гг. перевёл первые 6 книг «Неофициальной истории Японии» (日本外史, *Нихон гайси*) 1837 г. за авторством Рай Санъё:. В этой книге были подробно описаны биографии ключевых сторонников Го-Дайго вроде Нитта Ёсисада и Кусуноки Масасигэ, что и могло привлечь Мендрина при работе над переводом [Мендрин 1910–1915]. Мендрин заложил основы владивостокской японистической школы, представители которой, поддерживая «теорию великих людей», были склонны видеть особенную роль личности в истории средневековой Японии. Например, уже в постсоветский период Владимир Васильевич Кожевников написал статью, в которой рассмотрел биографию Асикага Такаудзи, предположив, что именно этот военачальник самоотверженно выступил защитником интересов самурайского сословия перед лицом деструктивной политики Го-Дайго [Кожевников 1998]. Затем Александр Фёдорович Прасол издал научно-популярную книгу, представив подробный обзор событий военно-политической истории и политического поведения отдельных личностей Японии XIV в., но воздержавшись от оценок исторической роли «реставрации Кэмму» [Прасол 2020].

«Монархическая реставрация Кэмму» в историческом материализме

Преимущество «теории великих людей» заключалось в возможности подробного изучения биографий и наследия конкретных исторических фигур. Ключевым же её недостатком выступало практически полное игнорирование социальных условий, в которых формировались выдающиеся личности. Этот романтический подход к изучению истории раскритиковали сторонники материализма, разработавшие новую теоретическую модель осмысления истории в середине XIX в. По их мнению, развитие индивида следовало рассматривать исключительно в контексте развития общества. К тому же, согласно формационному подходу, предложенному Карлом Марксом (1818–1883), всю мировую историю до наступления «бесклассового общества» можно было разделить на несколько формаций, каждой из которых была характерна особенная форма эксплуатации одними социальными классами других. Смена формаций объяснялась классовой борьбой, а культура выступала «надстройкой» над экономическим «базисом».

В начале XX в. марксистские построения оказали значительное влияние на европейских и американских японистов. К примеру, советский учёный **Николай Иосифович Конрад** (1891–1970) из Петроградского института живых восточных языков предложил концепт «монархической реставрации Кэмму» [Конрад 1923, с. 258] – представление о действиях Го-Дайго как о реакционной попытке родовой аристократии отобрать власть у аристократии служилой. Крах этой попытки ознаменовал окончательное становление в Японии феодализма – общественно-экономической формации, при которой класс

наследственных военных землевладельцев обладал полным контролем над средствами производства и эксплуатировал крестьян. Согласно Конраду, режиму Кэмму не следовало уделять много внимания, поскольку события истории Японии XIV в. представляли собой борьбу внутри класса феодалов, не борьбу между классами эксплуататоров и эксплуатируемых. Под давлением марксизма-ленинизма данная позиция в советском пространстве стала основополагающей, вошла в справочную литературу и иные публикации по истории Японии. Формационный подход применялся и за пределами СССР. Так, в работе по истории японской культуры [Sansom 1931] сотрудник британской дипломатической миссии **Джордж Бэйли Сэнсом** (1883–1965) охарактеризовал правление «Дайго II» (Го-Дайго) как бездумную попытку восстановить «дофеодальные порядки», хотя реальной проблемой в посткамакурской Японии стал не конфликт между правительством государя и феодалами, а конфликт интересов феодалов [Sansom 1978, p. 328]. Концепт «монархической реставрации Кэмму» также отразился в англоязычных работах, хотя с начала 1980-х гг. это направление исследований признаётся менее перспективным [Adolphson 2017, p. 112].

«Реставрация Кэмму» в политической истории Сэнсома

В послевоенное время многие центры японистики были перенесены в США, поскольку американская оккупация Японии способствовала финансированию японистических исследований, выстраиванию академических связей, упрощению доступа к японским историческим источникам, популяризации знаний об этой стране за рубежом. Ключевым источником этих знаний стали выступать как сугубо научные издания, так и популярная и художественная литература на английском языке. Особенное внимание американские сторонники позитивистской традиции уделяли развитию политических институтов и военно-политической истории Японии, под напором марксисткой критики совершенствуя методологию, снижая значимость роли личности в истории и расширяя круг привлекаемых источников.

Одним из наиболее выдающихся японистов послевоенного периода считается уже упомянутый Сэнсом. В 1947 г. завершив дипломатическую карьеру длиной в 43 года, он продолжил академическую деятельность, переехав в США. Его научные интересы касались японской институциональной истории, места Японии во всемирной истории, международных отношений и пр. Сэнсом рассмотрел «реставрацию Кэмму» во втором томе своего фундаментального труда по японской истории [Sansom 1961]. Он представил подробный обзор военно-политической и институциональной истории Японии XIV в., коснувшись ключевых явлений, событий и персоналий режима Кэмму. Взяв за основу воинские сказания «Записки о великом мире», автор дополнил повествование вставками из придворных, воинских и других средневековых источников. Именно Сэнсом ввёл в англоязычную науку такие тексты, как «Записки годов Кэмму» (建武年間記, *Кэмму нэнкан ки*) включая «Обронённые записи из приречного района Второй улицы», «Ясное зерцало» (増鏡, *Масу кагами*), «Записки государя Ханадзоно» (花園天皇辰記, *Ханадзоно тэнно: синки*), «Сочинение о сливе и сосне», «Записки о прямой преемственности божеств и государей» (神皇正統記, *Дзинно: сё:то: ки*), «Недостатки “Записок о великом мире”», «Записки великого министра Накадзоно» (園太暦, *Энтай ряку*), «Записки Моромори»

(師守記, *Моромори ки*)[6], некоторые указы принцев (令旨, *рё:дзи*), частные письма, постановления государей (綸旨, *риндзи*) и пр. [Sansom 1974, pp. 420–421]. Рассуждения Сэнсома опирались на труды Хелен Крейг Маккалоу (1918–1978), осуществившей перевод первых 12 свитков «Записок о великом мире» на английский язык и снабдившей его введением в историю Японии XIV в. [McCullough 1959, pp. xv–xlix], а также на работы японских историков первой половины XX столетия вроде Кумэ, Танака, Накамура, Сато: и пр. [Sansom 1974, pp. 424–426]. Столь объёмное исследование обозначенного периода было впервые представлено на европейском языке [Varley 2001, p. xii].

По мнению Сэнсома, «реставрация Кэмму» была направлена на воссоздание древних порядков начала X в., когда воины исполняли лишь охранительные функции, а страной управляла администрация способных чиновников под руководством всесильных государей. Образцовым в этом смысле считались правления Уда (宇多天皇, 867–931) и Дайго. Сэнсом отмечает, что воины Японии поддержали Го-Дайго не ради преданности трону, но ради свержения дома Хо:дзё:. Не получив желанного вознаграждения, они к тому же столкнулись с абсолютной неэффективностью, коррупцией и недопустимым расточительством режима Кэмму. Униженные подобным отношением, самурайские кланы нашли заступника в лице Асикага Такаудзи, которому предстояло основать сёгунат Муромати. В общем и целом, Сэнсом не считает, что «реставрация Кэмму» заслуживает подробного рассмотрения, поскольку единоличное правление Го-Дайго было кратким, непродуктивным и препятствовавшим неизбежному переходу власти к самурайскому классу. Более того, Го-Дайго заслуживает осуждения, поскольку он предал собственного сына ради политических целей, не ценил сторонников и презрительно относился к моральным представлениям [Sansom 1974, pp. 5, 16, 24, 28–29, 31, 37]. Столь эмоциональные и отчасти европоцентричные оценки Сэнсома можно объяснить не только историческими аргументами, но и его личным жизненным опытом (например, британскими представлениями о достойном поведении руководителя государства), а также общим направлением послевоенной японской историографии – критикой государя Го-Дайго и режима Кэмму. Так или иначе, в книге Сэнсома были использованы и позитивистский подход к изучению политической истории, распространённый в европоязычной японистике, и «теория великих людей», и некоторые марксистские построения (в частности, элементы концепции феодализма). Возможно, в силу этой синтезирующей способности Сэнсома его идеи и определили дальнейшее развитие исследований истории Японии.

«Реставрация Кэмму» в истории культуры Варли

Работа Сэнсома считалась образцовой во многих отношениях, однако обладала и недостатками. Во-первых, при подробном рассмотрении институциональной и военно-политической истории исследователь меньше внимания уделял истории культуры и японской общественной мысли. Во-вторых, Сэнсом практически не касался связей между событиями истории и явлениями современности, в основном используя классическую линейную последовательность изложения. Эти особенности книги Сэнсома могли вызвать разочарование европоязычного читателя, заинтересованного в ознакомлении с «загадочной»

[6] Дискуссии о переводах на русский язык названий некоторых перечисленных произведений и иных источников XIV в. см. в недавней статье [Тюленев 2022, с. 654, 659, 661, 666, 669, 672, 675, 677].

японской культурой и в объяснении феномена японского империализма с исторической точки зрения. В отличие от Сэнсома, заложившего основы изучения Японии в Стэнфордском университете, японисты Колумбийского университета вроде **Дональда Лоуренса Кина** (1922–2019), Айвана Морриса (1925–1976) и Гершеля Уэбба (1924–1983) стремились рассматривать современное японское общество сквозь призму традиционной культуры, особенное внимание уделяя общественной мысли и изящной словесности.

Первое англоязычное исследование режима Кэмму с точки зрения истории культуры принадлежит **Герберту Полу Варли** (1931–2015). Он побывал в Японии в ходе Корейской войны, затем под руководством упомянутых профессоров Колумбийского университета защитил диссертацию PhD. Следующая поездка Варли в Японию произошла в 1968 г., когда на фоне левых протестов он занимался изучением падения сёгуната Камакура и историей режима Кэмму. Возможно, в ходе своих изысканий Варли стремился ответить на критику его первой монографии [Varley 1968], усовершенствовать наработки Сэнсома, определить происхождение японского империализма и развенчать исторические мифы, созданные имперской идеологией. Результатом исследований Варли стала его вторая книга [Varley 1971]. При описании режима Кэмму и исторической памяти о правлении Го-Дайго автор использовал широкий круг источников, в особенности произведения XIV в.: «Записки о великом мире», «Сочинение о сливе и сосне», «Записки государя Ханадзоно», «Ясное зерцало», «Недостатки “Записок о великом мире”», «Записки годов Кэмму», «Записки о прямой преемственности божеств и государей», «Записки великого министра Накадзоно» и др. Также Варли рассматривал такие памятники политической культуры эпохи Камакура, как «Записи дурака» / «Мои личные выборки» (愚管抄, *Гукан сё:*), «Уложение о наказаниях» (御成敗式目, *Госэйбай сикимоку*), «Восточное зерцало» (吾妻鏡, *Адзума кагами*), «Комментированные “Японские лета”» (釈日本紀, *Сяку Нихон ги*), «Пятикнижие пути богов» (神道五部書, *Синто: гобусё*) и пр. Наконец, автор привлёк к исследованию исторические трактаты периода Эдо, научные работы и публицистические заметки конца XIX – начала XX вв. и т.д. Большой вклад в построения Варли внесли не только сотрудники Колумбийского университета. Автор обращался к исследованиям диспута между Южным и Северным двором, проведённым Мурата Масаси (村田正志, 1904–2009), теории «могущественных домов» Курода, а также работам Мацумото, Нагахара, Сато: и иных историков послевоенного периода [Varley 1971, p. ix].

Варли писал, что «реставрация Кэмму» – продукт длительного развития японской интеллектуальной традиции, а точнее – политической мысли периода Камакура. При дворе с конца XII в. развивались идеи возврата к старым порядкам, выраженные в сочинениях монаха Дзиэн (慈円, 1155–1225), а затем и Китабатакэ Тикафуса. Придворная дискуссия о дальнейшем существовании института власти государей опиралась на актуальные доктрины буддийских учений и народных верований. В начале XIV в. главным вдохновителем движения «реставрации» стал Го-Дайго. Таким образом, изначально идеологизированный режим Кэмму был обречён на провал, поскольку не мог опираться на воинов, чьи политические взгляды существенно отличались от позиций просвещённой придворной аристократии. Управленческая несостоятельность идеалиста Го-Дайго лишь усугубила положение его неэффективной администрации, в итоге свергнутой самураями, что стало свидетельством окончательного перехода власти от «аристократических» к «воинским

домам». Тем не менее, Варли замечает, что режим Кэмму заслуживает отдельного изучения, поскольку дискуссии об этом периоде нашли отражение в трудах интеллектуалов последующих эпох, а события XIV в. стали неотъемлемой частью японской исторической памяти [Varley 1971, pp. 1–3, 37–38, 66–70, 184–188].

Первая книга на европейском языке, придавшая режиму Кэмму историческую значимость, станет основой последующих публикаций Варли – раздела о культуре периода Муромати третьего тома серии монографий по истории Японии [Varley 1990], работы о репрезентации воинов в средневековых художественных текстах [Varley 1994] и т.д. Кроме того, методология и взгляды Варли получат широкое распространение среди самых разных исследователей. Моррис унаследовал оценки Варли при описании положения Кусуноки Масасигэ в японской культуре [Morris 1975], а ссылавшаяся на Варли исследовательница **Франсин Эрель** из парижской Практической школы высших исследований издала учебное пособие по японской истории [Hérail 1986], в котором сформулировала следующую трактовку: целью Го-Дайго было воссоздание «древнего государства, в той или иной степени воображаемого, в котором властью обладали император и его родственники» [Hérail, p. 216]. Эрель использовала историко-культурные построения Варли, то есть основной акцент сделала на истории культуры и политической мысли «японской цивилизации». Этот взгляд ляжет в основу представлений о событиях XIV в. во франкоязычном пространстве и войдёт в работы современных специалистов вроде Пьера Франсуа Суйри из Женевского университета [Hérail (Ed.) 2010]. Кроме того, российская исследовательница Екатерина Кирилловна Симонова-Гудзенко из Института стран Азии и Африки МГУ рассмотрела политическую историю «реставрации Кэмму» на основе трудов не только Сэнсома, но и Варли [Симонова-Гудзенко 1998], как и Алексей Михайлович Горбылёв из того же университета и Александр Николаевич Мещеряков из Института восточных культур и античности РГГУ, в передаче «Час истины» рассказавшие об эпохе Муромати [Горбылёв, Мещеряков].

«Революция Кэмму» в политической истории Гобла

Среди недостатков книг Сэнсома и Варли можно выделить их опору на вторичные источники: авторы уделили недостаточно внимания первичным текстам вроде земельной документации, частных переписок, официальных указов. Также к недостаткам этих работ можно отнести нехватку доказательной базы в отдельных аспектах исследования политических институтов и социальных особенностей периода. Наконец, по мнению ряда учёных, ни Сэнсому, ни Варли не удалось убедительно поместить режим Кэмму в контекст общественного развития средневековой Японии. Так или иначе, Варли распространил историко-культурный подход Колумбийского университета, преподавая в Гавайском университете. Однако следующий этап в изучении правления Го-Дайго связан с влиянием стэнфордской школы политической истории, к которой принадлежал **Джеффри Пол Масс** (1940–2001). Опираясь на построения Курода и своего учителя Джона Уитни Холла (1916–1997), он обнаружил, что переход между эпохами Хэйан (794–1192) и Камакура не был абсолютно революционным, что власть воинов восточной Японии вступила в сложный синтез с властью придворных чиновников и государей, образовав «правление аристократов и воинов» (公武政治, *ко:бу сэйдзи*) [Mass 1982]. Следовательно, начало «настоящего средневековья» в Японии следует искать не в конце XII в., а в следующий турбулентный

период начала XIV в. Эти идеи легли в основу коллективной публикации по общественной жизни Японии XIV столетия [Mass (Ed.) 1997], в которой подробно были рассмотрены ключевые политические, культурные, социальные и религиозные явления эпохи.

Все эти особенности японистической историографии конца XX в. предопределили переосмысление исторической роли режима Кэмму в академическом сообществе, которое осуществил **Эндрю Эдмунд Гобл** из Орегонского университета. Он учился в австралийском Квинсленде и защитил диссертацию PhD в Стэнфорде, работая под руководством Масса. Как и предшественники опираясь на «Записки о великом мире», при подготовке монографии [Goble 1996] Гобл отдавал предпочтение «Запискам государя Ханадзоно», «Ясному зерцалу», записям из первого издания «Литературного наследия эпохи Камакура» (鎌倉遺文, *Камакура ибун*), собранию около 36 000 завещаний, частных писем, каллиграфических работ, законов, судебных постановлений, приказов, закладных бумаг и прочих документов XII–XIV вв. и региональной документации, собранной в университетах различных японских префектур (суммарно привлёк более 100 источников). При этом Гобл практически проигнорировал тексты, критиковавшие государя Го-Дайго, объяснив это ангажированностью их авторов. Другие критические замечания, изложенные, например, в «Обронённых записях из приречного района Второй улицы», исследователь и вовсе интерпретировал в пользу Го-Дайго[7]. В книге Гобла можно встретить частые ссылки на работы как англоязычных исследователей вроде Масса, Роберта Н. Хьюи, Джима Макклейна, Мартина Колкутта и др., так и японских историков. К примеру, автор монографии использовал этнографический подход Амино для обоснования наличия глубоких культурных различий между различными регионами средневековой Японии, а также совместил теорию Амино о «причудливой» религиозности Го-Дайго с исследованиями Курода «религиозно-феодальной монархии Кэмму» для объяснения религиозного курса Го-Дайго. Во многом взгляды Гобла на личность Го-Дайго и органы власти его правительства опирались на работы Мори, Итидзава и пр. При этом работы Варли, Нагахара, Сато: и многих других подверглись критике как «пленники эпохи Мэйдзи» [Goble 1996, pp. xi-xxi]. Таким образом, монография Гобла опирается на широкий круг исторических источников и научных работ.

Гобл полагал, что «революция Кэмму» – это попытка Го-Дайго и его окружения создать принципиально новую систему управления, радикально порвав со старыми порядками, но сохранив при этом важнейшие институциональные достижения сёгуната Камакура. Помещая историю Японии в международный контекст, Гобл отмечал значимость интеллектуального наследия китайской эпохи Сун (960–1279) для изучения политических взглядов Го-Дайго и его сторонников. По мнению автора, вдохновлённые этой литературой планы Го-Дайго заключались в перестройке социума, создании единого центра власти, напрямую подчинённого государю. Правитель работал над ослаблением придворной аристократии, отдельных членов династии государей и религиозных центров посредством введения принципа меритократического назначения чиновников и продвижения лояльных непосредственно ему политических фигур. Го-Дайго учитывал рост коммерческого и торгово-ростовщического сектора в экономике Японии, реформировал налоговую систему, создавал органы власти на местах, учитывая при этом региональную специфику. По Гоблу,

[7] Например, описание хаоса на улицах столицы трактовал как прославление социальной мобильности и динамичности эпохи [Goble 1996, pp. 202–205].

превознесённый в историографии начала XX в. и излишне демонизированный в послевоенной историографии, Го-Дайго на самом деле стремился не к возрождению прошлого, а к новаторским мерам, в которых нуждалось государство после крушения сёгуната Камакура. Продолжая рассуждения Масса, автор монографии считал, что «революция Кэмму» открыла дорогу настоящему японскому средневековью. Свергнутый вследствие нескольких военных неудач, Го-Дайго за 13 лет единоличного правления создал систему, многие элементы которой впоследствии унаследовал сёгунат Муромати [Goble 1996, pp. 262–275].

Монография Гобла вызвала широкий резонанс в англоязычном академическом сообществе, о чём говорит повышенное внимание к работе среди рецензентов. Британский историк Алан Дж. Р. Смит из университета Глазго отметил значимость вклада Гобла в исследования японского средневековья, но не согласился с выводами автора о роли фигуры Го-Дайго в истории Японии. Пусть государь и разделял революционные идеи, он не оставил наследника, который смог бы продолжить его начинания. Кроме того, краткое правление Го-Дайго в долгосрочной перспективе практически не повлияло на социально-политическую и религиозную жизнь страны. Работа Гобла позволяет пересмотреть мотивацию Го-Дайго, но неубедительна в выводах о «революционности» режима Кэмму [Smith 1998]. Американский японист Роберт Борген из Калифорнийского университета в Дэвисе восторгался подходом Гобла к выбору и анализу исторических источников, но также отмечал, что, даже принимая аргументы Гобла, нельзя назвать Кэмму «революцией», поскольку произошедшее больше походит на «реформы». Отдельные замечания Борген высказал относительно отсутствия в книге освещения событий, последовавших за низложением Го-Дайго, а также по поводу низкой концентрации автора на самой личности государя [Borgen 1998]. Менее критичную рецензию составила Джанет Р. Гудвин из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, отметив выдающийся вклад Гобла в изучение истории средневековой Японии [Goodwin 1999].

Другие значимые рецензии составили немецкие исследователи. Карл Стенструп из Мюнхенского университета высоко оценил фактический материал Гобла, при этом не согласившись с частными и общими выводами автора о «революционности» режима Кэмму, способностях Го-Дайго управлять страной, историческом наследии «революции». Также Стенструп, применяя аргументы из всеобщей истории, сослагательные конструкции и риторические приёмы, утверждал, что провал Го-Дайго позволил Японии не превратиться в имперское государство, зависимое от Китая [Steenstrup 1998]. Рейнхард Цёлльнер из Бонского университета раскритиковал игнорирование Гоблом источников, негативно характеризовавших правление Го-Дайго, и представил ёмкий вывод: в монографии убедительно доказывается, что режим Кэмму был не «реставрацией», но также отсутствуют аргументы в пользу его интерпретации как «революции» [Zöllner 1998]. Пожалуй, наиболее подробную критику монографии представил **Маркус Рюттерманн** из Берлинского университета имени Гумбольдта. Как и Цёлльнер, он посчитал подход Гобла к источникам принципиально неверным (вместо первичных источников вроде судебных постановлений и законов зачастую используются вторичные источники), его переводы – неполными, некомментированными и недостаточными. Отдельным поводом для критики выступило игнорирование Гоблом достижений немецкоязычной японистики и последних исследований социальной истории Японии, некорректное и двусмысленное употребление современных

терминов применительно к традиционному контексту, ложная интерпретация содержания источников. Наконец, Рюттерманн отметил, что построений Гобла недостаточно для обоснования «революционности» и исторической значимости режима Кэмму, заключив, что, так или иначе, книгу можно считать «обновлённым приложением, если не пересмотром [работы Варли]» [Rüttermann 1999]. В ответе на рецензию Гобл заявил, что «был глубоко ранен» критикой Рюттерманна и призвал исследователя публично и подробно обосновать озвученные тезисы [Goble 2000]. К сожалению, ответа Рюттерманна обнаружить не удалось, поэтому невозможно сделать выводы об исходе этой полемики.

Учтя соображения рецензентов и последние публикации коллег, Гобл представил новую интерпретацию режима Кэмму в разделах двух сборников по японской истории [Goble 2007, 2012]. Автор отказался от употребления термина «революция» применительно к правлению Го-Дайго, но продолжил утверждать, что его следует рассматривать в контексте широкой социальной трансформации начала XIV в., которая привела к наступлению «позднего средневековья», качественно отличавшегося от предшествующей эпохи. Гобл также полагает, что Го-Дайго был просвещённым прагматичным правителем, действовавшим в духе времени [Goble 2012].

Монография Гобла и её последующее переосмысление сформировали новое отношение к режиму Кэмму, отражённое в работах таких американских исследователей, как Масс, Маккарти, Томас Дональд Конлан, Конрад Тотман, Бретт Л. Уокер, Уильям Дил и др. В схожем направлении продолжают работать японские историки вроде Мори, Итидзава и Ито:, хотя никакой реакции на книгу Гобла в японоязычных кругах мне обнаружить не удалось. Также следует отметить, что Святослав Александрович Полхов из Института востоковедения РАН опирался на работу Гобла при подробном описании институциональной истории Японии XIV в. [Полхов 2018, сс. 117–121]. Таким образом, Полхов представил наиболее актуальные достижения англоязычных учёных.

Выводы

В японской историографии режим Кэмму изучался с различных позиций, среди которых можно выделить шесть ключевых направлений: 1) раннепозитивистское неоконфуцианство (Ямадзаки, Токугава, Арай, Рай); 2) позитивистская политическая история (Кумэ, Танака > Сато: > Мори > Итидзава, Ито:, Камэда, Годза); 3) позитивистская история культуры (Хара, Накамура, Симидзу > Хаясия); 4) националистический позитивизм (Хирайдзуми); 5) формационный подход исторического материализма (Мацумото, ранний Нагахара); 6) эклектические, или новые левые подходы (Курода, Амино). В зависимости от методологии менялись и оценки исторической роли режима Кэмму. Если неоконфуцианские учёные мужи и первые японские исследователи политической истории XVII — начала XX вв. критиковали государя Го-Дайго за усугубление смуты в стране и недобродетельное отношение к «верным вассалам», то сторонники историко-культурного подхода в начале прошлого столетия отмечали, что режим Кэмму подготовил японскую культуру к наступлению нового времени. В то же время националисты описывали деятельность Го-Дайго как реставрацию прямого императорского правления, восстановление добродетельных древних порядков. В послевоенные годы сторонники исторического материализма характеризовали режим Кэмму как реакцию на становление в Японии феодализма,

исследователи политической истории – как попытку построения имперской диктатуры по сунским образцам. Негативные оценки предлагали и сторонники эклектических и новых левых подходов, которые, отмечая социальные преобразования в японском обществе XIV в., критиковали Го-Дайго за излишнее властолюбие, «причудливость», идеализм и пр. Положение дел изменилось в конце XX — начале XXI вв. в связи с наступлением нового этапа развития позитивистской политической истории. Последние исследования японских учёных показывают, что режим Кэмму не был ни «революцией», ни «реставрацией», являясь институциональным преемником сёгуната Камакура и предшественником сёгуната Муромати. Переосмыслению подверглась и сама личность Го-Дайго, которой теперь приписывают много более спокойный и даже апатичный темперамент.

Европейские и американские японисты развивали собственные традиции описания и изучения режима Кэмму, среди которых можно отметить следующие: 1) ранняя политическая история «национальных государств» (Родригеш); 2) просвещенческая история культуры (Кемпфер); 3) романтическая «теория великих людей» (Гриффис, Мёрдок, Мендрин); 4) формационный подход исторического материализма (Конрад, Жуков, Эйдус, Коулборн, Рейшауэр); 5) позитивистская политическая история (Сэнсом > Гобл); 6) новоисторическая история культуры (Варли). Методологическая предрасположенность также оказывала определённое влияние на европоязычных авторов. Хотя Родригеш считал режим Кэмму значимым сюжетом истории японского «национального государства», утрата его рукописи, изменения международной ситуации и предпочтений исследователей в эпоху Просвещения не позволили развить изучение событий истории Японии XIV в. Так, в трудах Кемпфера эта эпоха представала периодом кровопролития и упадка, а переведённые Титсингом фрагменты трактата Хаяси не предлагали содержательного описания преобразований Го-Дайго и лишь закрепляли пренебрежительное отношение к этому периоду японской истории. Во второй половине XIX – первой половине XX вв. европейские и американские японисты также не придавали режиму Кэмму большой значимости. Гриффис в общих чертах описывал мифы о сторонниках Го-Дайго, Мёрдок рассматривал его правление как прелюдию к великому XVI столетию, а Мендрин и иные японисты владивостокской школы больше интересовались изложением историй отдельных личностей, нежели эпохи в целом. Конрад и другие сторонники исторического материализма характеризовали режим Кэмму как «монархическую реставрацию», не требующую изучения реакцию на развитие феодализма. Лишь во второй половине XX в. правление Го-Дайго стало рассматриваться в рамках истории японского империализма, особенно увлекавшей американских учёных. В этот период и зародилось три магистральных академических течения, консенсус между которыми не найден до сих пор. Сэнсом, опиравшийся на исследования японских специалистов начала XX в., не считал режим Кэмму важным явлением с точки зрения политической истории, описывая деятельность Го-Дайго как реакцию на переход власти от аристократии к воинам. Варли, используя наработки японских учёных послевоенного периода, полагал, что изначально идеологизированный и обречённый на провал режим Кэмму пусть и не оказал существенного влияния на социальные процессы, но оставил заметный след в японской исторической памяти и культуре и потому заслуживает изучения. Гобл, изучавший политическую историю на основе японской историографии конца XX в., пришёл к выводу, что правление Го-Дайго следует считать революционным, обеспечившим переход к «настоящему японскому средневековью» и необходимым для

дальнейшего подробного исследования. Таким образом, если Сэнсом сделал первые шаги в изучении режима Кэмму, то основная дискуссия о правлении Го-Дайго до сих пор проходит между сторонниками подходов Варли и Гобла[8]. К последним можно отнести многих американских и японских исследователей, при этом оценок Сэнсома или Варли продолжает придерживаться подавляющее большинство европейских японистов.

Среди исследователей, применявших одну и ту же методологию, могли зарождаться различные оценки режима Кэмму. К примеру, Хирайдзуми продолжал работать в рамках позитивистской политической истории, но предлагал ультранационалистическое понимание правления Го-Дайго; Мацумото и Нагахара, придерживаясь исторического материализма, приходили к разным выводам; Сэнсом и Гобл изучали политическую историю с преимущественно позитивистских позиций, но формулировали кардинально противоположные оценки и т.д. Следовательно, на формирование отдельных авторских оценок влияла не только методология исследования, но и институциональная принадлежность, политическая обстановка в стране, круг цитируемых авторов и пр. Следует отметить, что европоязычные японисты практически никак не повлияли на развитие японских исследований правления Го-Дайго, что можно объяснить японоцентризмом многих японских учёных, выраженном в отказе от ознакомления с иностранными работами. Европейские и американские японисты же опирались на труды самых разных японских историков вне зависимости от их методологической предрасположенности. Например, исследователь политической истории Сэнсом использовал наработки японских сторонников историко-культурного подхода, а Варли ссылался на авторов, работавших в рамках неблизкого ему материализма. Методологические предпочтения европоязычных японистов формировались в первую очередь под влиянием их европейских и американских коллег. Так, общее направление размышлений Варли связано с влиянием Кина, Морриса и др. (колумбийской школы), а подход Гобла – с трудами Холла, Масса и пр. (стэнфордской школы). Французские, немецкие и другие европейские японисты не сформировали принципиально иного видения режима Кэмму, заимствуя описания из японоязычной или англоязычной научной литературы. Получается, хотя первые упоминания правления Го-Дайго были составлены на португальском, немецком и французском языках, доминирующим в дискуссии об исторической роли режима Кэмму в наши дни выступает американский английский.

В русскоязычной японистике советского периода преобладал исторический материализм. После распада СССР распространились и иные подходы к изучению японской истории[9], но до сих пор не появилось ни одного специального исследования, посвящённого режиму Кэмму. Несмотря на большой объём переведённых исторических источников XIV в.[10], большинство российских учёных при описании правления Го-Дайго опирается

[8] Эту поляризацию отметил Колкутт на семинаре по истории Японии Принстонского университета, а затем и Майкл Барретт Маккарти [McCarty 2013, p. 26].

[9] Хотя в современных русскоязычных научных кругах исторический материализм и признаётся менее перспективным подходом, иногда переиздаются советские книги, посвящённые истории Японии, и появляются новые исследования, основанные на формационном подходе.

[10] Переводами и исследованием японских исторических источников XIV в. занимались Владислав Никанорович Горегляд (1932–2002), Алексей Михайлович Кабанов (1952–2011), Александр Аркадьевич Долин, Елена Михайловна Дьяконова, Александр Николаевич Мещеряков, Мария Владимировна Торопыгина, Евгения Борисовна Сахарова, Надежда Николаевна Трубникова, Майя Владимировна Бабкова, Екатерина Кирилловна

лишь на англоязычные работы. Исключение представляют японисты владивостокской школы, основывающиеся на трудах японских историков. Однако такой подход также не предполагает объёмного видения истории и содержит ряд опасностей (в частности, японоцентризм). Отсутствие принципиально иного подхода к изучению режима Кэмму в российском научном сообществе можно объяснить несколькими причинами, на мой взгляд, так или иначе связанными с травмами, оставленными советской эпохой. Во-первых, между переводческой и интерпретаторской традицией образовался разрыв: при внушительном объёме переведённых текстов XIV в. их содержание не встраивается в новые исторические теории[11]. Предпочтение работы с источниками концептуальному осмыслению истории можно связать с тем, что в советской науке преобладал материализм, и современные исследователи либо не получили достаточных компетенций для нематериалистического рассуждения о ходе японского исторического процесса, либо не считают такое рассуждение необходимым. Во-вторых, после периода доминирования политико-экономических тем в советской науке учёные стремятся подробнее рассматривать историю культуры, общественной и религиозно-философской мысли, с позиций которых изучать режим Кэмму им не кажется ни возможным, ни необходимым. С одной стороны, увлечение российских японистов историей ментальности говорит о популяризации методологических достижений «новой исторической науки» и японистов колумбийской школы, на основе широкого круга источников стремившихся реконструировать мышление, характерное для деятелей той или иной эпохи. С другой стороны, отечественные исследования культуры традиционной Японии нечасто затрагивают Японию XIV в. и продолжают иметь позитивистские склонности к изучению жизни элит, опоре лишь на письменные источники, построению рассуждения от анализа источников (не от актуальных социальных проблем), монодисциплинарности и пр., не говоря уже о том, что, например, скудно представленная в России новая левая историография в методологическом отношении продвинулась ещё дальше, нежели «новая историческая наука». В-третьих, при описании японской военно-политической истории российские японисты стремятся перечислять события, не делая обобщающих выводов. Популярность этого раннепозитивистского метода регистрации фактов также можно объяснить противостоянием российских японистов материализму, в рамках которого больше внимания уделялось масштабным социальным процессам, нежели отдельным событиям.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать несколько выводов о перспективах изучения режима Кэмму в России и за её пределами.

1. На протяжении многих десятилетий европейская и американская историография по Японии в целом отражала основные этапы развития исторической науки в Японии. В современных японских научных кругах доминирует видение режима Кэмму, опирающееся на позитивистскую политическую историю, в то время как монография Гобла, последняя крупная европоязычная работа по теме, основывается на трудах японских эклектиков и

Симонова-Гудзенко, Полина Владимировна Голубева, Фёдор Витальевич Кубасов, Иван Алексеевич Тюленев и др. [Тюленев 2022, с. 652–688].

[11] Выдающиеся исследователи Сэнсом, Варли и Гобл занимались не только переводом исторических источников XIV в., но и интерпретацией истории.

позитивистов лишь конца XX в. Следовательно, можно прогнозировать появление новых европоязычных публикаций, презентующих достижения японских исследователей режима Кэмму начала XXI в.

2. В XX в. наблюдалось противостояние позитивистского и материалистического подходов. Хотя японские исследователи вроде Курода и Амино пытались совместить элементы различных традиций, их работы подверглись критике сторонниками позитивистской истории. В связи с развитием в англоязычных кругах новой левой историографии можно прогнозировать пересмотр исторической роли режима Кэмму с точки зрения таких историко-культурных тем, как положение женщин в японском обществе, история этнических, национальных, возрастных, гендерных, сексуальных и иных меньшинств, развитие японских регионов и локальных традиций, японская повседневность и образ жизни, отношение к окружающей среде, эволюция представлений о власти, Япония в восточноазиатском контексте и пр.

3. Российские научные круги до сих пор во многом подвержены травмам советского периода. Преодолеть затянувшуюся фазу отрицания советского опыта и радикального ухода в исследования на историко-культурные темы в ущерб историко-политическим может позволить обращение к зарубежным исследованиям режима Кэмму и продолжение интеграции отечественных японистов в международное академическое сообщество. Так, развивающаяся по всему миру новая левая историография критикует не только классический позитивизм, но и исторический материализм, что может удовлетворить потребность российских учёных в нематериалистическом описании хода социально-политической истории. Другим направлением движения может стать локализация и популяризация японистических исследований, развитие собственных научных традиций не только в наиболее крупных городах России, но и в иных социокультурных центрах страны.

Наконец, важно отметить, что российские исследователи обладают большим объёмом переведённых и прокомментированных текстов, выдающимися достижениями в сферах истории религий, истории правовой и военно-политической культуры, микроистории и истории литературы Японии. Автор этой работы глубоко убеждён, что в рамках исследований режима Кэмму отечественные японисты уже могут и ещё смогут многое предложить мировому академическому сообществу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горбылёв А.М., Мещеряков А.Н. Япония эпохи Муромати // Час истины. URL: https://youtu.be/zLB1JzBcgo4 (дата обращения: 22.02.2021).

Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси. Москва: Наука. 1984.

Кожевников В.В. Виновен в измене? Штрихи к портрету Асикага Такаудзи // Известия Восточного института. 1998. С. 129–140.

Конрад Н.И. Вопросы японского феодализма // Новый Восток. 1923. № 4. С. 349–364.

Полхов С.А. Япония в эпоху средневековья // История Японии / под ред. Д.В. Стрельцова. 2-е издание. Москва: Аспект-Пресс. 2018. С. 91–199.

Прасол А.Ф. Япония в XIV веке: хроники власти. Издательство ВКН. 2020.

Рай Дзио Сисей. История сиогуната в Японии / пер. *В. М. Мендрина*. Кн. 1-6 // Известия Восточного института. 1910–1915. Т. 33, вып. 2; Т. 36, вып. 1; Т. 39, вып. 1; Т. 39, вып. 2; Т. 50; Т. 60.

Симонова-Гудзенко Е.К. Камакурский сёгунат (1185–1333); Раскол императорского дома (1334–1392) // История Японии. Т. 1. С древнейших времён до 1868 года / под ред. А.Е. Жукова. Москва: Институт востоковедения РАН. 1998. С. 222–254; 254–274.

Тюленев И.А. Правление государя Го-Дайго в исторических источниках и их переводах на европейские языки // Сборник материалов XII Конференции молодых японоведов / под ред. И.А. Тюленева. Москва: Адвансед солюшнз. 2022. С. 652–688.

REFERENCES

Gorbylyov, A.M. & Meshcheryakov, A.N. Yaponiya epokhi Muromati [Japan in the Muromachi Age]. *Chas istiny* [An Hour of Truth]. Retrieved February 22, 2021, from https://youtu.be/zLB1JzBcgo4 (In Russian).

Iskenderov, A.A. (1984). *Toyotomi Hideyosi* [Toyotomi Hideyoshi]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Konrad, N.I. (1923). Voprosy yaponskogo feodalizma [Issues of Japanese feudalism]. *Novyj Vostok* [New East], 4, 349–364. (In Russian).

Kozhevnikov, V.V. (1998). Vinoven v izmene? Shtrikhi k portretu Asikaga Takaudzi [Guilty of Treason? Strokes to the image of Ashikaga Takauji]. *Izvestiya Vostochnogo Instituta* [Oriental Institute Journal], 129–140. (In Russian).

Polkhov, S.A. (2018). Yaponiya v epokhu srednevekov'ya [Japan in the middle ages]. In D.V. Streltsov (Ed.), *Istoriya Yaponii* [A History of Japan], 2nd edition (pp. 91–199). Moscow: Aspekt-Press. (In Russian).

Prasol, A.F. (2020). *Yaponiya v XIV veke: hroniki vlasti* [Chronicles of Power: Japan in the 14th Century]. (In Russian).

Rai Dzio Sisei; Mendrin, V.M. (Trans.) (1910–1915). Istoriya siogunata v Yaponii [A History of Shogunate in Japan] (vol. 1–6). *Izvestiya Vostochogo Instituta* [A Journal of Oriental Institute]. 33, 2; 36, 1; 39, 1; 39, 2; 50; 60. (In Russian).

Simonova-Gudzenko, Ye.K. (1998). Kamakurskii segunat (1185–1333) [the Kamakura shogunate (1185–1333)]; Raskol imperatorskogo doma Yaponii (1334–1392) [the Division in the Imperial House of Japan (1334–1392)]. In A.Ye. Zhukov (Ed.), Istoriya Yaponii. T. 1. S drevneishikh vremen do 1868 goda [A History of Japan. Vol. 1. From Ancient Times to 1868] (pp. 222–254; 254–274). (In Russian).

Tyulenev I.A. (2022). Pravleniye gosudarya Go-Daigo v istoricheskikh istochnikakh i ikh perevodakh na yevropeiskiye yazyki [The Rule of Sovereign Go-Daigo in Historical Sources and Their Translations into European Languages]. In I.A. Tyulenev (Ed.), Sbornik materialov XII Konferentsii molodykh yaponovedov "Novyi vzglyad" [The XII Conference of Young Japanologists "New Perspective" Proceedings] (pp. 652–688). (In Russian).

* * *

Adolphson, M.S. (2017). From classical to medieval? Ōchō kokka, kenmon taisei and Heian court. In K.F. Friday (Ed.), *Routledge Handbook of Premodern Japanese History* (pp. 99–115).

Borgen, R. (1998). Review; Reviewed Work: Kenmu: Go-Daigo's Revolution by A.E. Goble. *The American Historical Review*, 103 (5), 1668–1669.

Cooper, M.J. (1965). *They Came to Japan: An Anthology of European Reports on Japan, 1543-1640*. Berkley: University of California Press.

Goble, A.E. (1996). *Kenmu: Go-Daigo's Revolution*. Cambridge: Harvard University Asia Center.

Goble, A.E. (2000). Response to Markus Rüttermann 's Review of Kenmu: Go-Daigo's Revolution. *The Journal of Japanese Studies*, 26 (1), 300.

Goble, A.E. (2007). Medieval Japan. In W.M. Tsutsui (Ed.), *A Companion to Japanese History* (pp. 47–66).

Goble, A.E. (2012). Defining "Medieval"; The Kamakura Shogunate and the Beginnings of Warrior Power; Go-Daigo, Takauji, and the Muromachi Shogunate. In K.F. Friday (Ed.), *Japan Emerging. Premodern History to 1850* (pp. 32–41; 189–202; 213–223).

Goodwin, J.R. (1999). Review; Reviewed Work: Kenmu: Go-Daigo's Revolution by A.E. Goble. *The Historian*, 61 (4), 936–937.

Goza Yūichi (Ed.). (2016). *Nanchō kenkyū no saizensen: koko made wakatta «Kenmu seiken» kara Go-Nanchō made* [Advanced studies of the Southern Court: from still understood as "Kenmu Regime" to the Late Southern Court]. (In Japanese).

Griffis, W.M. (1876). *The Mikado's Empire: A History of Japan from the Age of Gods to the Meiji Era (660 BC - AD 1872)*. New York: Harper.

Hérail, F. (1986). *Histoire du Japon – des origines à la fin de Meiji: Matériaux pour l'étude de la langue et de la civilisation japonaises* [History of Japan – the Origins to the End of Meiji: Materials for the Study of Japanese Language and Civilization]. Paris: Orientalist publications from France. (In French).

Hérail, F. (Ed.). (2010). *Histoire du Japon: des origines à nos jours* [A History of Japan: From the Origins to the Present Day]. (In French).

Kaempfer, E. & Scheuchzer, J.G. (Trans.). (1727). *The History of Japan, giving an account of the ancient and present state and government of that empire…* London: Printed for the translator.

Kameda Toshitaka (2016). *"Kenmu no shinsei" wa handōtekinanoka, shinpotekinanoka* ["New Rule of Kenmu" is reactionary or progressive?]. In Yūichi Goza (Ed.), *Nanchō kenkyū no saizensen: koko made wakatta «Kenmu seiken» kara Go-Nanchō made* [Advanced studies of the Southern Court: from still understood as "Kenmu Regime" to the Late Southern Court] (pp. 43–63). (In Japanese).

Lequin, F. (2002). *Titsingh Studies*, 1.

Mass, J.P. (1982). *Court and Bakufu in Japan: Essays in Kamakura History*. New Haven: Yale University Press.

Mass, J.P. (Ed.). (1997). *The Origins of Japan's Medieval World: Courtiers, Clerics, Warriors, and Peasants in the Fourteenth Century*.

Mass, J.P.; Hauser, W.B. (Eds.). (1985). *The Bakufu in Japanese History*.

McCarty, M.B. (2013). *Divided Loyalties and Shifting Perceptions. The Jōkyū Disturbance and Courtier-Warrior Relations in Medieval Japan*. Ph.D. diss. New York: Columbia University.

McCullough, H.C. (1959). *The Taiheiki. A Chronicle of Medieval Japan*. New York: Columbia University Press.

Mori Shigeaki. (1997). *Yami no rekishi – Go-Nanchō Go-Daigo-ryū teikō to chūsen* [Darkness in History – the Resistance and the Demise of the Go-Daigo Branch of the Late Southern Court]. (In Japanese).

Morris, I. (1975). *The Nobility of Failure: Tragic Heroes in the History of Japan*. London: Secker & Warburg.

Murata Masashi (1949). *Nanbokuchō seitō ron no rekishi* [A History of the Northern and Southern Courts Controversy]. In Masashi Murata, *Murata Masashi chosakushū* [Full Composition of Murata Masashi Writings] (Vol. 1). Tokyo: Chuokoronsha. (In Japanese).

Murdoch, J. (1910). *A History of Japan. Vol. 1: From the origins to the arrival of the Portuguese in 1542 A. D.* Yokohama: Kelly & Walsh.

Ōyama, K. (1997). The Fourteenth Century in Twentieth-Century Perspective. In J.P., Mass (Ed.), *The Origins of Japan's Medieval World: Courtiers, Clerics, Warriors, and Peasants in the Fourteenth Century* (pp. 345–365).

Rüttermann, M. (1999). Review; Reviewed Work: Kenmu: Go-Daigo's Revolution by A.E. Goble. *The Journal of Japanese Studies*. 25 (1), 178–185.

Sansom, G.B. (1931). *Japan: A Short Cultural History*. London: Cresset Press.

Sansom, G.B. (1961). *A History of Japan: 1334-1615*. Stanford: Stanford University Press.

Sansom, G.B. (1974). *A History of Japan 1334-1615*. Rutland & Tokyo: The Charles E. Tuttle Company Inc.

Sansom, G.B. (1978). *Japan: A Short Cultural History*. Stanford: Stanford University Press.

Smith, A.G.R. (1998). Review; Reviewed Work: Kenmu: Go-Daigo's Revolution by A.E. Goble. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3rd series, 8 (2), 315–316.

Steenstrup, C. (1998). Review; Reviewed Work: Kenmu: Go-Daigo's Revolution by A.E. Goble. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 58 (2), 614–622.

Titsingh, I. (1834). *Nihon Odai Ichiran; ou, Annales des empereurs du Japon* [Nihon Odai Ichiran, or the Annals of the Emperors of Japan]. Paris: Royal Asiatic Society. (In French).

Varley, H.P. (1971). *Imperial Restoration in Medieval Japan*. NY&L: Columbia University Press.

Varley, H.P. (1990). Cultural Life in Medieval Japan. In K. Yamamura (Ed.), *The Cambridge History of Japan. Vol. 3: Medieval Japan* (pp. 447–499).

Varley, H.P. (1994). *Warriors of Japan as Portrayed in the War Tales*.

Varley, H.P. (2001). Foreword to the Cornell edition. In J.W., Hall & T., Toyoda (Eds.), *Japan in the Muromachi Age* (pp. xi–ixx). Ithaca: East Asia Program, Cornell University.

Zöllner, R. (1998). Review: The Sun Also Rises. Go-Daigo in Revolt; Reviewed Work: Kenmu: Go-Daigo's Revolution by A.E. Goble. *Monumenta Nipponica*, 53 (4), 517–527.

Zwartjes, O. (2011). *Portuguese Missionary Grammars in Asia, Africa and Brazil, 1550-1800*.

Поступила в редакцию 20.11.2021 Received 20 November 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-63-77

Трансформация менеджмента, деловой культуры и стиля работы японских компаний

С.В. Шапошников, Ю. Садои

Аннотация. Достижение устойчивого экономического роста, повышение производительности труда в японских компаниях возможно путём цифровой трансформации (digital transformation, DX). Реализация цифровой трансформации стала ещё более важной задачей, поскольку пандемия COVID-19 привела к серьёзному спаду экономической активности в стране. Переход к использованию цифровых технологий выявляет традиционные черты стиля работы, деловой культуры и менеджмента японской компании, которые подвергаются изменениям в процессе цифровой трансформации. Для японских компаний этот цифровой переход может стать катализатором изменений того стиля работы, деловой культуры и менеджмента, которые сегодня не только не позволяют им быть конкурентоспособными, но и могут привести к их исчезновению. Происходящие изменения пока встречают сопротивление в компаниях, но вскоре будут приняты и адаптированы японским бизнесом.

***Ключевые слова*:** Япония, японский менеджмент, цифровая трансформация, деловая культура, стиль работы компаний.

***Авторы*:**

Шапошников Сергей Вячеславович, кандидат экономических наук, доцент, Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (адрес: 119049, Москва, Шаболовка ул., 26-28). E-mail: svshaposhnikov@hse.ru

Садои Юри, профессор, экономический факультет, Университет Мэйдзё (адрес: 1-501, Сёгамагути Тэмпаку, Нагоя 468-8502, Япония). E-mail: sadoi@meijo-u.ac.jp

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Шапошников С.В., Садои Ю. Трансформация менеджмента, деловой культуры и стиля работы японских компаний // Японские исследования. 2022. № 1. С. 63–77. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-63-77

The transformation of management, business culture, and work style in Japanese companies

S.V. Shaposhnikov, Yu. Sadoi

Abstract. Achieving sustainable economic development and productivity growth in Japanese companies are possible through digital transformation (DX). The implementation of digital transformation has become even more important as the COVID-19 pandemic has led to a major downturn in economic activity in the country. The transition to digital technology is revealing the traditional features of Japanese company work style, business culture, and management that are being altered by the digital transformation

process. This digital transition can be a catalyst for Japanese companies to change or even abandon the work style, business culture, and management that today not only prevent companies from being competitive, but also can lead to extinction. The changes taking place so far meet resistance, but, perhaps, will soon be accepted and adapted by Japanese business.

***Keywords*:** Japan, Japanese management, digital transformation, Japanese business culture, work style.

***Authors*:**

Shaposhnikov Sergei V., PhD, Associate Professor, Graduate School of Business, National Research University Higher School of Economics (address: 26-28, Shabolovka av., Moscow, 119049, Russian Federation). E-mail: svshaposhnikov@hse.ru

Sadoi Yuri, Professor Dr., Faculty of Economics, Meijo University (address: 1-501, Shiogamaguchi Tenpaku, Nagoya 468-8502, Japan). E-mail: sadoi@meijo-u.ac.jp

***Conflict of interests*.** The authors declare the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Shaposhnikov S.V., Sadoi Yu. (2022). Transformatsiya menedzhmenta, delovoy kul'tury i stilya raboty yaponskikh kompaniy [The transformation of management, business culture, and work style in Japanese companies]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 1, 63–77. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-63-77

Введение

В Японии многие годы на государственном уровне пропагандируется необходимость повышения производительности труда для стимулирования экономического роста страны (по данному показателю она занимает двадцать первое место среди 36 стран Организации экономического сотрудничества и развития [1]). Для решения данной задачи в 2018 г. Правительство Японии приступило к реформированию традиционного стиля работы с целью повышения производительности труда и конкурентоспособности бизнеса [2]. Однако эти усилия пока не привели к серьёзным изменениям, и Япония продолжает занимать последнее место по показателю производительности труда среди стран «Группы семи»[3].

Успешное реформирование стиля работы, достижение устойчивого экономического роста и повышение производительности труда возможно путём цифровой трансформации[4]. Реализация цифровой трансформации стала особенно важной задачей в период пандемии COVID-19, которая привела к серьёзному спаду экономической активности в стране. Пандемия ускорила переход к использованию цифровых технологий, в том числе и путём внедрения телеработы [5], которая стала одним из инструментов поддержания деловой

[1] OECD, 2020 Insights on Productivity and Business Dynamics, OECD, March 2020, https://www.oecd.org/sti/ind/oecd-business-dynamics-insights-japan.pdf (дата обращения: 05.12.2021).

[2] Prime Minister of Japan and His Cabinet, 2017 The Action Plan for the Realization of Work Style Reform. 2017. Prime Minister of Japan and His Cabinet. https://japan.kantei.go.jp/97_abe/actions/201703/28article2.html (дата обращения: 04.10.2021).

[3] Japan Productivity Center [労働生産性の国際比較] 2020, https://www.jpc-net.jp/research/assets/pdf/press_2020_new.pdf (дата обращения: 08.12.2021).

[4] Prime Minister of Japan and His Cabinet, 2017 The Action Plan for the Realization of Work Style Reform. 2017. Prime Minister of Japan and His Cabinet. https://japan.kantei.go.jp/97_abe/actions/201703/28article2.html (дата обращения: 04.10.2021).

[5] Термин «телеработа» (テレワーク) применяется для описания удалённой работы без посещения офиса. В источниках на японском языке этот термин в основном используется государственными органами, крупными компаниями, газетами и телевидением, а «удалённая работа» (リモートワーク) – в профессиональной среде ИТ компаний.

активности. Однако в результате подвергаются трансформации некоторые традиционные черты стиля работы, деловой культуры и менеджмента японских компаний, которые сегодня не только не позволяют им быть конкурентоспособными на локальном и мировых рынках в условиях быстроменяющейся среды, но и могут привести к их исчезновению.

Благодаря специфичным чертам японского менеджмента, деловой культуры и стиля работы, эффективно применявшимся с 1950-х гг., Япония смогла сотворить «экономическое чудо». В стране сложилась корпоративная система, которая успешно работала, поддерживался высокий уровень занятости, что в свою очередь способствовало развитию экономики. Работников нанимали на условиях пожизненного найма, что давало работодателю стимул инвестировать в их обучение. В этот период бурного экономического роста Япония вышла на 2-е место среди капиталистических стран после США по объёму ВНП (1968 г.), а за период 1960–1991 гг. ВВП на душу населения (в постоянных ценах) в стране увеличился более чем в 4 раза[6].

Однако после «схлопывания» финансового пузыря в конце 1991 г. Япония вступила в полосу затяжной экономической стагнации, позже превратившейся в «потерянное двадцатилетие». Среднегодовые темпы роста ВВП снизились с 4 % в 1980-е гг. до 1,5 % в 1990-е гг., а в дальнейшем и до 0,8 % в 2000-е гг.[7]. Среди основных причин неспособности Японии выйти из экономической стагнации выделяют снижение эффективности малого и среднего бизнеса, а также макроэкономические факторы, такие как растущий долг, дефляция, укрепление национальной валюты, недостаточное смягчение кредитно-денежной политики государства, рост расходов и т.д.[8].

Кроме того, серьёзной проблемой для японского бизнеса стало обострение демографической ситуации. В 1950-е – 1960-е гг. в Японии наблюдался послевоенный «бэби-бум» (примерно от 2,7 млн в 1949 г. до 1,6 млн новорождённых в разные годы; в настоящее время – 0,87 млн[9]), что со временем привело к увеличению численности трудоспособного населения, большая часть которого трудоустраивалась на условиях пожизненного найма с вытекающими отсюда преференциями и обязательствами. Спустя 30–40 лет, в 1990-е – 2000-е гг., в структуре занятого населения стала нарастать доля людей среднего и старшего возраста, получающих надбавку за выслугу лет. Возросло и число претендентов на выходное пособие, выплачиваемое по завершении карьеры. Однако если в период высокого и умеренного роста экономики компании могли себе позволить такие расходы, то в настоящее время бизнес сталкивается с финансовыми трудностями в связи с изменением экономической ситуации в стране и мире.

Что касается японского менеджмента, то с 1990-х гг. начали проявляться сложности и в этой области. Влиятельные пожилые топ-менеджеры часто оказывались неготовыми или неспособными изменить бизнес-модели и организационные структуры компаний (средний возраст руководителей в Японии постоянно повышался с 1990 г. и к 2021 г. достиг

[6] World Bank, 2021 World Development Indicators (WDI), World Bank. 2021. https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/ (дата обращения: 05.09.2021).

[7] Bank of Japan, 2021 Bank of Japan. 2021. https://www.boj.or.jp/en/index.htm/ (дата обращения: 28.11.2021).

[8] Hoshi Takeo, Kashyap Anil. 2011. Why Did Japan Stop Growing? Tokyo NIRA. https://www.nira.or.jp/pdf/1002english_report.pdf (дата обращения: 27.10.2021).

[9] The Ministry of Health, Labor and Welfare, 2021 The Ministry of Health, Labor and Welfare. 2021. https://www.mhlw.go.jp/english/ (дата обращения: 27.07.2021).

60,1 года[10]), а их ориентация на решение вопросов на основе успешного опыта стала менее актуальной в условиях динамичных технологических изменений, трансформации потребительского спроса и окружающей среды.

Следует отметить и переработки, которые хотя и воспринимались сотрудниками как часть деловой культуры, нередко доводили их до изнеможения, а иногда и до самоубийств (*кароси* 過労死). Менеджеры, привыкшие обращать внимание на то, сколько часов работники проводят за рабочим столом, часто не могли или не хотели уделять внимание тому, какой объём работы выполнен, какой результат достигнут. Система пожизненного найма превратилась в ловушку для компаний и сотрудников в условиях динамичной бизнес-среды – работники опасались сменить работодателя, что ограничивало переток знаний и опыта между компаниями, снижало мобильность амбициозных сотрудников, а компании становились менее инновационными. Доминирование «мужской клубной культуры» в компаниях создавало барьер для гендерного равенства и реализации потенциала женщин.

Кроме того, ухудшение экономической конъюнктуры, снижение спроса на японскую продукцию на внешнем и внутреннем рынках, увеличение количества акционеров-иностранцев в японских компаниях (часто имеющих другое видение бизнеса), изменения карьерных ориентиров молодых сотрудников и многие другие процессы подталкивают японские компании к корректировке традиционного менеджмента, деловой культуры и стиля работы.

Осознавая значимость происходящих изменений, в 2018 г. Правительство Японии приступило к реализации программы реформирования стиля работы, который «*лежит в сердце корпоративной культуры Японии и коренится в образе жизни японцев и японского образа мышления в отношении работы*»[11]. Реформирование включает, в том числе, ограничение продолжительности сверхурочной работы, введение более справедливой системы оплаты труда с учётом достижений и выслуги лет, широкое внедрение телеработы.

Интересно отметить, что ещё в 1980-х гг. телеработа в Японии привлекала к себе внимание как вариант нового стиля работы с использованием информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). В 1990-х гг. были проведены исследования возможности внедрения телеработы в таких областях, как менеджмент, право и инженерное дело. В 1999 г. было создано «Общество телеработы Японии» [Japan Telework Society, 2021], объединившее специалистов для изучения влияния телеработы на экономику и общество. В 2001 г. Правительство Японии приняло национальный план e-Japan Strategy[12], в котором телеработа определялась как составная часть цифровизации бизнеса и общества. В 2009 г. была объявлена стратегия i-Japan Strategy 2015[13], представлявшая собой пересмотренный план стратегии e-Japan Strategy 2001 г. В 2018 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии (METI) инициировало создание «Исследовательской группы по

[10] 社長の平均年齢、60.1 歳. 2021 [Средний возраст руководителей компаний – 60,1 года. 2021] // Teikoku *Databank*. https://www.tdb.co.jp/report/watching/press/pdf/p210202.pdf (дата обращения: 12.10.2021).

[11] The Action Plan for the Realization of Work Style Reform. 2017. Prime Minister of Japan and His Cabinet. https://japan.kantei.go.jp/97_abe/actions/201703/28article2.html (дата обращения: 04.10.2021).

[12] e-Japan 戦略 II [Стратегия e-Japan II] // *Prime Minister of Japan and His Cabinet.* 2001. https://japan.kantei.go.jp/it/network/0122full_e.html (дата обращения: 28.09.2021).

[13] i-Japan Strategy 2015, Striving to Create a Citizen-Driven, Reassuring & Vibrant Digital Society Towards Digital inclusion & innovation. Prime Minister of Japan and His Cabinet. https://japan.kantei.go.jp/policy/it/i-JapanStrategy2015_full.pdf (дата обращения: 27.10.2021).

вопросам цифровой трансформации» с целью ускорения цифровой трансформации и изучения проблем, с которыми сталкиваются японские организации при её реализации[14]. В течение почти двадцати лет (вплоть до 2019 г.) в рамках реализации вышеуказанных стратегий телеработа рассматривалась как «вариант нового стиля работы». В определении телеработы подчёркивался *уход от традиционной идеи работы в определённом месте в течение определённого времени*, работа в том месте и в то время, где эффективность и результаты достигаются наилучшим образом[15]. Сегодня телеработа определяется как *гибкий стиль работы, в котором используются ИКТ, независимо от места и времени*[16].

Однако все эти усилия пока не вызвали серьёзных изменений, и это привело к отставанию Японии от других развитых стран в области внедрения ИКТ в экономическую деятельность. Серьёзный прорыв в осознании значимости ИКТ и цифровой трансформации (включая телеработу как её неотъемлемую часть) в Японии произошёл лишь в 2020 г., когда под воздействием пандемии COVID-19 существенно изменилась деловая жизнь страны. Кроме того, в сентябре 2021 г. Правительством Японии было создано «Цифровое агентство», в задачи которого входит повышение уровня использования ИКТ и продвижение цифровой трансформации в органах власти [Digital Agency, 2021]. Реализация процесса цифровой трансформации «сверху-вниз» даёт основание предположить, что положительные сдвиги могут быть достигнуты уже в краткосрочной перспективе.

Внедрение телеработы вызывает определённое беспокойство в бизнес-среде, поскольку создает неопределённость относительно будущего стиля работы, деловой культуры и традиционных принципов японского менеджмента.

Для понимания того, что и как трансформируется в японском бизнесе под влиянием внедрения телеработы, необходимо уточнить такие понятия, как «управление в японском стиле» или «японский менеджмент», «деловая культура» и «стиль работы».

Традиционно считается, что основу *японского менеджмента* составляют четыре системы: система управления персоналом, которая регулирует отношения между компанией и её сотрудниками; система принятия решений; система межфирменных связей (по типу *keiretsu* 系列 – конгломерации коммерческих фирм, связанных перекрёстным владением акциями) и система корпоративного управления. Эти системы поддерживают друг друга и функционируют как единое целое. В более узком смысле «японский менеджмент» используется для обозначения системы управления персоналом, типичной для японских компаний. Она характеризуется пожизненным наймом, регулярной ротацией, оплатой труда на основе стажа, а также наличием системы социального обеспечения сотрудников.

Деловая культура обычно включает нормы поведения в деловой среде, обычаи и традиции, нормы общения, рабочий этикет, вырабатываемые поколениями людей. Для японской деловой культуры характерны групповая ориентация; иерархическая структура; значимость клиента; продолжительный рабочий день; ориентация на процесс, а не на

---

[14] METI, 2021 産業界におけるデジタルトランスフォーメーション（DX）推進施策について. 2021 [Меры по продвижению цифровой трансформации (DX) в промышленности] // *Ministry of Economy, Trade and Industry*. 2021. https://www.meti.go.jp/policy/it_policy/dx/dx.html (дата обращения: 15.10.2021).

[15] e-Japan 戦略 II [Стратегия e-Japan II] // Prime Minister's Office of Japan, 2003 https://www.kantei.go.jp/jp/singi/it2/kettei/030702ejapan.pdf (дата обращения: 18.10.2021).

[16] テレワークとは [Что такое телеработа?] // *Japan Telework Association*. 2021. https://japan-telework.or.jp/tw_about/ (дата обращения: 19.11.2021).

результат; важность совместного времяпрепровождения с коллегами по работе и деловыми партнёрами; гармония в коллективе; открытый формат офиса; использование печатей, бумажных носителей информации; утренние собрания, скандирование девиза компании и др.

Стиль работы может быть определён как совокупность профессиональных и моральных качеств, проявляющихся в повседневной профессиональной деятельности индивидов [Mihut 1989]. Для японского стиля работы характерно чувство ответственности, стремление к совершенству, верховенство коллективных интересов над частными; прозрачность деловых отношений; ориентация на создание социальных ценностей; значимость общения лицом к лицу, личных отношений / связей; приоритетность выстраивания доверительных отношений; командная работа; широкий круг обязанностей сотрудников, демонстрация лояльности, усилий и др.

Рассмотрим некоторые составляющие японского менеджмента, стиля работы и деловой культуры японской компании с точки зрения воздействия на них телеработы.

Японский менеджмент

Система найма персонала

Система занятости многих японских компаний сложилась в послевоенные годы и на протяжении долгих лет была основана на принципе пожизненного найма (*сюсин коё* 終身雇用), что давало возможность компаниям привлекать рабочую силу в растущие сектора экономики[17]. Эта система гарантировала работникам долговременную занятость (в качестве постоянных штатных сотрудников *сэйсяин* 正社員), но и подразумевала их готовность к сверхурочной работе, внутрифирменным переводам / переездам и коротким отпускам. В условиях более-менее стабильной экономической ситуации система оправдывала себя. Однако в наши дни в связи с экономическим спадом, быстрыми изменениями деловой среды, трансформацией профессиональной структуры и ценностных ориентиров сотрудников, стремлением к гендерному равенству и т.д. система пожизненного найма становится менее распространённой. Компании вынуждены адаптироваться к изменениям путём расширения штата нерегулярных или непостоянных работников (*арубайто* アルバイト; *пато* パート; *кэйяку-сяин* 契約社員 и др.).

Тем не менее, при найме компании всё ещё предпочитают нанимать сотрудников по личностным характеристикам и мотивации к работе, что считается необходимым для успешной социализации в компании. При таком отборе индикатором профессионализма становится обычно ранг университета (учебного заведения), который закончил кандидат, а его знания и потенциал отходят на второй план. Такая практика со временем стала ограничивать приток креативных, талантливых молодых сотрудников в компании. Осознание данной проблемы привело к появлению нового типа найма – «найма для конкретной работы» (*дзёбу-гата коё* ジョブ型雇用). Это позволяет привлекать новых работников и избегать оттока талантливых сотрудников. Наём осуществляется на основе оценки профессионального потенциала, сотрудники могут приступить к работе без

[17] Ishizuka Yukio. Pandemic prompts Japan Inc. to rethink traditional hiring systems // *Nikkei Asia*. 2020. https://asia.nikkei.com/Spotlight/The-World-Ahead/Pandemic-prompts-Japan-Inc.-to-rethink-traditional-hiring-systems2 (дата обращения: 25.10.2021).

предварительного обучения, а оценка проводится по достигнутому результату. Всё это позволяет компании сократить издержки (по сравнению с системой продвижения сотрудников по выслуге лет) и повысить производительность труда.

Телеработа в таком формате позволяет привлекать и иностранцев, проживающих в других странах, и японцев, по тем или иным причинам не желающих менять место жительства.

Контроль

Телеработа создаёт сложности, связанные с контролем и управлением рабочим временем сотрудников. В офисе руководитель имеет возможность контролировать выполнение работы, в случае возникновения сложностей сотрудник может обратиться к нему за помощью. Телеработа не позволяет иметь постоянные контакты между руководителем и сотрудниками, и это создаёт сложности в коммуникационном процессе. Кроме того, руководителю достаточно сложно отследить реальное положение дел, так как сотрудники могут сообщить неверную информацию о своей работе[18].

Оценка работы

Принцип пожизненного найма базируется на приёме на работу выпускников университетов и школ с предложением им достаточно размытых должностных обязанностей. Данный принцип также предполагает переработки, внутрифирменные переводы с изменением места жительства, оценку сотрудников на основе отработанных часов и степени лояльности к компании. Внедрение телеработы создаёт сложности в оценке исполнения достаточно размытых должностных обязанностей, лояльности и отработанных часов. Но в случае, когда должностные обязанности чётко сформулированы, телеработа позволяет работнику в полной мере продемонстрировать свои способности, а компании даёт возможность внедрить оценку работы по достигнутому результату, привлекать сотрудников со стороны и поддерживать их инициативность.

Вознаграждение

Принцип пожизненного найма основан на повышении оплаты труда по мере увеличения стажа. Однако и здесь намечаются изменения. Компании уже не могут гарантировать работниками долговременную занятость, поэтому молодые сотрудники всё реже готовы соглашаться на низкую зарплату, не будучи уверенными в стабильности своего работодателя. Это актуализирует вопрос о вознаграждении сотрудников за достигнутый результат. Телеработа подталкивает компании к переориентации на оценку результата труда, а не процесса труда. Она хорошо совместима с кадровой системой, основанной на продвижении сотрудника, ориентированного на результат, и с автономным стилем работы.

Режим работы

Сотрудники компаний вынуждены проводить много времени в транспорте, перемещаясь из дома в офис компании и обратно (особенно в крупных городах). Телеработа

[18] Fujimura Kohei and Suruga Tsubasa. Telework boom pushes Japan's business card culture to go digital // *Nikkei Asia*. 2020. https://asia.nikkei.com/Business/Business-trends/Telework-boom-pushes-Japan-s-business-card-culture-to-go-digital (дата обращения: 20.10.2021).

позволяет сотрудникам сократить время на поездки, однако часто не даёт им возможности в полной мере сконцентрироваться на выполнении профессиональных задач, так как возникают сложности в плане переключения между жизнью «дома» и жизнью в «дистанционном» офисе. Кроме того, зачастую сотрудники бывают вынуждены работать за обеденным столом в тесной квартире, что снижает производительность[19]. Отмечается, что телеработа приводит к более продолжительному рабочему дню, поскольку нет факторов, ограничивающих время работы (таких как закрытие офиса или первая и последняя электричка на работу и домой)[20].

Внутрифирменное перемещение

Внутрифирменное перемещение сотрудников (длительные командировки, работа вахтовым методом – *тансин фунин* 単身赴任 – буквально «один» и «быть посланным куда-то на работу») свойственно японским компаниям. Сотрудник на длительное время (от нескольких месяцев до нескольких лет) оставляет семью и уезжает на работу в другой офис или завод компании. Телеработа позволяет компаниям отказаться от такой практики, и сотрудники могут сосредоточиться на работе, физически оставаясь «дома» и не расставаясь с семьёй [Eiraku 2020].

Принятие решений на основе ***ринги*** *и консенсуса*

Система принятия решений *ринги* (*ринги сэйдо* 稟議制度) означает буквально «получение согласия путём опроса». Это согласие причастные к принятию решения сотрудники выражают путём проставления своих печатей на документе, обычно направляемом снизу вверх, в результате чего достигается консенсус. На выработку консенсуса направлено и проведение разного рода встреч и совещаний, на которых происходит обмен идеями и одобрение того или иного решения всеми заинтересованными сторонами. Эта практика получила название *нэмаваси* (根回し – буквальный перевод: «перекапывание или пересаживание корней»). В условиях телеработы такую систему принятия решений трудно реализовать, поскольку возникают сложности в коммуникационном процессе. Японские специалисты опасаются, что это может в результате снизить скорость принятия решений, привести к утрате консенсуса, нарушению гармонии в коллективе.

Деловая культура

Протоколы и ритуалы

В деловой культуре Японии существует множество неписаных протоколов и ритуалов, соблюдение которых является важной частью жизни компании, но при этом они создают определённые помехи, особенно в сочетании с японской одержимостью деталями. Важное значение имеют проведение утренних зарядок, процедура обмена визитными карточками,

[19] Ishida Natsuko and Yazawa Hidenori. 90 % of 126 major Japan firms intend to continue telework after pandemic: Mainichi survey // *The Mainichi.* 02.03.2021. https://mainichi.jp/english/articles/20210203/p2a/00m/0li/036000c (дата обращения: 16.10.2021).

[20] Sugiura Eri and Okutsu Akane. Back to the office? How Japan might work after COVID-19 // *Asia Nikkei.* 19.03.2021. https://asia.nikkei.com/Business/Business-Spotlight/Back-to-the-office-How-Japan-might-work-after-COVID-19 (дата обращения: 27.10.2021).

глубина приветственных поклонов, рассадка гостей за столом в переговорной комнате, наличие делового костюма, многочисленные проверки отчётов (вплоть до места скрепления бумаги скрепкой) и т.д. Специалисты отмечают, что за излишним вниманием к формальностям иногда может скрываться и некомпетентность руководителей среднего звена, которые маскируют таким образом отсутствие инициативности и компетенций, а это, в свою очередь, отбивает у молодых сотрудников желание высказывать своё мнение, снижает эффективность их работы[21]. Однако телеработа и реформы стиля работы уже существенно изменили ситуацию. Так, документы на бумажных носителях, использование традиционной печати (*ханко* ハンコ), которые являлись важной составляющей деловой культуры, уходят в прошлое, всё более замещаясь электронными документами и электронной подписью [ATLED CORP 2021].

Обмен визитными карточками (*мэйси кокан* 名刺交換) – неотъемлемая часть деловой культуры, помогающая выстроить иерархию отношений, выбрать модель поведения, стиль общения и форму вежливой речи. Резкое сокращение числа очных деловых встреч из-за пандемии COVID-19 означает снижение количества возможностей обменяться визитными карточками, что создаёт сложности в общении, выстраивании отношений. Телеработа уже меняет этот аспект жизни японской компании, появляются приложения для электронного обмена визитными карточками без излишней церемониальности[22], а социальные сети помогают налаживать профессиональные связи[23].

Визиты вежливости

Слово *айсацу* (挨拶) обычно переводится с японского языка как приветствие. Но когда речь идёт об этикете социального общения, то оно подразумевает более широкий контекст – начиная с приглашения третьих лиц в качестве посредников, поклонов и обмена визитными карточками и заканчивая использованием вежливой речи в нужный момент. Первоначальное приветствие, обмен визитными карточками определяют дальнейшее поведение, которое зависит от статуса собеседников, делового или профессионального ранга, возраста и т.д. В японской деловой культуре крайне важны визиты вежливости (регулярные *айсацу*) к поставщикам, клиентам и другим лицам, с которыми компания развивает деловые отношения. Телеработа лишает компании возможности наносить очные визиты вежливости. Учитывая высокую значимость таких визитов, японские компании постепенно переводят *айсацу* из «физической» сферы в «цифровую», причём без потери результативности.

Общение по телефону

В японском бизнесе уделяется большое внимание этикету телефонного общения (*дэнва но укэката* 電話の受け方), тщательному соблюдению установленной формы. Вероятно, что

[21] Okamoto Junko, 岡本 純子 日本人が知らない「リモートワーク」不都合な真実 [Неудобная правда об удаленной работе, которую не знают японцы] // *Toyo Keizai Online*. 10.07.2021. https://toyokeizai.net/articles/-/460380?page=4 (дата обращения: 25.10.2021).

[22] Okamoto Junko, 岡本 純子 日本人が知らない「リモートワーク」不都合な真実 [Неудобная правда об удаленной работе, которую не знают японцы] // *Toyo Keizai Online*. 10.07.2021. https://toyokeizai.net/articles/-/460380?page=4 (дата обращения: 25.10.2021).

[23] Fujimura Kohei and Suruga Tsubasa. Telework boom pushes Japan's business card culture to go digital // *Nikkei Asia*. 04.07.2020. https://asia.nikkei.com/Business/Business-trends/Telework-boom-pushes-Japan-s-business-card-culture-to-go-digital (дата обращения: 20.10.2021).

телеработа привнесёт новые правила взаимодействия и этикета, а значимость самой телефонной связи может снизиться. Но пока процесс такой трансформации только начинается.

Межфирменные отношения

Социализация, выстраивание отношений с коллегами, партнёрами являются важными чертами деловой культуры Японии. Деловые взаимоотношения между компаниями строятся не по принципу «компания – компании», а по принципу «человек – человеку». Такой подход означает, что для успешного сотрудничества необходимо установить личные, человеческие отношения с партнёрами на основе доверия. Для установления таких отношений необходимы условия для многочисленных встреч внутри и вне компании, причём ключевую роль в этом процессе играют совместные трапезы с принятием алкогольных напитков. Доверительные отношения между сотрудниками, клиентами и поставщиками особенно важны для малых и средних компаний (в Японии около 99,7 % всех компаний именно малые и средние)[24]. Очевидно, что телеработа сокращает возможности для проведения личных встреч, посещения ресторанов, баров и т.д. [ContractS 2021], что может осложнить выстраивание доверительных, долгосрочных отношений с партнёрами.

Рабочее пространство офиса

Японским компаниям часто приписывают изобретение открытого офиса, с его высокоструктурированной планировкой, которая отражает иерархическую структуру самой компании. Со своих рабочих мест в дальнем углу помещения руководители отделов могут постоянно наблюдать за своими подчинёнными, помогать им и оценивать их усилия. При этом и каждый сотрудник может видеть, что делают коллеги, слышать их разговоры. Это имеет важное значение, поскольку японские компании ориентируются на командную работу, при которой каждый член команды исполняет свою роль, а руководитель отвечает на вопросы и корректирует весь процесс. Очевидно, что телеработа ограничивает возможности для организации командной работы, так как создаёт сложности в процессе коммуникации.

Сверхурочная работа

Сверхурочная работа – достаточно частое явление в японских компаниях, далеко не всегда связанное с производственной необходимостью. Сотрудники зачастую остаются в офисе, поскольку их руководители продолжают находиться на рабочем месте. Это явление получило название *цукиаи дзангё* (残業 – коллективная сверхурочная работа). Поскольку в японской компании доминирует групповое сознание и выстроены жёсткие иерархические отношения, уход с работы по окончании урочного времени вызывает в японцах чувство вины по отношению к коллегам. Очевидно, что в случае телеработы зависимость от мнения окружающих снижается, и сотрудники могут в большей степени ориентироваться на достижение высоких результатов работы, что может положительно сказаться на производительности труда.

[24] Telework fatigue' sees more Japanese workers going back to the office // *The Japan Times*. 17.07.2021. https://www.japantimes.co.jp/news/2021/07/17/business/telework-fatigue-sees-japanese-workers-going-back-office/ (дата обращения: 17.10.2021).

Стиль работы

Японская компания является особым миром, со своим специфическим стилем работы (*сигото но сиката* 仕事の仕方).

Доверие в коллективе

Фактор «доверия» (*синьё* 信用) в японском коллективе является продолжением фактора искренности. Без искренности невозможно выстроить доверительные отношения, а без доверия невозможно построить или поддерживать длительные личные или деловые отношения. Доверие является конечным результатом искреннего поведения. Искренность поведения может быть продемонстрирована в личном взаимодействии, что при внедрении телеработы затруднительно.

Ценность времени

Традиционно во многих японских компаниях собственно рабочий процесс ценится выше, чем время, затраченное сотрудником. Это выражается, в том числе, в избыточном количестве совещаний и собраний, на которых сотрудникам приходится присутствовать. Одна из причин такой ситуации заключается в том, что японские компании рассматривают рабочее время сотрудника как нечто принадлежащее компании. Затраченное работником время они считают не издержками компании, а проявлением его самоотверженности и преданности. Однако всё более обостряющийся дефицит рабочей силы ведёт к тому, что рабочее время становится ресурсом, который необходимо эффективно использовать. Телеработа способствует повышению эффективности использования рабочего времени, так как позволяет работнику сосредоточиться на достижении результата, повысить эффективность труда.

Свой – чужой (внутренний – внешний)

Для японской культуры характерно противопоставление «свой – чужой», а действительность японцы воспринимают через понятия *ути* (内 – буквально означает «внутри») и *сото* (外 – означает «снаружи»). Люди при этом делятся на две группы – «свой» и «чужой». В категорию «своих» попадают постоянные работники, а «чужими» становятся непостоянно занятые и прочие лица, не относящиеся к компании. Телеработа ведёт к тому, что даже сотрудники одной компании становятся «чужими» друг для друга из-за отсутствия постоянной связи и визуального контакта, физического дистанцирования. Это может привести к коммуникационному разрыву, подрыву гармонии и единства, ухудшить атмосферу в коллективе.

Учиться наблюдая, управление без отдачи прямых указаний и выполнение распоряжений руководства

Для деловой культуры Японии характерно обучение новичков через наблюдение (*ми нараи* 見習い), которое всё ещё сохраняется на производстве, в мастерских, в ресторанном бизнесе и т.д. Ещё одной чертой этой культуры является способ управления без отдачи прямых указаний (*мэйрэй но сиката* 命令の仕方). Оно означает, что при работе в команде, в

высококонтекстной среде, каждый работник понимает, что от него требуется, и трудится для достижения общих командных целей. Что же касается распоряжений руководства, то при их получении (*мэирэи но укэката* 命令の受け方) сотрудники должны совершить определённые действия. Они должны встать, подтвердить понимание полученного распоряжения, ещё раз его повторить, а затем приступить к его выполнению. Очевидно, что телеработа достаточно сильно трансформирует практику *ми нараи,* поскольку отсутствует физический контакт, который является важным фактором в процессе обучения. Управление без отдачи прямых приказов, скорее всего, также претерпит серьёзные изменения, поскольку в условиях телеработы передача невербальных сигналов, свойственных высококонтекстной культуре, весьма затруднительна. Подход *мэирэи но укэката,* возможно, не изменится, поскольку давление со стороны коллег, стыд за невыполненные обязательства останутся и при дистанционной работе.

Гармония и группизм

Открытые конфликты и противоречия редко проявляются в японском коллективе, так как значительные силы руководящего состава и самих работников направлены на поддержание спокойствия, дружеской атмосферы и гармонии. Сотрудники стараются придерживаться установленных в коллективе правил, а также подчиняются коллективным интересам, нередко оставляя свои личные интересы нереализованными. Поддержанию гармонии и укреплению у работников чувства принадлежности к группе (компании) способствуют и разного рода меры, направленные на сглаживание статусных различий. Например, руководители и подчинённые работают в одном помещении и носят одинаковую униформу во избежание видимого разделения по статусам, обедают в одних и тех же столовых, вместе обсуждают повседневные дела. Очевидно, что телеработа усложняет реализацию принципа группизма, а это, в свою очередь, может привести и к подрыву гармонии в коллективе.

Совместные консультации, обсуждения

Важным элементом стиля работы, стимулирующим и мобилизующим участие сотрудников в делах своих компаний, являются постоянно действующие системы совместных консультаций. В основе концепции *хо-рэн-со* (сокращение от *хококу* 報告 «сообщать / отчитываться», *рэнраку* 連絡 «контактировать / коммуницировать», *содан* 相談 «консультироваться») лежит идея о том, что работа — это нечто совместное, выполняемое руководителем и подчинённым как единой командой. Первоначальные инструкции руководителя, как правило, носят расплывчатый, общий характер, особенно если подчинённый считается уже опытным и квалифицированным работником. После получения инструкций подчинённый делает первый шаг, готовит план, набросок. Далее он информирует своего руководителя о проделанной работе, получает от него комментарии и предпринимает дальнейшие шаги, а затем снова обращается к своему руководителю. Этот процесс повторяется на протяжении всего времени реализации проекта, и на каждом этапе руководитель вносит свои коррективы. Такой поход компенсирует достаточно общие инструкции, расплывчатость заданий, низкий уровень регламентации. Очевидно, что внедрение телеработы существенно усложняет практику *хо-рэн-со,* так как сотрудники находятся на удалении от руководителей, усложняется процесс взаимодействия,

коммуникации между ними [Moconavi 2021]. Кроме того, такой режим работы может привести к накоплению у работников стресса и тревоги. При работе в офисе сотрудники, уходя домой, оставляют нерешённые рабочие вопросы до следующего дня, но работая дома, это сложно сделать. Одним из решений может стать использование новой концепции делового общения – д*зассо* (от яп. сокращение д*зацудан* 雑談 «частые беседы / болтовня» и *содан* 相談 «консультироваться»), делающей акцент на неформальном общении, неофициальных консультациях. Специалисты полагают, что, применяя практику д*зассо*, компании могут эффективно внедрять телеработу, снижать уровень стресса в команде, повышать инициативность / независимость сотрудников, результативность их труда, повышать скорость выполнения задач [Kuranuki 2021].

Ориентация на качество

Японский бизнес известен своей ориентацией на качество, непрерывное улучшение (*кайдзэн* 改善). Для контроля и повышения качества создаются так называемые кружки контроля качества, члены которых постоянно повышают знания и умения путём постоянного обмена информацией на многочисленных встречах на различных уровнях компании. Такая практика позволяет выстроить горизонтальные и вертикальные связи таким образом, что становится возможным вовлечение в процесс управления качеством всего коллектива. На данный момент в условиях телеработы пропадает возможность выстраивания подобных отношений, что в свою очередь может привести к снижению результативности работы по повышению качества[25].

Демонстрация усилий и результат

В японской компании работа оценивается по приложенным усилиям, усердию («усердно работать», *гамбару* 頑張る), а офис становится тем местом, где эти усилия можно продемонстрировать коллегам и непосредственному руководству. Демонстрация того, что сотрудник посвящает всего себя работе, воспринимается как свидетельство его «самопожертвования», как доказательство его лояльности по отношению к компании и высокой трудовой мотивации.

Стиль работы, ориентированный на команду, затрудняет точное измерение индивидуального вклада и усиливает зависимость от демонстрации усилий. Иными словами, оценка сотрудников по-прежнему в значительной степени зависит от присутствия их в офисе. Внедрение телеработы не только переносит акцент на личные достижения сотрудников, результативность их труда, но и усиливает их изолированность от привычного коллектива. Для японцев, отличающихся высокой степенью коллективизма, нахождение за пределами группы чревато психологическим стрессом, нарастанием чувства изолированности[26].

[25] Ishida Natsuko and Yazawa Hidenori. 90 % of 126 major Japan firms intend to continue telework after pandemic: Mainichi survey // *The Mainichi.* 02.03.2021. https://mainichi.jp/english/articles/20210203/p2a/00m/0li/036000c (дата обращения: 16.10.2021).

[26] Sugiura Eri and Okutsu Akane. Telework boom pushes Japan's business card culture to go digital // *Nikkei Asia.* 04.07.2020. https://asia.nikkei.com/Business/Business-trends/Telework-boom-pushes-Japan-s-business-card-culture-to-go-digital (дата обращения: 22.10.2021).

Заключение

Очевидно, что пандемия и цифровая трансформация – это события с долговременным преобразующим эффектом. Они уже привели к определённым изменениям в менеджменте, деловой культуре и стиле работы японских компаний. Тот факт, что эти изменения происходят одновременно, во всех отраслях, указывает на их неизбежность и значительный потенциал. Компании, вынужденные искать решения, проходят через процесс трансформации методом проб и ошибок. Японские компании способны сохранить преимущества японского подхода в работе и менеджменте и одновременно устранить их слабые стороны, которые проявляются в современных условиях, взяв при этом всё лучшее из международной практики. Особенности японского менеджмента, которые прежде считались нормальными, больше не смогут оставаться неизменными. Это будет болезненный переход и для людей, и для организаций. Очевидно, что сначала изменениям будет препятствовать организационная инерция, им будут оказывать сопротивление те, кто извлекает наибольшую выгоду из статус-кво. Но, несомненно, руководители и сотрудники компаний постепенно осознают неизбежность изменений, и будет запущен процесс цифровой трансформации японского бизнеса. Остаётся только вопрос: насколько глубоко эта трансформация преобразит менеджмент, деловую культуру и стиль работы японских компаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Эираку М., Фудзимото Х. Японские компании адаптируются к удалённой работе // NHK World. 12.10.2020. https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/ru/news/backstories/1284/ (дата обращения: 03.10.2021).

REFERENCES

Eiraku M., Fujimoto H. (2020, October, 12). Yaponskie kompanii adaptiruyutsya k udalyonnoi rabote [Japanese companies are adapting to work remotely]. *NHK World*. Retrieved October 03, 2021, from https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/ru/news/backstories/1284/ (In Russian).

* * *

Dawis, R.V.; Lofquist, L.H. (1984). *A Psychological Theory of Work Adjustment: An Individual Differences Model and Its Application*. University of Minnesota: Minneapolis, MN, USA.

e-Japan 戦略Ⅱ (senryaku II) [e-Japan strategy Ⅱ], Prime Minister of Japan and His Cabinet. Retrieved November 18, 2021, from https://www.kantei.go.jp/jp/singi/it2/kettei/030702ejapan.pdf (In Japanese).

Fitzpatrick, M. (2021, June 13). Why Japan refuses to work from home – even in a deadly pandemic. *Fortune*. Retrieved November 10, 2021, from https://fortune.com/2021/06/13/japan-covid-work-from-home-corporate-culture/

Hamada, K., Japan (August 1996). 1968: A reflection point during the era of the economic miracle, Economic growth center Yale University. Retrieved November 21, 2021, from http://www.econ.yale.edu/growth_pdf/cdp764.pdf

Hoshi, T., Kashyap, A. (2011). Why Did Japan Stop Growing? *Tokyo NIRA*. Retrieved December 01, 2021, from https://www.nira.or.jp/pdf/1002english_report.pdf

i-Japan Strategy 2015, Striving to Create a Citizen-Driven, Reassuring & Vibrant Digital Society Towards Digital inclusion & innovation. *Prime Minister of Japan and His Cabinet*. Retrieved December 05, 2021, from https://japan.kantei.go.jp/policy/it/i-JapanStrategy2015_full.pdf

Japan Productivity Center. Retrieved December 08, 2021, from https://www.jpc-net.jp/

Japan Telework Society. 2021. Retrieved October 06, 2021, from http://www.telework-gakkai.jp/english/the-japan-telework-society/

Kuranuki, Y. (2021). 職場の「ホウレンソウ」は時代遅れ、会社は「ザッソウ」で強くなる (Shokuba no 'hō rensō' wa jidai okure, kaisha wa "zassō" de tsuyoku naru) [Workplace "horenso" is outdated; companies become stronger with "zassou"]. *GendaiIsmedia*. Retrieved October 05, 2021, from https://gendai.ismedia.jp/articles/-/59797?page=3 (In Japanese).

Mihut, I. (1989). Self-Management and Creativity. Dacia: Cluj-Napoca, Romania

そもそもハンコは必要？ビジネスで使われているハンコとその理由を大解剖 (Somosomo hanko wa hitsuyō ? Bijinesu de tsukawareteiru hanko to sono riyū wo daikaibō) [Do you need a stamp to begin with? A look at the most common business stamps and why they are used]. (2021). *ATLED CORP*. Retrieved October 08, 2021, from https://www.atled.jp/wfl/article/8555/ (In Japanese).

デジタル庁 (Dejitaru chō) [Digital Agency]. (2021). Retrieved October 10, 2021, from https://www.digital.go.jp/en (In Japanese).

テレワークとは (Terewāku to wa) [What is telework?]. (2021). *Japan Telework Association*. Retrieved November 19, 2021, from https://japan-telework.or.jp/tw_about/ (In Japanese).

テレワークの課題と導入メリット【14 の問題と解決策】 (Terewāku no kadai to dō nyū meritto [14 no mondai to kaiketsu]) [Challenges and Benefits of Telework [14 Problems and Solutions]]. (2021). *ContractS*. Retrieved October 22, 2021, from https://www.contracts.co.jp/useful/3497/#chapter-2 (In Japanese).

テレワークの課題解決のポイントとは？メリット・デメリットを解説 (Terewāku no kadai kaiketsu no pointo to wa? Meritto, demeritto wo kaisetsu) [What is the key to solving telework issues? Merits and demerits are explained.]. (2021). *Moconavi*. Retrieved October 27, 2021, from https://moconavi.jp/blog/2019/12/1500/ (In Japanese).

Поступила в редакцию 20.11.2021 Received 20 November 2022

DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-78-94

Японская эмиграция: от революции Мэйдзи до Второй мировой войны (практический и эмоциональный контекст)

А.Н. Мещеряков

Аннотация. В период Токугава население Японии стабилизировалось на уровне 31–32 млн человек. После революции Мэйдзи оно стало стремительно расти. Державно настроенные люди испытывали гордость и видели в умножении японцев знак того, что дела в стране идут как надо, однако у более реалистично мыслящих учёных бурный рост населения вызывал отнюдь не восторг, а серьезную тревогу в связи с будущей нехваткой продовольствия и сопутствующих ей социальных взрывов. Для обоснования такого беспокойства обычно использовались алармистские идеи Мальтуса. Японские учёные соглашались с ним, что бесконтрольное размножение таит в себе опасность, но возражали против добровольного ограничения рождаемости, поскольку оно «противоречит человеческим чувствам». В качестве меры решения проблемы перенаселённости они предлагали эмиграцию, которую сам Мальтус считал средством паллиативным. Японское государство поощряло эмиграцию как в японские колонии (Тайвань, Корея), так и в другие страны (прежде всего, в США и Латинскую Америку). Однако эта эмиграция не приобрела действительного массового характера и не смогла смягчить демографическое давление внутри Японии. Главной причиной стала эмоциональная привязанность японцев к своей малой родине, на что раньше не обращалось достаточного внимания. Однако сами поборники эмиграции выделяли именно этот фактор и считали его за недостаток в национальном характере. Несмотря на призывы правительства и сторонников эмиграции пожертвовать этой любовью ради блага всей страны и эмигрировать, преодолеть её так и не удалось. Самая крупная компания по переселению в Маньчжурию также закончилась провалом. Планы тоталитарного государства и любовь японца к малой родине находились в антагонистических отношениях.

***Ключевые слова*:** Япония, демография, перенаселённость, Мальтус, эмиграция, любовь к малой родине, контроль над рождаемостью.

***Автор*:** *Мещеряков Александр Николаевич*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: Москва, 105066, Старобасманная улица, 21/4). ORCID: 0000-0001-6004-5743; E-mail: meshtorop@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Мещеряков А.Н. Японская эмиграция: от революции Мэйдзи до Второй мировой войны (практический и эмоциональный контекст) // Японские исследования. 2022. № 1. С. 78–94. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-78-94

Japanese emigration: From the Meiji Revolution to World War II (practical and emotional context)

A.N. Meshcheryakov

Abstract. During the Tokugawa period, Japan's population stabilized at 31–32 million. After the Meiji revolution, it began to grow rapidly. Some people were proud and saw in the multiplication of the Japanese a sign that things were going well in the country, but, for the more realistic-minded scholars, the rapid population growth caused not delight, but most serious alarm because of future food shortages and social explosions. Malthus's alarmist ideas were used to validate such concerns. Japanese scientists agreed with him that uncontrolled reproduction was dangerous but objected to birth control because it "contradicted human feelings." As a solution to the problem of overpopulation, they proposed emigration, which Malthus himself considered a palliative measure. The Japanese state encouraged emigration both to the Japanese colonies (Taiwan, Korea) and to other countries (primarily to the United States and Latin America). However, this emigration was not large-scale enough and was unable to alleviate the demographic pressure within Japan. The main reason was the emotional attachment of the Japanese to their small homeland, which had not received sufficient attention before. However, the advocates of emigration themselves singled out precisely this factor and considered it a shortcoming of the national character. Despite calls from the government and supporters of emigration to sacrifice this attachment for the good of the whole country and emigrate, this attachment was never overcome. The largest resettlement campaign to emigrate to Manchuria also ended in failure. The plans of the totalitarian state and the love of the Japanese for their home were in an antagonistic relationship.

***Keywords*:** Japan, demography, overpopulation, Malthus, emigration, love for homeland, birth control.

***Author*:** *Meshcheryakov Alexander N.*, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Professor of the Institute of Oriental and Antiquity, National research university "Higher school of economics" (HSE University) (address: 21/4, Staraya Basmannaya, Moscow, 105066, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6004-5743; E-mail: meshtorop@yahoo.com

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Meshcheryakov A.N. (2022). Yaponskaya emigratsiya: ot revolyutsii Meydzi do Vtoroy mirovoy voyny (prakticheskiy i emotsional'nyy kontekst) [Japanese emigration: From the Meiji Revolution to World War II (practical and emotional context)]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 1, 78–94. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-78-94

В период Токугава население Японии стабилизировалось на уровне 31–32 миллиона человек. После революции Мэйдзи оно стало стремительно расти. Главная причина такого роста состояла в увеличении коэффициента брачности [Мещеряков 2021]. Динамика народонаселения (без учета колоний) выглядит следующим образом: 1872 г. – 34 млн 810 тыс. человек; 1882 – 37 млн 259 тыс.; 1892 – 40 млн 508 тыс.; 1902 – 44 млн 964 тыс.; 1912 – 50 млн 577 тыс.; 1920 – 55 млн 391 тыс. человек. Такой стремительный рост вызывал разные чувства. Державно настроенные люди испытывали национальную гордость и видели в умножении японцев знак того, что дела в стране идут как надо. Однако у более реалистично мыслящих учёных бурный рост населения вызывал отнюдь не восторг, а самую серьёзную тревогу в связи с будущей нехваткой продовольствия и сопутствующих ей социальных

взрывов. Для обоснования такого беспокойства обычно использовались алармистские идеи Мальтуса.

Уже в 1880-х гг. в Японии появляются связанные с этими идеями размышления и подсчёты будущего населения страны. Поскольку эти подсчёты были обычно основаны на вульгарных экстраполяциях (которыми грешил и сам Мальтус), авторы зачастую получали обескураживающие результаты, свидетельствующие о том, что нужно немедленно позаботиться о будущем. Однако и простое фиксирование текущей демографической ситуации вызывало озабоченность: отмечалось, что в 1890 г. в Австралии на одного человека приходится 666 акров земли, в Канаде – 475. В то же время в Европе есть и страны с высокой плотностью населения: Бельгия (1,3 акра на человека), Англия (2,2). В эту же категорию попадает и Япония – 2,3 акра. При этом население страны стремительно увеличивается, то есть площадь для обитания каждого японца уменьшается [Yoshida 1944, p. 165–166].

Как известно, Мальтус выдвинул две основополагающих идеи: без «отягчающих» обстоятельств (войны, голод, болезни, природные катастрофы и т.п.) население размножается в геометрической прогрессии, а количество доступного питания возможно увеличить только в арифметической прогрессии; для того, чтобы избежать перенаселённости и голода, есть только одно надёжное средство: добровольное воздержание от половой жизни до брака, позднее вступление в брачные отношения, отказ от брака по экономическим причинам.

Японские учёные, как правило, соглашались, что бесконтрольное размножение таит в себе опасность, но возражали против второго постулата. Так, экономист и демограф Тории Кэнта в 1890 г. во влиятельном «Токийском экономическом журнале» («Токё кэйдзай дзасси») решительно возражал против ограничения брачности на том основании, что это противоречит «человеческим чувствам». Данная точка зрения была господствующей. Таким образом, из учения Мальтуса выбрасывалась его важнейшая составляющая. В качестве «спасительной» меры против перенаселённости страны Тории Кэнта предлагал эмиграцию (Мальтус считал эмиграцию паллиативной мерой). Тории полагал: поскольку территория Японии мала, то при будущем неизбежном росте населения с такой же неизбежностью японцам придётся расселяться за пределами страны, и это вполне реалистично, поскольку мир велик. В качестве возможных мест для переселения Тории советовал Гавайи, Америку, Сиам и «другие страны тропического пояса». Однако, по мнению автора, существовали и факторы, которые препятствовали эмиграции. Прежде всего, это «любовь японца к своей малой родине». Хотя японцы энергичны, но их энергия остается втуне, поскольку у них нет средств для смены места жительства. В связи с этим Тории настаивал на правительственной помощи переселенцам [Yoshida 1944, p. 166–167].

Любовь к малой родине как фактор, препятствующий эмиграции

В качестве подходящего места для «переселения» Тории советовал не только зарубежные страны, но и Хоккайдо. В то время этот остров воспринимался почти как заграница. Японцы устойчиво и пренебрежительно квалифицировали его как «внешнюю территорию» (*гайти*) в противовес «внутренней (исконной) территории» (*найти*), то есть той земли, где исторически сформировалось японское государство.

Для освоения Хоккайдо было образовано специальное ведомство. Чтобы привлечь переселенцев, им предоставляли финансовую помощь и обширные земельные участки. Заселение Хоккайдо было важно с военной точки зрения – как форпост против возможного иностранного вторжения (прежде всего, России). Кроме того, считалось, что заселение острова будет способствовать ослаблению демографического давления в «исконной» Японии и позволит снизить уровень тамошней бедности.

Динамика заселения Хоккайдо выглядит следующим образом. В 1869 г. его население насчитывало 58 тыс. человек, в 1880 оно увеличилось до 219 тыс., в 1890 – до 427 тыс., а в 1900 г. составило 985 тыс. То есть на Хоккайдо, занимавшем 22 % территории Японии, проживало всего около 2 % населения. Хотя сторонники миграции мыслили Хоккайдо в качестве земли, способной поглотить значительное количество «исконных» японцев и тем самым разгрузить «основную» территорию страны, в действительности эта затея имела весьма ограниченные результаты.

Одним из первых инициаторов активного заселения Хоккайдо выступил немецкий экономист и статистик Поль Мэйет (Paul Mayet), служивший университетским преподавателем и советником японского правительства в 1876–1893 гг. Он полагал, что миграция из перенаселённой «исконной Японии» легко позволит за 20 лет достичь плотности населения на Хоккайдо в 750 человек на один квадратный *ри*, то есть приблизительно 50 человек на квадратный километр [Yoshida 1944, p. 247]. Однако на деле такой показатель был достигнут только во второй половине XX в. В своих подсчётах опытный статистик исходил из чисто цифровых показателей – прежде всего, из высокой рождаемости в «исконной» Японии, которая будет «выталкивать» людей на пустующие территории. Кроме того, Мэйет имел в виду «объективную» желательность и «выгодность» миграции для государства и самих переселенцев, но он не учёл самой «малости», то есть человеческого фактора, державшего японца на малой родине.

Мнение о том, что излишняя привязанность японцев к своей родине с её могилами предков «мешает» эмиграции и «развитию» страны, было почти что безальтернативным. Как и полагалось в то время, ответственность за такой психологический склад возлагалась на «проклятый» сёгунат Токугава, который закрыл страну от внешнего мира. В 1893 г. было создано «Общество колонистов» («Сёкумин кёкай»), получавшее правительственное финансирование. В первом номере бюллетеня «Общества колонистов» утверждалось: «Из-за многолетней политики самоизоляции душа нашего народа сжалась… Она сжалась и закрылась от внешнего мира. Миссия колонистов состоит в том, чтобы пробудить активность по отношению к миру, развивать этот бодрый дух и привлекать новые знания, дабы изменить душу нашего народа» [Yoshida 1944, p. 195].

На оседлый характер японцев, который препятствует миграционной мобильности, обращали внимание и иностранные наблюдатели. Так, русский ботаник А.Н. Краснов (1862–1914), путешествовавший по Японии в 1890-х гг., проницательно отмечал: «То, к чему мы приложили много труда, нам дорого. Поэтому дорого азиату [японцу – *А.М.*] то маленькое поле, на которое не только он, но и предки его затратили столько труда, поле, близ которого похоронены кости его предков, над которым вместе с богами-покровителями витают их души. Азиат никогда не бросит своего поля без крайней нужды. Лучше он усилит до последней степени его обработку, чем уйдёт на чужбину искать новой земли» [Краснов 1895, с. 413–414]. Как мы видим, А.Н. Краснов в качестве причины оседлости японца выдвигал не

политический, а чисто психологический фактор. Однако японские мыслители делали основной акцент на причинах историко-политических.

Стратегически мыслящие «передовые» деятели периода Мэйдзи пытались убедить соотечественников, что ситуация с «душой народа» тяжела, но поправима. В 1894 г. вышла в свет статья видного историка Кумэ Кунитакэ (1839–1931) «Характер островитян». В ней утверждалось, что под гнетом сёгуната Токугава японцы из изначально склонных к мобильности и экспансии островитян превратились в жалких «горцев», сторонящихся моря. Если не исправить положения, то Японию ждёт судьба «варварских» островных государств Индийского и Тихого океанов – все они стали европейскими колониями. Однако, утверждал Кумэ, островное положение Японии не следует воспринимать с фатализмом. Ведь Великобритания тоже является островной страной, но при этом она сумела стать самой могущественной державой, её колоссальный флот осуществляет связи со всем миром. Следовательно, для Японии тоже нет ничего невозможного в том, чтобы превратиться в такую же мощную державу. В тогдашнем понимании «мощная держава» – это страна, обитатели которой сумели обзавестись колониями и расселиться по всему миру.

Иными словами, японцам предлагали ликвидировать свою вековую заторможенность и избавиться от комплекса оседлости. Наиболее ярые сторонники эмиграции заявляли: раз Япония занимает первое место в мире по плотности населения и темпам его роста (эти утверждения следует понимать метафорически – *А.М.*), то она должна завоевать первое место и по количеству эмигрантов [Yoshida 1944, p. 197].

Путешественники и попытки преодоления «комплекса оседлости»

Мнение, что Японии не хватает земли, высказывалось тогда очень часто. Учёные констатировали серьёзность проблемы, а пассионарии путешествовали в поисках мест, куда бы могли переселиться японцы. В 1890 г. географ Сига Сигэтака (1863–1927) писал: в годовщины восшествия первоимператора Дзимму на трон (11 февраля) и его кончины (3 апреля) «мы должны церемониальным образом хотя бы ненамного увеличивать территорию Японской империи. В каждый из этих дней наши военно-морские суда должны добираться до какого-нибудь ничейного острова, занимать его и водружать там японский национальный флаг. Если не обнаружится такого острова, можно ограничиться скалами и камнями. Кто-то скажет, что это детская игра. Это не так. Этот план будет не только полезен нашему флоту с практической точки зрения, ибо позволит ему приобрести опыт, этот план возбудит в деморализованном японском народе дух открытий» [Nihonjin 1890, p. 20].

Однако места, где можно было бы водрузить флаг, не находилось. В 1891 г. один из ярчайших представителей «низового» национализма Миякэ Сэцурэй (1860–1945) отправился в шестимесячное путешествие. Он побывал на Гуаме, в Новой Британии, Австралии, Новой Каледонии, Новой Гвинее, на Филиппинах. Он искал хотя бы самый крошечный островок, у которого не было владельца – чтобы объявить его японским [Pyle 1969, p. 158–159]. Напрасно. Вся суша на планете была уже поделена.

В период Мэйдзи господствовало мнение, что при режиме Токугава японцы растеряли пионерский дух. Однако люди, входившие в политическую элиту, обладали совсем другой психологией и хотели превратить японцев в покорителей пространства. В истории страны отсутствовали великие путешественники, но сейчас японцев призывали восхищаться теми

соотечественниками, которые навёрстывали упущенное и хоть в какой-то степени напоминали первопроходцев.

29 июня 1893 г. в Японию прибыл Фукусима Ясумаса (1852–1919), который более года совершал одиночный конный пробег по маршруту Берлин – Москва – Семипалатинск – Улясутай – Урга – Иркутск – Владивосток – Пекин – Шанхай. Фукусима был офицером разведки, до своего путешествия он служил в японской миссии в Берлине. Жители Токио встретили его как выдающегося путешественника – за время странствий ему действительно пришлось много претерпеть, он преодолел 18 тыс. км и стал первым японцем, который отважился на столь длительное и опасное путешествие. Один из основателей японской компартии Катаяма Сэн (1859–1933) вспоминал: «Чтобы возвеличить поступок Фукусима, его поездку по Сибири описывали так: “Редко-редко заприметишь дымок человеческого жилья. Кругом стаями рыщут голодные волки, стужа невыносимая, негде остановиться на ночлег, негде раздобыть еду. Преодолевая все трудности, он в течение двух лет путешествовал один, не сходя с седла, и провёл обследование Сибири”» [Сэн Катаяма 1964, с. 233].

К числу национальных героев причислили и лейтенанта Сирасэ Нобу (1861–1946), который уже после выхода в отставку вместе со своими двумя товарищами в 1912 г. попытался достичь на собачьих упряжках уже покорённый к этому времени Южный Полюс. Экспедиция, организованная на средства доброхотов и на свои собственные сбережения, закончилась неудачей, поскольку ей удалось достичь лишь отметки в 80 градусов южной широты, но сам факт высадки первых японцев в Антарктиде вызвал в стране бурю восторгов, а министерство императорского Двора даже пригласило Сирасэ выступить перед семьёй государя.

Оба путешественника – Фукусима и Сирасэ – не случайно оказались людьми военными. Именно военные выступали в качестве образца для подражания в тогдашней Японии. И дело не только в охватившей страну милитаризации сознания. Военный человек хорош не только тем, что действует по приказу и вдобавок гордится этим, но ещё и тем, что его фигура является олицетворением мобильности, которой, по мнению идеологов, так не хватало рядовому японцу. Поскольку всё мужское население страны проходило через «почётную обязанность» – армейскую службу, армия выполняла не только свою прямую функцию по обороне (или, скорее, по нападению), но и отрывала молодого человека от его малой родины (деревни) и её «косных» обыкновений, делая юношу человеком более пригодным для государства, верящего в прогресс и сопутствующую ему мобильность.

Армия выполняла роль мощного инструмента по созданию новой идентичности – «человека мобильного». Сам император Мэйдзи, презрев вековые запреты, показывался на публике исключительно в военной форме и занимался конными прогулками, давая понять, что быстрое перемещение в пространстве – дело угодное Родине. Фукусима был действующим профессиональным разведчиком и жил по приказу, а вот Сирасэ действовал на свой страх и риск, он не получал материальной помощи от правительства, но всё равно вдохновлялся тем пионерским духом, которое оно пыталось внушить «народу». Он воплощал в себе идеал землепроходца, к которому должен стремиться «новый» японец.

Эмиграция и её результаты

Японцы охотно читали газеты и слушали публичные выступления путешественников, они восхищались покорителями просторов, но присоединиться к ним самим – дело совсем другое. Практика японской эмиграции подтверждает это.

В это время почти никто открыто не утверждал, что японцев чересчур много, упор делался на том, что у них слишком мало земли. Таким образом, подчёркивалась не столько многочисленность японцев, сколько малость территории, на которой им выпало жить. Меры по замедлению (ограничению) роста населения, на чём настаивал Мальтус, всерьёз не обсуждались не только по этическим причинам, но и потому, что в способности к размножению видели «силу» и жизнеспособность нации – силу, самоограничение которой шло бы вразрез с миссией Японии. Фигура Мальтуса пользовалась большим авторитетом, но японские мыслители оказались плохими мальтузианцами. Вместо ограничения рождаемости «по Мальтусу» мыслители и публицисты настаивали исключительно на «пространственном» способе решения проблемы перенаселённости: они предлагали соотечественникам либо «по-хорошему» переселяться в другие страны, либо создавать силовым образом колониальную империю, куда могли бы устремиться «лишние люди». Именно таким образом следовало приноравливаться к пугающему своим многолюдством будущему.

В обоих способах государству принадлежала колоссальная роль, хотя Мальтус апеллировал вовсе не к государству, а к сознательности отдельных личностей. Теория Мальтуса настаивала на добровольных самоограничениях в прокреативном поведении, японцы же интерпретировали Мальтуса как призыв к экспансии. Впрочем, идеалы Мальтуса оказались вообще трудны для воплощения – похожим на Японию образом они были «воплощены в жизнь» и на родине Мальтуса – в Англии, ставшей вовсе не страной с низкой рождаемостью, а самой мощной колониальной державой, отправившей в эмиграцию миллионы соотечественников. В смысле самоограничения репродуктивного поведения Япония «жила по Мальтусу» в эпоху Токугава, когда были широко распространены аборты и инфантицид, препятствующие росту населения [Мещеряков 2022] (правда, сам Мальтус эти меры отнюдь не поощрял). В период Токугава ни один японец не знал имени Мальтуса. Узнав это имя во второй половине XIX в. и вознеся учёного на пьедестал, японцы превратились по сути в антимальтузианцев. В стране, стремившейся к мировому величию, любая идея переосмысливалась в пользу её «державной» интерпретации.

Слово «колониализм» не обладало тогда отрицательными коннотациями в официальном дискурсе западного мира, стать колониальной державой означало для Японии войти в клуб «цивилизованных» стран и стать с ними на одну доску. Расширение собственной территории воспринималось как неизбежный этап борьбы народов за существование – закона эволюции и «прогресса», не подлежащего обсуждению с моральной точки зрения в силу его объективности. В любом случае решение проблемы внутренней демографической ситуации мыслилось за счёт использования внешнего ресурса. Отсюда с непреложностью следует вывод о колоссальном влиянии демографического фактора на всю внешнюю политику Японии.

В самом начале подготовки к грозному будущему речь шла о временных переселенцах в дальние страны, которые однозначно не предназначались для колонизации, но были

выгодны для зарабатывания валюты. Единогласно признавалось, что в Японии проживает множество бедняков, и правительство посчитало внешнюю трудовую миграцию инструментом для борьбы с нищетой. В этом деле примером служила другая бедная страна – Китай. На американском континенте трудилось немало китайцев-кули.

С 1885 г. правительство начало поощрять мигрантов, которых направляли прежде всего на Гавайи, хотя в качестве места назначения фигурировали и другие страны (главным образом, латиноамериканские – Перу, Бразилия, Мексика). Предполагалось, что японские сельскохозяйственные рабочие заработают за границей немалые деньги, которые они по возвращению на родину используют не только на прокорм своих семей, но и для подъёма экономики в целом. Иными словами, эта «эмиграция» была, скорее, разновидностью отходничества, чем средством для окончательного избавления страны от лишних ртов или же инструментом для освоения зарубежных территорий.

На Гавайских островах японские крестьяне трудились, в основном, на плантациях сахарного тростника и заводах по его переработке. Они направлялись на Гавайи по контракту, заключённому на определённый срок (обычно трёхлетний) с японским правительственным агентством (затем появились и частные посреднические фирмы). В основном это были мужчины. Приоритет поначалу отдавался тем людям, которым предстояло в полной мере продемонстрировать миру трудолюбие всего японского народа и улучшить его имидж за границей. То есть миграция имела не только экономические, но и идеологические задачи. Тогдашняя политика находилась под контролем выходцев с юго-запада страны (из бывших княжеств Сацума и Тёсю), оттуда же, в первую очередь, поначалу вербовались и трудовые мигранты, ибо руководство было уверено в их трудовых и моральных достоинствах.

Помимо доводов о прибыльности миграционного предприятия и его имиджевых приобретениях, высказывалось и такое идеологическое соображение: миграция-де поможет разрушить «феодальный» психотип – сращенного с землей предков японца, ибо такой психотип не соответствовал требованиям современности. Это «требование» заключалось в том, что интересы динамичного государства должны стоять выше «доморощенных» интересов – семейных и личных [Yoshida 1944, p. 168–169]. Иными словами, речь снова шла о формировании «нового» японца, не обременённого наследием «проклятого» феодального прошлого и готового покинуть землю предков.

После присоединения Гавайев к оплоту демократии – США (1898 г.) – многие японские трудовые мигранты стали перебираться в Калифорнию. В конце XIX – начале XX вв. в США ежегодно приезжало около 10 тыс. японцев. Поначалу их принимали хорошо, но трудолюбие, аккуратность, готовность работать за сравнительно низкую плату и сообразительность быстро сделали их серьёзными конкурентами местного населения, которое было недовольно «засильем» японцев. То есть трудолюбие японцев в глазах многих американцев сыграло не положительную, а отрицательную роль.

В 1924 г. США приняли иммиграционный закон (National Origin Act), согласно которому ежегодная квота на въезд японцев в США стала составлять «оскорбительные» 186 человек. Американский закон вызвал в Японии бурю протестов. Посол в Вашингтоне Ханихара Масао писал: «Для Японии это (Иммиграционный Акт – *А.М.*) является вопросом не выгоды, а принципа…Важно то, уважают Японию как нацию, считаются или не считаются с ней…» [Савельев 1997, с. 123]. В Японии началась компания по бойкоту

американских товаров. Американский иммиграционный закон был направлен не только против японцев, но и против китайцев. И это тоже было прямым оскорблением чувства национального достоинства. Возникшие проблемы в двусторонних отношениях имели не столько материальные, сколько эмоциональные основания – и до принятия закона количество переселенцев в Америку было незначительным. Так, в 1924 г. в США отправилось чуть более 4 тыс. человек [Waga kuni 1927, p. 40].

После фактического прекращения эмиграции в США японское правительство стало особенно активно поощрять переселение в Южную Америку, однако в 1934 г. ограничительные меры ввела и Бразилия. «Золотой век» эмиграции закончился. Страны, которые раньше поощряли въезд иностранцев, теперь ограничивали их число: свободной земли на земном шаре оставалось всё меньше, японцы были слишком сильными конкурентами на рынке рабочей силы, великая экономическая депрессия ещё больше усугубляла ситуацию. Количество японских эмигрантов и до этого было не слишком значительным, но теперь на самой идее возможности решения демографических проблем за счёт мирных переселенцев в далёкие страны был поставлен жирный крест.

Что до силового расширения территории Японии, то первым шагом на этом пути стала аннексия Тайваня в результате японо-китайской войны 1894–1895 гг. Японская колониальная администрация действовала споро и эффективно, превратив Тайвань в сельскохозяйственный придаток метрополии. Этот остров стал играть заметную роль в обеспечении Японии рисом и, в особенности, сахаром. За время, когда Тайвань был японской колонией, производство риса выросло там в три раза, а сахара – в 24 [Тертицкий, Белогурова 2005, с. 11].

Японское правительство пыталось организовать переселение японских крестьян на Тайвань, но результаты получились плачевными: с 1910 по 1916 г. туда переехало 754 двора, из которых 102 вернулось в Японию [Meiji, Taisho 1979, p. 89]. На тайваньских плантациях и полях трудились вовсе не японцы, а местные крестьяне. Большинство японцев на Тайване находились там временно. Это были чиновники, военные, полицейские, агрономы, инженеры, торговцы. Пробыв в колонии какое-то время, они возвращались на родину. Неудача с миграцией на Хоккайдо зачастую объяснялась тамошним непривычным для японцев холодным климатом, но о Тайване этого сказать было нельзя. Дело было не в температуре, а в психологии и темпераменте.

Похожая ситуация сложилась и в Корее. Она была аннексирована в 1910 г. Приобретение Кореи наполняло сердца радостью – теперь Япония стала «материковой державой». Однако те, кто рассчитывал на смягчение демографических проблем внутри самой Японии, оказались разочарованы. Если до аннексии в Корее находилось 146 тыс. японцев, то в 1925 г. их насчитывалось 425 тыс., что расценивалось официозом как совершенно недостаточное для приобщения к «настоящей» культуре почти 20 млн корейцев, которые к тому же демонстрировали быстрые темпы прироста [Chosen no jinko 1927, p. 105–106]. Таким образом, мы можем констатировать неудачу государственной переселенческой политики. К тому же наблюдался и обратный процесс: корейцы переселялись в метрополию (в 1925 г. их насчитывалось там около 100 тыс.), так что влияние присоединения Кореи на численность населения в «исконной Японии» оказалось минимальным.

Среди разнонаправленных эмоций, которые испытывали японцы по отношению к загранице и эмиграции, любовь к малой родине оказалась самой сильной. Несмотря на

пропаганду и воодушевляющие примеры, дух пионеров и искателей приключений был японцам чужд, они не стремились искать счастья за морем, эмиграция не носила такого масштаба, который мог бы повлиять на демографическую ситуацию на «исконной» территории. В 1925 г. в Корее находилось 425 тыс. японцев, на Тайване – 184 тыс., на Южном Сахалине – 187 тыс., в Квантунской области, где проходила контролируемая японцами Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД) и были расквартированы японские войска, – 187 тыс., на подмандатных территориях – менее 8 тыс. Таким образом, за пределами страны на тех территориях, которые Япония считала своими колониальными владениями, проживало 987 тыс. японцев. Значительная их часть находилась там временно. То же самое относится и к зарубежным странам, где находилось 596 тыс. японцев. Из них в Китае – 225 тыс., в США – 131, на Гавайях – 123, в Бразилии – 42 тыс. [Waga kuni 1927, p. 25–39]. Для поборников эмиграционного подхода к демографической проблеме это казалось совершенно недостаточным.

Дискуссия о перенаселённости Японии

Наиболее прозорливые учёные высказывали беспокойство по поводу бурного роста населения ещё в конце XIX в., но по-настоящему эта проблема была актуализирована уже в 1920-х гг. В 1918 г. по стране прокатились «рисовые бунты» – люди протестовали против повышения цен на рис. Непосредственной причиной такого повышения послужили массированные государственные закупки риса для армии, готовившейся к оккупации советского Дальнего Востока и Сибири. «Сибирская экспедиция» закончилась крахом, но повышение цен на рис спровоцировало дискуссию о том, может ли земля Японии прокормить такое количество людей.

Переписи показывают быстрый рост населения империи («исконная» Япония плюс колонии): 1920 г. – 76 млн 987 тыс. человек, 1925 – 83 млн 457 тыс., 1930 – 90 млн 396 тыс., 1935 – 97 млн 695 тыс. человек. Такой рост позволял с гордостью говорить о «стомиллионном народе великой японской империи». Япония занимала пятое место в мире по численности населения после Китая, Британской Индии, СССР и США [Попов 1936, с. 123–124]. Однако японские публицисты обычно сравнивали её население только с европейскими странами и США, и тогда Япония поднималась в мировом рейтинге ещё выше, что только усиливало чувство самоудовлетворения. В издании 1920 г. с гордостью подчёркивалось: по численности населения Япония занимает третье место среди мировых держав после США и России. Утверждалось, что заветное желание японского народа состоит в том, чтобы быстрый рост населения продолжался и в будущем [Jinko mondai 1920, p. 95, 100].

«Державники» дежурно радовались тому, что японский народ плодится с такой скоростью. Однако многие считали такой рост избыточным. Обычный ход мысли был таков: перенаселённость провоцирует обострение борьбы за существование, а это, в свою очередь, ведёт к «понижению уровня культуры» и «упадку» государства [Waga kuni 1928, p. 3]. Имелось в виду, что перенаселённость ведёт к ожесточению, конкуренции за ресурсы, обострению социальных конфликтов и потере управляемости страной.

Публикации экономистов и демографов дышали тревогой. Профессор Токийского императорского университета Янаихара Тадао (1893–1961) в первой же фразе своей книги,

посвящённой демографическим проблемам, в 1928 г. писал: «Естественный рост населения в нашей стране составляет почти миллион человек в год, что устрашающим и угнетающим образом воздействует на психику народа, так что дискуссии по демографическим вопросам пышут жаром» [Yanaihara Tadao 1928, p. 1]. Главным предметом беспокойства было продовольственное обеспечение.

Пожалуй, только японские марксисты не пугались того, что японцев становится чересчур много. В их понимании речь могла идти не об «абсолютной», а только об относительной перенаселённости, которую порождает капиталистический строй. Со свойственной коммунистическому стилю мышления размашистостью, Каваками Хадзимэ (1879–1946) отвергал такие полумеры, как развитие экспорта (чтобы на полученные доходы закупать недостающее стране продовольствие), повышение продуктивности сельского хозяйства, эмиграция, ограничение рождаемости (по его мнению, это ведёт к деградации нации). Был он решительно против и военной экспансии [Kawakami Hajime, 1927]. Коммунисты мечтали свергнуть капиталистический строй и императора, на меньшее они были не согласны. Только при ликвидации «эксплуататорского» строя, по их мнению, все проблемы, включая демографические, могут быть решены. Но коммунистические идеи не пользовалась широкой популярностью. На первых «всеобщих» выборах 1928 г. (право голоса получили только мужчины) «левые» получили 8 мест в парламенте. Общее же число парламентариев превышало четыре с половиной сотни. Но и этот «успех» напугал власть. Начиная с того же самого 1928 г. коммунистов стали массово арестовывать, многие из них каялись и отрекались от своих взглядов. Такая же судьба постигла и Каваками. В результате репрессий открыто пропагандировать марксистские идеи стало попросту некому.

Для ослабления демографического давления и решения продовольственной проблемы предлагались разные способы: повышение продуктивности сельского хозяйства, экспансия и сопутствующая ей эмиграция, сокращение рождаемости. Повышать эффективность труда крестьянина оказалось слишком долго и хлопотно, а снижение рождаемости и экспансия оказались на практике методами взаимоисключающими. Словом, Япония стояла на распутье. Выбор решения проблемы перенаселённости одновременно означал и выбор общеполитического курса, по которому пойдёт страна.

Позиция правительства по демографическому вопросу была двойственной. С одной стороны, рост населения вызывал глубокое удовлетворение, но, с другой, – обеспокоенность. На первом заседании правительственного комитета по проблемам демографии и продовольствия (20 июля 1927 г.) премьер-министр Танака Гиити (1864–1929) заявил: «За последние годы население нашей империи быстро росло, что символизирует процветание государства и вызывает радость. Рост населения не только свидетельствует о жизнеспособности нашего народа, но и составляет основу для сильной страны. Однако территория нашей страны мала и обделена природными ресурсами, а развитие промышленности ещё недостаточно, так что из-за высокой плотности населения потребление продуктов питания растёт быстрыми темпами, то и дело возникает дисбаланс в спросе и предложении рабочей силы, что вносит нестабильность в жизнь народа» [Fujino Yutaka 1998, p. 121–122].

По современным меркам, зависимость Японии от иностранного продовольствия была не так велика (по рису она составляла 15 %). Однако политики и публицисты били тревогу: Япония, которую в глубокой древности с гордостью именовали «страной богатых урожаев»

или же «страной обильных тростниковых равнин и удивительных колосьев риса», превратилась ныне в импортёра риса. Подчёркивалось, что весь прирост населения обеспечивается теми продуктами, которые выращены в колониях (Корее и Тайване) и за границей [Yanaihara Tadao 1928, p. 143–145]. Это было крайне неприятно с точки зрения самоидентификации японцев, для которых «рис» и «Япония» стояли в одном синонимическом ряду. Половину пищевых калорий приносил японцу именно рис. Его потребление в расчёте на одну японскую душу росло, но это происходило за счёт «чужого» риса. Очень хотелось, чтобы весь он был «родным».

Помимо ностальгии по тем временам, когда «родного» риса имелось (или якобы имелось) в изобилии, огромную роль играли и геополитические соображения относительно самообеспеченности продовольствием. Чем дальше, тем больше Япония ощущала себя страной, окружённой врагами. При этом никто не собирался нападать на неё. Все войны, которая она вела до этого, начинала сама Япония. Поскольку она их выигрывала, это приводило к усилению политического влияния военных, которые видели решение любых внутренних проблем за счёт силового воздействия на другие страны. То есть они собирались воевать и в самом ближайшем будущем. Поэтому полное продовольственное самообеспечение представлялось им чрезвычайно прельстительной задачей, но её выполнение было близко к невозможному – винтовка и вправду может рождать власть, но богатые урожаи случаются только в мирные годы.

Принятые в Японии технологии уже не позволяли повышать урожайность сколько-то существенно. Производство продуктов питания теоретически могло бы быть увеличено за счёт расширения сельскохозяйственных угодий. По плотности населения Япония уступала некоторым европейским странам – Бельгии, Голландии, Англии. Однако при расчёте плотности населения не на всю территорию страны, а только на пашню, она уверенно лидировала: 9,69 человека на гектар земли (в Англии – 2,26, в Германии – 1,85, во Франции – 1,08) [Kiyomizu Shizubumi 1929, p. 24–25]. Разумеется, прокормиться почти десяти человекам с такого «поля» было невозможно. В западных странах была отдана под сельскохозяйственные угодья намного большая доля территории, чем в Японии. Во Франции она составляла 42 %, в Германии – 44 %, в Англии – 25 %, а в «исконной» Японии – только 16 % [Waga kuni 1928, p. 5–6.]. В стране существовали земли, которые теоретически могли быть освоены под пашню, но они были низкого качества и располагались в менее пригодных для полеводства (особенно для выращивания риса) районах – например, в Тохоку, на Хоккайдо или Южном Сахалине. Освоение этих земель требовало больших капиталовложений. У крестьян такие средства отсутствовали, частные капиталы вкладывались преимущественно в промышленность с её более высокой нормой прибыли. Правительство выделяло средства на освоение Хоккайдо, но их не могло быть хоть сколько-то достаточно, учитывая возрастающие расходы на армию: в 1931 г. их доля в бюджете превысила 30 %, в 1934 г. они составили 44 %, а в 1937 г. – почти 70 %, что делало невозможным осуществление любых крупномасштабных мирных программ. В результате прирост населения опережал прирост посевных площадей.

Обеспокоенность перенаселённостью ощущалась не только в правительстве, но и в обществе. В арсенале правительства значились эмиграция и расширение сферы обитания, в обществе же зарождается «низовое» движение за ограничение рождаемости. Хотя правительство не проводило политику, направленную на повышение рождаемости, оно с

большой подозрительностью относилось к призывам по её ограничению: публикации, ратующие за планирование семьи, подвергались цензуре, лекции поборников легализации абортов и контроля над рождаемостью отменялись. Так произошло, в частности, с приехавшей в Японию в 1922 г. американкой Маргарет Сэнгер (Sanger, 1883–1966) – известной активистской движения за контролируемую рождаемость, которая и ввела в оборот этот термин (birth control). У матери Маргарет было 11 детей, у неё самой – только двое сыновей (дочь умерла в младенчестве). За её феминистские и «античеловеческие» выступления в США Сэнгер преследовали, не раз арестовывали.

В токугавской Японии аборты и инфантицид были широко распространены, но под влиянием западной (христианской в своей основе) морали правительство боролось с ними и достигло в этом деле больших успехов. Отказываться от них не хотелось. В тогдашнем западном мире аборты были запрещены практически повсеместно. В Японии они тоже находились под запретом. Когда в 1920 г. их разрешили в Советской России, это вызвало восторг у многих «прогрессивных» западных интеллектуалов и ужас у обывателей, которые получили ещё одно доказательство «бесчеловечности» коммунистов. Тем не менее, противозачаточные средства (главным образом, барьерные) находили всё более широкое распространение на Западе. Но японская власть относилась к ним крайне подозрительно. Идея Сэнгер «лучше меньше детей, но лучшего качества» подвергалась жёсткой критике на том основании, что рождённый японцем не может быть дурного «качества» по определению. Что до противозачаточных средств, то в связи с неблагополучной экономической ситуацией конца 1920-х гг. они всё-таки начали получать распространение. Однако социологические опросы показали, что в 1930-х гг. только менее 10 % супружеских пар использовали контрацептивы [Drixler 2013, p. 118].

В 1926 г. «толстый» журнал «Тайё» провёл опрос заметных публичных фигур по вопросу о том, одобряют ли они ограничение рождаемости в тех семьях, которые испытывают материальные затруднения. Большинство ответило утвердительно, что свидетельствует не только о низком уровне жизни в тогдашней Японии, но и о том, что среди интеллигенции идея планирования семьи находила определённое понимание. Однако в правящих кругах всё большее влияние получали люди в погонах, которым требовались всё большие человеческие ресурсы для осуществления экспансионистской политики. Недаром активный член пролетарского движения Аогаки Дзэнъитиро (1887–1975) утверждал, что ограничение рождаемости имеет антимилитаристскую составляющую [Fujino Yutaka 1998, p. 116–117, 121]. Среди сторонников ограничения рождаемости было вообще много «левых», на которых обрушились репрессии. Следуя вдохновляющему примеру нацистской Германии, общественное движение по контролю над рождаемостью и планированию семьи распустили в 1935 г., публикации по этой тематике запретили двумя годами позже. Символично, что сам журнал «Тайё» прекратил существование ещё в 1928 г.

Переселение в Маньчжоуго

Многолетний опыт эмиграции демонстрировал, что японцы по-прежнему покидают место своего жительства с большой неохотой. Ярый поборник переселения японцев за границу экономист Киёмидзу Сидзубуми с нескрываемой обидой указывал в 1929 г.: Италия, как и Япония, тоже испытывает серьёзное демографическое давление, и 5 млн 600 тыс.

итальянцев охотно переселились за рубеж, японцев же за пределами архипелага насчитывается всего 600 тыс. (данные по числу находящихся за пределами страны японцев могут различаться ввиду разных критериев их подсчёта – *А.М.*). Это происходит прежде всего потому, что японский народ «не любит» жить за границей, поэтому следует взращивать в нём охоту к перемене мест [Kiyomizu Shizubumi 1929, p. 248]. Другой влиятельный экономист с завистью отмечал: если бы из Японии ежегодно уезжало 2 % населения, как это происходило в Италии, то это равнялось бы 1 млн 100 тыс. мигрантов! [Takahashi Kameyoshi 1928, p. 486].

Исии Итаро (1887–1954), глава отдела эмиграции Министерства иностранных дел, заявлял: «Один из недостатков японцев состоит в том, что они ищут быстрого успеха. Эта черта обнаружила свою предельную пагубность в деле экспансии японцев заграницу… Если ты уезжаешь заграницу, ты должен приготовиться жить и умереть там. Будь терпелив, не спеши, старайся неспешно заложить экономическую основу своей жизни – только в этом случае японская эмиграция может быть успешной» [Akira 1974, p. 255]. Но сами японцы плохо поддавались на уговоры.

Немногочисленные «левые» и либералы выступали за контроль над рождаемостью. «Правые» ратовали за расширение территории страны. В пользовавшемся значительной популярностью памфлете Нисино Юдзи «Следующая дальневосточная война: куда должна отправиться императорская армия» (1930) утверждалось: если японцы не станут одушевляться освоением заграничных территорий, их неминуемо ожидает подъём классовой борьбы, людоедство и самоуничтожение.

Сознание того, что земля Японии слишком мала и бедна для многочисленных японцев, владело умами. Все предыдущие планы по переселению японцев заграницу закончились с ограниченными результатами, теперь взоры обращались в сторону китайской Маньчжурии. Разговоры о том, что Маньчжурия является наиболее подходящим местом для массового переезда туда японцев, велись давно. Ещё в 1906 г. теоретик и практик японского колониализма Гото Симпэй (1857–1929) призвал 500 тыс. японцев переехать в Маньчжурию. Японцы проигнорировали этот призыв. Однако правительство не сдавалось, и в 1910 г. министр иностранных дел Комура Дзютаро (1855–1911) пошёл ещё дальше, заявив: в следующие 20 лет миллиону японцев следует обосноваться там. Однако эти разговоры оставались лишь благопожеланиями.

В 1930 г. на постоянном жительстве в Маньчжурии находилась всего тысяча японцев. Теперь призывы было решено подкрепить более решительными действиями. В 1931 г. японская армия продемонстрировала примерную мобильность и вторглась в Маньчжурию. В 1932 г. там было образовано «независимое» государство Маньчжоуго, которое находилось под полным контролем Японии. По сути, это была новая японская колония. Такая ситуация воспринималась в стране «с пониманием», поскольку на этой территории в древности располагались государства Когурё и Бохай, которые Япония считала своими данниками. Так что речь шла «всего лишь» о восстановлении исторической справедливости. Из событий недавней истории легко вспоминалась война с Россией, многие сражения которой происходили на маньчжурской территории. Там погибло немало японцев, а земля, обагрённая кровью соотечественников, становилась эмоционально ближе, воспринималась как «своя». «Разве жертвы наших предков были напрасны?» – задавали сами себе японцы риторический вопрос.

Важнейший этап экспансионистской миграционной политики был связан именно с Маньчжоуго. Это был новый шаг в деле решения внутренних демографических проблем за счёт внешнего фактора. Все прежние попытки такого рода заканчивались неудачей: японскую эмиграцию было трудно уподобить «потоку», она скорее напоминала «ручеёк». Кроме того, прежняя миграция в другие страны часто заканчивалась возвращением на родину. Однако теперь правительство твёрдо решило сделать так, чтобы японцы уезжали в Маньчжоуго навечно. Предполагалось, что освоение японскими колонистами маньчжурских просторов не только обеспечит доступ к новым природным и пищевым ресурсам, но и избавит территорию исконной Японии от лишних ртов. Плотность населения в Маньчжоуго составляла около 30 человек на кв. км, а в «исконной» Японии – 190.

Экономист Киёмидзу Сидзубуми предупреждал в 1929 г.: «Поскольку японцы длительное время проживали в островной стране, … у них развился специфический душевный строй; в особенности это касается любви к малой родине и нежелания покидать землю, где похоронены предки. Даже в условиях перенаселённости они скорее готовы умереть на месте, чем уехать навсегда…» [Kiyomizu Shizubumi 1929, p. 277]. Однако правительство считало, что оно лучше знает душу японца. Верило оно и во всесилие пропаганды.

Широкомасштабная государственная программа по переселению одного миллиона крестьянских дворов (5 млн человек) в Маньчжоуго начала осуществляться в 1936 г. Она была рассчитана на 20 лет. Важно отметить, что планировалось переселение не просто японцев, а японцев семейных. То есть эта акция предполагала не отходничество, а прочное укоренение на маньчжурской земле. Предполагалось, что основу колонистов составят крестьяне. Им предоставляли участки таких размеров, о которых они и не могли мечтать на родине. Несмотря на непривычный климат и отсутствие инфраструктуры, пропагандисты называли Маньчжурию «переселенческим раем». Площадь этого «рая» составляла 1 300 000 кв. км, а площадь всей остальной Японии вместе с колониями – 680 000. Однако и эта переселенческая затея по большому счёту не удалась – к концу Второй мировой войны в Маньчжурию переехало только 270 тыс. человек. Правление Токугава стреножило японца крепкими путами и не пускало его за море. Нынешние власти всеми силами пытались оторвать японца от родной земли, но даже привыкшие повиноваться правительству японцы на призывы покинуть землю предков реагировали вяло.

Заключение

Формировавшийся столетиями тип оседлого японца плохо поддавался уговорам на перемещения в пространстве. В отличие от царской России и СССР, где главные усилия государства были направлены на то, чтобы прикрепить крестьянина к определённому месту, японское пост-мэйдзийское государство пыталось «раскачать» и «растормошить» японцев, открепить их от места постоянного (векового!) проживания и превратить из интровертов в экстравертов. Время было неустойчивое и взбалмошное, японец получал от государства разнонаправленные сигналы. Школа воспитывала приверженность не только к «большой» (императорской) Японии, но и любовь к родине малой. В конце 1920-х гг. краеведение получило официальное признание, стало составной частью идеологии. В 1929 г. краеведческое движение оформилось в Ассоциацию, которую поддерживало министерство

образования, считавшее, что любовь к малой родине есть важнейшее звено имперского патриотизма. В 1931 г. предмет «краеведение» был включён в школьную программу. Но взрослому человеку внушали, что эмиграция из любимой деревни, города и страны представляет собой разновидность патриотизма. Однако экспансионистские устремления государства входили в драматическое противоречие с «национальным характером»: несмотря на призывы к переселению, японцы в своём большинстве предпочитали жить и умирать на родине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Краснов А.Н. По островам далекого Востока. Санкт-Петербург: редакция «Недели». 1895.

Мещеряков А.Н. Демографический взрыв в Японии периода Мэйдзи // Японские исследования. 2021. № 1. С. 80–100. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-80-100

Мещеряков А.Н. Планирование семьи и инфантицид в Японии периода Токугава // Вопросы философии. 2022. № 1. (В печати).

Попов Константин. Экономика Японии. Москва: Соцэкгиз. 1936.

Савельев И.Р. Японцы за океаном. История японской эмиграции в северную и южную Америку. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение. 1997.

Сэн Катаяма. Воспоминания. Москва: Наука. 1964.

Тертицкий К.М., Белогурова А.Э. Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн. Москва: Восток-Запад. 2005.

REFERENCES

Katayama, Sen (1964). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Krasnov, A.N. (1895). *Po ostrovam dalekogo Vostoka* [On the islands of the distant East]. Saint Petersburg: Redakciya «Nedeli». (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2021). *Demograficheskii vzryv v Yaponii perioda Meidzi* [Population explosion in Meiji Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 1, 80–100. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-80-100

Meshcheryakov, A.N. (2022). *Family planning and infanticide in Tokugawa Japan*. *Voprosi philosophii*, 1. (In Russian). (In print).

Popov, K. (1936). *Ekonomika Yaponii* [Japan's Economy]. Moscow: Socekgiz. (In Russian).

Tertickij, K.M., Belogurova, A.E. (2005). *Tajvan'skoe kommunisticheskoe dvizhenie i Komintern* [Taiwan Communist Movement and the Comintern]. Moscow: East-West. (In Russian).

* * *

Akira, Iriye (1974). The Failure of Economic Expansionism: 1918-1931. In B.S. Silberman and H.D. Harootunian (Eds.), *Japan in Crisis. Essays on Taisho Democracy*. Princeton University Press.

Chosen no jinko gensho [Modern Demographic Situation in Korea]. (1927). Keijo: Chosen insatsu kabushiki kaisha. (In Japanese).

Drixler, F. (2013). *Mabiki: Infanticide and Population Growth in Eastern Japan, 1660–1950.* Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Fujino, Y. (1998). *Nihon fashizumu to yusei shiso* [Japanese Fascism and Eugenics]. Tokyo: Kamogawa shuppan. (In Japanese).

Jinko mondai [Problems of Population]. (1920). Tokyo: Tokasha. (In Japanese).

Kawakami, Hajime (1927). *Jinko mondai hihan* [Criticism of Demographic Problems]. Tokyo: Sobungaku. (In Japanese).

Kiyomizu, Shizubumi. *Jinko mondai no kenkyu* [Research on Demographic Problems]. Tokyo: Bunkeisha. (In Japanese).

Meiji, Taisho zushi. Kaigai. (Commented Illustrations of the Meiji and Taisho Periods. Abroad). (1979). Tokyo: Chikuma Shobo. (In Japanese).

Nihonjin. (1890). No 40. (In Japanese).

Pyle, K.B. (1969). *The New Generation in Meiji Japan. Problems of Cultural Identity 1885-1895.* Stanford University Press, pp. 158–159.

Takahashi, Kameyoshi (1928). *Nihon shihonshugi hattatsu shi* [History of the Development of Japanese Capitalism]. Tokyo: Nihon Hyoronsha. (In Japanese).

Waga kuni jinko mondai to mammo [Demographic Problems of Our Country in Relation to Manchuria and Inner Mongolia]. (1927). Dairen: Minami manshu tetsudo kabushiki kaisha. (In Japanese).

Yanaihara, Tadao (1928). *Jinko mondai* [Demographic Problems]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Yoshida, Hideo. (1944). *Nihon jinkoron no shiteki kenkyu* [Historical Study of Theories on Japanese Demography]. Tokyo: Kawade Shobo. (In Japanese).

Поступила в редакцию 20.12.2021 Received 20 December 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-95-114

Современный взгляд на Японию из Владивостока (по результатам опроса 2021 года)

В.Л. Ларин, Л.Л. Ларина

Аннотация. Статья посвящена анализу современного восприятия жителями г. Владивостока Японии, их взглядам на состояние и перспективы российско-японских отношений. Основой для исследования стали материалы опроса населения города в мае – сентябре 2021 г., проведённого Лабораторией изучения общественного мнения Института истории ДВО РАН. Полученные данные сопоставляются с результатами аналогичных изысканий прежних лет и взглядами горожан на другие знаковые для Владивостока страны мира – Китай, США, Индию и две Кореи.

Авторы отмечают, что японский фактор играл важную роль в истории города, что и обеспечивает особое внимание его жителей к этой стране. По их мнению, высокий уровень привлекательности Японии, который на протяжении двух последних десятилетий фиксируют опросы общественного мнения не только во Владивостоке, но и в других центрах Тихоокеанской России, основан, прежде всего, на интересе жителей этого региона к уникальной культуре Страны восходящего солнца, высокой оценке ими уровня экономического и технологического развития Японии и благосостояния японцев. В то же время исторический опыт российско-японских отношений и наличие политических противоречий между двумя странами приводит к тому, что немалая часть респондентов (около трети от общего их числа) уверена в наличии угроз России со стороны Японии, которые закономерно отождествляются с территориальными претензиями последней. И всё же жители Владивостока в большинстве своём проявляют достаточно высокий уровень доверия к Японии, позитивно оценивают качество современных и перспективы будущих российско-японских отношений, выступают за их активное развитие.

***Ключевые слова*:** Владивосток, Япония, общественное мнение, российско-японские отношения.

***Авторы*:**

Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор исторических наук, заведующий Центром глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (адрес: 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89). ORCID: 0000-0002-2825-8391; E-mail: victorlar@mail.ru

Ларина Лилия Львовна, кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (адрес: 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89). ORCID: 0000-0002-5040-3671; E-mail: lilylar25@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Современный взгляд на Японию из Владивостока (по результатам опроса 2021 года) // Японские исследования. 2022. № 1. С. 95–114. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-95-114

Modern perception of Japan by Vladivostok citizens (based on a 2021 survey)

Larin V.L., Larina L.L.

Abstract. The article analyses the modern perception of Japan by Vladivostok citizens as well as their views of the current state and prospects of Russo-Japanese relations. The research is based on the materials of a survey conducted by the Public Opinion Research Laboratory of the Institute of History of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in May-September 2021. Obtained data correlate with the results of similar studies of previous years, which the laboratory conducted in various parts of Pacific Russia. The citizens' perception of Japan is compared with their views of other countries that are significant for Vladivostok and Pacific Russia, namely, China, the USA, India, and the two Koreas.

The authors note that, as the Japanese factor played an important role in the history of Vladivostok, this country attracts special attention of the city's residents. In their opinion, the high level of attractiveness of Japan in Pacific Russia and Vladivostok as well, which, over the past two decades, has been recorded by public opinion polls, is based, first of all, on the people's interest to its unique culture, their high assessment of the substantial level of economic and technological development of Japan and the welfare of the Japanese people. However, the historical experience of Russian-Japanese relations and political contradictions between the two countries force a large part of the respondents (about a third of their total number) to believe in the existence of threats to Russia from Japan, which are naturally identified with the territorial claims of the latter. Nevertheless, the residents of Vladivostok, for the most part, show a fairly high level of trust towards Japan, positively assess the quality of modern Russian-Japanese relations and their future, and advocate for their active development.

***Keywords*:** Vladivostok, Japan, public opinion, Russo-Japanese relations.

***Authors*:**

Larin Viktor L., Academician of RAS, Doctor of Science (History), Principal Researcher, Head of Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, (address: 89, Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690950, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2825-8391; E-mail: victorlar@mail.ru

Larina Liliia L., Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Head of the Laboratory for Public Opinion Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, (address: 89, Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690950, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5040-3671; E-mail: lilylar25@mail.ru

***Conflict of interests*.** The authors declare the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Larin V.L., Larina L.L. (2022). Sovremennyy vzglyad na Yaponiyu iz Vladivostoka (po rezul'tatam oprosa 2021 goda) [Modern perception of Japan by Vladivostok citizens (based on a 2021 survey)]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 1, 95–114. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-95-114

Не будет преувеличением сказать, что в российско-японских отношениях г. Владивосток всегда занимал и сегодня занимает особое место. Эта особость определяется разными факторами и обстоятельствами: ролью Владивостока в реализации тихоокеанской политики России; его необычным восприятием в Японии – как одного из символов России и немногих плацдармов японского присутствия на российской территории; реальным вкладом, который этот город на краю России вносил в двусторонние отношения, являясь постоянно

действующим каналом экономического и гуманитарного взаимодействия между двумя странами и народами. Данные обстоятельства не могли не сформировать специфического общественного мнения горожан о Японии, которое соответствующим образом влияло на качество работы этого канала и состояние региональной компоненты российско-японских отношений.

Существуют разные точки зрения на роль психологического фактора в международных отношениях вообще и в российско-японских в частности. В какой-то степени механически экстраполировав на россиян представления о России (преимущественно негативные), исторически сложившиеся в Японии [Горячева 2020; Кожевников 2020; Мелконян 2018; Чугров 2016; Bukh 2010], Н. Симотомаи пришёл к выводу, что «из-за ввода японских войск в Сибирь после русской революции в России прочно закрепился имидж “самурайской Японии”, а война 1945 г. стала основанием для последующей полувековой психологической холодной войны между Японией и Россией». По мнению японского учёного, «у наших народов в отношении друг друга взаимно укрепился образ “врага”, и это стало психологическим барьером на пути улучшения отношений» [Симотомаи 2009, с. 189].

Российские специалисты в большинстве своём так не считают. Они делают акцент на противоречивости образа Японии в России, отмечают, что в глазах российского общества и российской политической элиты Япония представляет сложную, многоплановую и многоцветную картину [Стрельцов 2016b, с. 25].

С одной стороны, историческая память является «катализатором недоверия» к этой стране [Чугров 2016, с. 12], накладывается на негативные политические оценки, когда Япония воспринимается «как страна, в лучшем случае, не имеющая собственной внешней политики, в худшем – как сателлит США и геополитический противник России» [Стрельцов 2016a, с. 19]. Согласно общероссийским опросам общественного мнения последних лет, Япония не находится в фокусе внимания россиян, большинству из которых просто недосуг думать о самом её существовании. Япония для них – «и не друг, и не враг, а так…», по степени экономической важности для России расположившаяся где-то на уровне Турции и Индии и интересная, главным образом, как далёкая экзотика[1]. Она не стала для россиян страной массового туризма, страной, где приобретают недвижимость, где живут родственники, где держат банковские счета, что в совокупности «переводит отношение к ней в некую абстрактную плоскость…» [Волин 2009, с. 237–238].

С другой стороны, в общественном сознании россиян сформировался и закрепился в значительной степени мифологизированный и притягательный образ Японии: как страны изысканной культуры с высоким уровнем экономического и технологического развития. В представлениях большинства россиян Япония – это «символ и образ», который часто «имеет мало общего с оригиналом и сводится к группе устойчивых стереотипов» [Куланов 2004, с. 55, 63].

Опираясь на материалы изучения общественного мнения жителей Тихоокеанской России, мы уже не раз показывали, что в этом регионе страны, в том числе во Владивостоке, отношение к Японии не менее противоречиво, чем на её западных или южных границах, но при этом имеет свою специфику [Ларин, Ларина 2011, с. 187–216]. По разным причинам

[1] О России и странах мира. Какие страны россияне считают дружескими, какие – вражескими, и в каких хотят побывать. 24 июля 2017 г. // Сайт Фонда общественного мнения. http://fom.ru/Mir/13624

Владивосток в этих публикациях не был представлен отдельной строкой, хотя вполне заслуживает особого внимания.

У многих жителей этого города представления о географически близких, но культурно далёких соседях – как японцах, так и китайцах и корейцах, – формировались и продолжают развиваться в существенно иных условиях, чем у подавляющего большинства россиян. Если для 90 % из них Япония – это страна, расположенная далеко от России [Петухов 2010, с. 7], то для жителей Владивостока (как, впрочем, Хабаровска, Южно-Сахалинска, Находки или Корсакова) она лежит много ближе, чем собственная столица.

С одной стороны, их специфические представления о Японии определялись близким соседством, обширными многолетними контактами города-порта с этой островной державой (уже в конце XIX в. Владивосток с Японией связали регулярные морские рейсы), а также совместным проживанием на территории Владивостока: в первые полвека его истории японцы составляли приличную и в определённых сферах важную часть населения города [Моргун 2014]. И даже тогда, когда город был закрыт для иностранцев, а это почти вся вторая половина XX столетия, тысячи его жителей, прежде всего, моряков Дальневосточного морского пароходства, продолжали регулярно бывать в Японии, снабжая жителей Владивостока как дефицитными и экзотичными для СССР товарами, так и рассказами об удивительной стране. А японская филология в ДВГУ в 70–80-е годы была, наверное, самой популярной специальностью в вузах города.

Открытие Владивостока в 1990 г. сопровождалось не только переездом туда из Находки Генерального консульства Японии, созданием Японского центра и подписанием договоров о побратимских отношениях с группой японских городов, но и активным развитием уникального сектора местной экономики – автомобильного бизнеса, ориентированного на импорт и обслуживание подержанных японских автомашин[2], появлением японских бизнесменов и студентов, открытием прямых авиарейсов, связавших Владивосток с Ниигатой, Токио, Тоямой, Осакой.

С другой стороны, отношение к Японии формировалось в условиях достаточно сложных – на всём протяжении истории – политических отношений между двумя странами, а всю первую половину XX в. – под влиянием осознания их военно-политического противостояния на Тихом океане и ощущения японской угрозы. Русско-японская война, аннексия близкой к Владивостоку Кореи, интервенция 1918–1922 гг., японская агрессия в Маньчжурии, напряжённость на границе и хасанские события 1930-х гг., скоротечная, но от этого не менее ожесточённая советско-японская война, японские военнопленные и последующие дискуссии по территориальной проблеме – все эти события в большей или меньшей степени затрагивали Владивосток и его жителей и постепенно формировали устойчивый образ Страны восходящего солнца на берегах Амурского залива.

В мае – сентябре 2021 г. Лаборатория изучения общественного мнения (ЛИОМ) Института истории ДВО РАН при финансовой поддержке Генерального консульства Японии в г. Владивостоке провела специальное исследование, посвящённое отношению жителей Владивостока к Японии и японцам, позволившее на серьёзной документальной основе уточнить, подтвердить или скорректировать ряд ранее выработанных оценок и суждений на

[2] В художественной форме нашествие японского автопрома на Владивосток замечательно описал В. Авченко [Авченко 2012].

эту тему и нарисовать более полный образ Японии, укоренившийся в сознании горожан. Всего были опрошены 415 респондентов, в том числе 197 мужчин (47,5 % от общего числа опрошенных) и 218 женщин (52,5 %). По возрасту респонденты распределились следующим образом: до 20 лет – 15 чел. (3,6 %), от 20 до 30 лет – 73 чел. (17,6 %), от 31 до 40 лет – 108 чел. (26,0 %), от 41 до 50 лет – 78 чел. (18,8 %), от 51 до 60 лет – 69 чел. (16,6 %) и старше 60 лет – 72 чел. (17,4 %). Данное распределение в основном соответствует возрастной структуре населения г. Владивостока.

По итогам опроса получился некоторый перекос в гендерном плане: женщин было опрошено на 5 % больше, чем мужчин. Однако внимательный анализ показывает, что гендерные различия не имеют принципиального значения в общих оценках, хотя и сказываются на некоторых ответах, особенно тех, где эмоциональное восприятие играет более-менее значимую роль. Гендерные различия в восприятии тех или иных вопросов, если они присутствуют, отмечены в тексте статьи.

Цель статьи – на основе результатов опроса 2021 г. и предыдущих социологических исследований выявить характер, динамику и некоторые особенности современных представлений жителей г. Владивостока о Японии и российско-японских отношениях.

Япония в контексте общих представлений дальневосточников о внешнем мире

Ответы на первый вопрос, с которого начинается изучение восприятия респондентами Японии, – *«Какая из нижеперечисленных стран нравится вам более всего?»* – дают возможность оценить уровень их абстрактно-эмоционального восприятия стран мира. Каждому респонденту было предложено либо выбрать одно из списка в шесть расставленных в алфавитном порядке государств (Индия, Китай, Северная Корея, США, Южная Корея и Япония), либо озвучить собственный выбор – написать название той страны, которая не находится в списке.

В результате обработки обязательных и инициативных ответов сформировался перечень из 19 стран. В этом перечне, помимо внесённых в анкету государств, оказались ещё 13, в том числе Россия, далёкие и экзотические для Владивостока Бразилия и Нигерия и относительно близкие к нему Вьетнам, Таиланд и Камбоджа. Каждая из инициативно названных респондентами стран набрала от 0,2 (один респондент) до 1,2 % (по 5 чел.) голосов.

Безусловным победителем в этом рейтинге популярности оказалась Япония: её отметили 172 респондента из 415 опрошенных (41,4 %). Далее тесной группой, но с большим отрывом от лидера, следуют Южная Корея (15,2), Китай (13,3) и США (12,3 %). В сумме эти три страны набрали на 0,6 % меньше голосов, чем Япония (40,8 против 41,4 %). Существенной разницы в страновых пристрастиях мужчин и женщин опрос не обнаружил, хотя разброс в 2–3 % (т.е. в пределах допустимой статистической погрешности) присутствует (табл. 1).

Таблица 1. Ответы на вопрос: «Какая страна Вам нравится более всего?» (г. Владивосток, 2021 г., в процентах от числа опрошенных)

Страна	Все респонденты	Мужчины	Женщины
Япония	41,4	42,6	40,4
Южная Корея	15,2	14,2	16,1
Китай	13,3	11,7	14,7
США	12,3	15,2	9,6
Индия	4,1	2	6
Северная Корея	2,2	3	1,4
Ни одна из них	2,7	1,5	3,7
Назвали другие страны	8,8	9,8	8,1

Наибольшую симпатию к Японии проявили респонденты в возрасте старше 60 лет (47,2 % лиц этой возрастной категории), наименьшую – от 31 до 40 лет (37 %). Этот разброс во взглядах разных поколений является наименьшим по сравнению с тем, который обнаруживается по другим странам. По Китаю он находится в диапазоне от 6,7 до 14,8 %, по Южной Корее – от 8,2 до 20,4 %, а по США – от 5,8 до 21,9 % (рис. 1)[3].

Рис. 1. Симпатии жителей г. Владивостока к странам мира (2021 г., по возрасту, в процентах по возрастным группам)

Положение Японии как самого симпатичного для жителей Владивостока зарубежного государства сохраняется последних два десятилетия (рис. 2). Численность особо симпатизирующих ей горожан колебалась в пределах от 35 до 46 %. Некоторую условную конкуренцию Японии составляла Австралия, которая однажды (в 2008 г.) даже оттеснила страну Восходящего солнца на второе место (в анкету 2021 г. Австралия включена не была). Кратковременный всплеск уровня симпатий к обеим странам в 2013 г. объясняется эйфорией от прошедшего годом ранее во Владивостоке Саммита АТЭС и большими ожиданиями на волне оптимистичных заявлений российских властей и множественных публикаций СМИ по

[3] Здесь и далее рисунки и таблицы составлены на основе данных текущего архива Лаборатории изучения общественного мнения.

поводу большого будущего города в контексте «поворота России на Восток» и её «интеграции в АТР».

Рис. 2. Динамика уровня симпатий жителей г. Владивостока к странам мира (в процентах от числа опрошенных)

Отметим также, что эта тенденция позитивного восприятия Японии характерна для всей Тихоокеанской России. Она представлена в нашей недавней работе [Ларин, Ларина 2020, с. 23], так что нет необходимости обращаться к этому вопросу вновь.

Важно иметь в виду, что ответы на первый вопрос дают нам не более чем шкалу страновых приоритетов индивидуумов, возрастных и социальных групп, но ни в коем случае не позволяют судить об их антипатиях, так же как не дают возможность измерить реальный «градус» пристрастий и любви респондентов.

Мотивация людей, выражающих симпатии к той или иной стране, имеет немаловажное значение для понимания их истинного отношения к ней. Респонденты обозначили три главные причины, по которым им нравится Япония. 68 % из тех, что признались в симпатиях к Японии, апеллировали к её истории, культуре и традициям. Для 58 % важнейшим аргументом стали также качество и комфортность жизни японцев, а для 54 % – ещё и уровень экономического развития страны.

Такой порядок характерен для респондентов всех возрастов, за исключением 30-летних, среди которых интерес к культуре и традициям Японии важен только для 58 %. На первое место они поставили качество и комфортность жизни (65 %). Самый большой интерес к культуре Японии проявляют респонденты старше 60 лет (79 % из числа тех, кому более всего нравится Япония) и молодые люди в возрасте до 20 лет (71 %).

Уровень благосостояния людей (34 %), природное разнообразие (22 %) и политический строй страны (5 %) составляют вторую группу причин симпатий к Японии. Наконец, 12 % опрошенных, симпатизирующих Японии, объяснили своё отношение к стране

«необъяснимыми симпатиями», причём больше всего таких обнаруживается среди 30-летних жителей Владивостока (25 % из тех, кому более всего нравится Япония), тогда как среди 50-летних респондентов тех, кто не способен сформулировать причины своего отношения, набралось только 4 %.

Интересно сравнить причины, которыми руководствовались респонденты, выбирая симпатичные им страны. Очевидно совпадение шкалы ценностей у тех жителей Владивостока, кому более всего нравятся США и Южная Корея. Заметно также, что качество и комфортность жизни для них важнее, чем абстрактный «уровень экономического развития».

Таблица 2. Причины симпатий жителей г. Владивостока к странам мира (2021 г., место в перечне причин и процент от числа лиц, которым более всего нравится эта страна)

	Япония (172)	**Южная Корея (63)**	**Китай (55)**	**США (51)**	**Индия (17)**	**Северная Корея (9)**
История, культура, традиции страны	№ 1 (68 %)	№ 4 (24 %)	№ 1 (69 %)	№ 4 (28 %)	№ 1 (95 %)	№ 2 (46 %)
Качество и комфортность жизни	№ 2 (58 %)	№ 1 (73 %)	№ 4 (20 %)	№ 1 (71 %)	№ 4/5 (5 %)	№ 4 (23 %)
Уровень экономического развития	№ 3 (54 %)	№ 2 (54 %)	№ 2 (62 %)	№ 2 (53 %)	Нет	№5/7 (9 %)
Уровень благосостояния людей	№ 4 (34 %)	№ 3 (41 %)	№ 6 (13 %)	№ 3 (43 %)	Нет	№5/7 (9 %)
Природное разнообразие	№ 5 (22 %)	№ 5/6 (13 %)	№ 3 (26 %)	№ 5 (25 %)	№ 2 (46 %)	№5/7 (9 %)
Необъяснимые симпатии	№ 6 (12 %)	№ 5/6 (13 %)	№ 7 (11 %)	№ 6/7 (14 %)	№ 3 (17 %)	№ 3 (32 %)
Политический строй	№ 7 (5 %)	№ 7 (3 %)	№ 5 (18 %)	№ 6/7 (14 %)	№ 4/5 (5 %)	№ 1 (55 %)

Обращаясь к результатам наших исследований двух последних десятилетий, несложно обнаружить, что основания для симпатий горожан, как и всех дальневосточников, к Японии остаются практически неизменными, с каким бы набором вопросов исследователи ни пытались анализировать их причины. Из назвавших в 2013 г. Японию самой симпатичной для них страной (а это были 60 % респондентов) подавляющее большинство – по 83 % – главными причинами своего выбора назвали уровень её экономического развития и культурные традиции. В 2017 и 2019 гг. этими же двумя мотивами руководствовались от 86 до 100 % респондентов Владивостока, указавших на Японию. 42 % респондентов в 2013 г., 48 % в 2017 г. и 57 % в 2019 г. ссылались на такой фактор, как «дружелюбие и гостеприимство» японцев. Природное разнообразие страны было важным для 20, 33 и 25 % соответственно.

Учитывая, что лично познакомиться с жизнью Японии и прикоснуться к её культурным традициям могли, как показывают результаты прежних опросов, не более 15 % жителей

Владивостока[4], а уровень знаний об этой стране даже у тех, кто симпатизирует ей, минимален, он ненамного выше, чем у остальных респондентов [Ларин, Ларина 2011, с. 193], вывод очевиден: симпатии выросли на том мифологизированном и стилизованном образе страны, «которой не существует» [Куланов 2004, с. 59], который начал укореняться в сознании россиян ещё в конце XIX в. и сохраняется, несмотря на все коллизии межгосударственных отношений, по сей день.

Ответы респондентов на следующий вопрос анкеты – *«Чем являются для вас перечисленные ниже страны в первую очередь?»* – уточняют составные элементы, из которых формируется образ Японии у жителей Владивостока. Почти для половины опрошенных (48,7 %) главная черта в этом образе – высокий уровень экономического и технологического развития Японии. Для 16 % респондентов она является в первую очередь *«привлекательной и загадочной культурой»*, для 12 % – *«красивой, комфортной для жизни страной»*. Очень незначительная доля опрошенных (5 %) считает определяющим фактором экономическое партнёрство между двумя странами (табл. 3). Для сравнения заметим, что именно в таком ключе – как *«важного экономического партнёра России и Дальнего Востока» – воспринимают в регионе* Китай (так ответил каждый второй из опрошенных во Владивостоке респондентов – 51,1 %). В США, напротив, жители Владивостока видят, прежде всего, военно-политического соперника России (54,4 % респондентов).

Таблица 3. Ответы на вопрос *«Чем являются для вас перечисленные ниже страны в первую очередь?»* (г. Владивосток, 2021 г., в процентах от общего числа опрошенных)

	Япония	**Южная Корея**	**Китай**	**США**	**Индия**
Высокоразвитая экономическая и технологическая держава	48,7	21,2	22,4	22,6	1
Привлекательная и загадочная культура	15,7	7	10,6	0,7	46,3
Красивая, комфортная для жизни страна	12,3	18,8	1,2	3,1	1,9
Важный экономический партнер России и Дальнего Востока	5,1	8,4	51,1	2,4	1,2
Военно-политический соперник России	2,9	2,4	3,9	54,5	1,4
Не дали ответа	15,2	41,9	10,8	16,6	46,7

Заметных гендерных и возрастных отличий в ответах на этот вопрос не обнаруживается. Разве что, как это ни удивительно, доля мужчин, считающих определяющим для Японии фактором высокий уровень развития экономики и технологий (45,2 %), меньше, чем среди женщин (51,8 %), тогда как среди женщин меньший процент

[4] Согласно результатам опроса 2013 г. в Японии никогда не бывали 85 % респондентов из Владивостока. Количество посетивших Японию жителей Владивостока заметно больше, чем в среднем по России, но явно мало для формирования мнения, основанного на личном опыте.

отметил значение культурной привлекательности и загадочности, чем среди мужчин (11,9 % в первом случае против 19,8 % во втором).

Несмотря на то, что страной наибольших симпатий Японию назвали чуть более 41 % опрошенных жителей Владивостока, заметно большее их число находит в этой стране немало привлекательного, прежде всего, в сфере культуры и высоких технологий. Только 3 % от общего числа респондентов признались, что в Японии их ничего не притягивает (табл. 4).

Таблица 4. Самое привлекательное в Японии для жителей г. Владивостока (2021 г., в процентах от общего числа опрошенных)

	Все респонденты	**Мужчины**	**Женщины**
Культура	61	56,3	65,1
Высокие технологии	49,9	51,3	48,6
Природа	48	41,6	53,7
Кухня	41	35,5	45,9
История	36,9	37,1	36,7
Возможность отдыха	25,1	21,3	28,4
Обычаи	24,6	20,8	28
Образ жизни	24,3	24,4	24,3
Порядок и организация	21,7	28,9	15,1
Медицина	20,2	19,3	21,1
Архитектура	17,8	17,8	17,9
Развлечения	16,4	14,2	18,3
Шопинг	10,8	10,7	11
Музеи	8,4	9,1	7,8
Этикет	8,4	9,6	7,3
Кино	6,3	6,6	6
Сакэ	5,3	9,1	1,8
Мода	4,3	3,6	5
Театр	4,3	4,1	4,6
Литература	4,1	5,1	3,2
Японские женщины	4,1	7,1	1,4
Религиозные верования	3,1	3,6	2,8
Традиционная музыка	2,7	2	3,2
Спорт	0,7	1,5	0
Ничего не привлекает	3,1	2,5	3,7

Привлекательность Японии для жителей Владивостока, их большой интерес к различным сторонам жизни страны предопределяют их ответы на вопрос анкеты *«Какую из нижеперечисленных стран Вы бы хотели посетить более всего?»*. Именно Япония, получив 48 % голосов, заняла неоспоримое первое место. Далее с большим отрывом следуют США (17,8 %), Южная Корея (14,2 %), Китай и Индия (по 8,2 %). На последней позиции расположилась Северная Корея (3,9 %).

Желающих посетить Японию среди женщин (51,4 %) больше, чем среди мужчин (44,2 %); среди молодёжи в возрасте 21–20 лет (53,4 %) – больше, чем среди

пятидесятилетних (43,5 %). Для сравнения отметим, что наибольший интерес к поездкам в Индию и Южную Корею проявили 50-летние респонденты, в Китай – лица старше 60 лет, а вот в США и Северную Корею более всего стремится попасть молодёжь в возрасте до 20 лет.

Опять же отметим, что Япония является самым привлекательным туристическим объектом для жителей Владивостока на протяжении достаточно длительного времени (рис. 3).

Рис. 3. Страны мира, наиболее интересные жителям г. Владивостока для туризма (в процентах от числа опрошенных)

82 % из числа респондентов, которые в 2021 г. хотели бы в первую очередь посетить Японию, объяснили своё желание познавательным интересом (знакомство с культурой, традициями, историей страны). 54 % руководствовались также желанием *«отдохнуть и приятно провести время»*. Для 27 % важен гастрономический интерес (знакомство с японской кухней), а 8 % привлекает шопинг. Наконец, для 10 % респондентов поездка является профессиональной потребностью.

Этими же причинами преимущественно руководствовались и те респонденты, которые выбирали другие страны как приоритетный объект для посещения (табл. 5).

Таблица 5. Побудительные мотивы для поездки в страну (г. Владивосток, 2021 г., в процентах от числа респондентов, выразивших желание посетить страну)

	Япония	**Южная Корея**	**Китай**	**США**	**Индия**	**Северная Корея**
Познавательный интерес (знакомство с культурой, традициями, историей страны)	82	62	65	70	98	70

Желание отдохнуть и приятно провести время	54	62	48	59	27	18
Гастрономический интерес (местная кухня)	27	25	36	10	17	18
Профессиональная потребность (бизнес, учеба, научные, культурные, спортивные и иные связи)	10	17	12	34	0	10
Шопинг	8	8	21	8	12	5

Российско-японские отношения

Отношение россиян к Японии в значительной степени обусловлено не только их абстрактным интересом к стране, представлениями о её культуре и традициях, уровне экономического развития и организации общества, но и оценкой состояния двусторонних политических отношений, которые традиционно предстают перед ними, прежде всего, через призму территориального вопроса и рассматриваются в контексте угроз интересам и безопасности России.

Поскольку обеспечение безопасности невозможно без хотя бы минимального уровня взаимного доверия, первый вопрос этого раздела опроса звучал так: *«Как бы вы оценили степень Вашего доверия к нижеперечисленным странам?»*. Респонденты имели возможность выбрать оценку уровня доверия к каждой стране в диапазоне от 1 (наименьший уровень доверия) до 6 баллов (наивысший уровень). Оценки по Японии распределились следующим образом: 1 балл – 11,3 %, 2 балла – 8,4 %, 3 балла – 20,5 %, 4 балла – 21,2 %, 5 баллов – 24,3 %, 6 баллов – 13 %.

Для более точной оценки уровня доверия/недоверия к стране уберём средние (нейтральные) оценки – 3 и 4 балла – и сравним количество респондентов, которые поставили 1–2 балла («недоверие»), с выставившими 5–6 баллов («доверие»). По Японии это соотношение составляет 19,7 против 37,3 %, т.е. доверяющих Японии респондентов оказалось практически в два раза больше, чем не доверяющих ей. Но это соотношение существенно меняется в зависимости от возраста респондентов (табл. 6).

Таблица 6. Оценка степени доверия жителей г. Владивостока к Японии (2021 г., по возрасту респондентов, в процентах от числа опрошенных)

Возраст	**Доверяют**	**Не доверяют**	**Разница**
до 20 лет	60	6,7	+ 53,7
21 до 30 лет	43,8	13,7	+ 30,1
31 до 40 лет	38,9	19,5	+ 19,4
41 до 50 лет	33,3	26,9	+ 6,4
51 до 60 лет	37,6	20,3	+ 17,3
старше 60 лет	27,7	20,8	+ 7,1

Как видно из табл. 6, молодёжь и старшее поколение доверяют Японии в большей степени, чем лица среднего возраста. Самые большие скептики обнаружились среди 40-летних жителей Владивостока.

Сопоставление степени доверия жителей Владивостока к разным странам региона, произведённое по тем же критериям, показывает очень разное к ним отношение (табл. 7). Совершенно очевидно, что наибольшим доверием пользуется Япония, а наименьшим – США и Северная Корея.

Таблица 7. Оценка степени доверия жителей г. Владивостока к странам мира (2021 г., в процентах от числа опрошенных)

Страна	**Доверяют (оценки 5+6)**	**Не доверяют (оценки 1+2)**	**Разница**
Япония	**37,3**	**19,7**	**+ 17,6**
Южная Корея	30,6	17,8	+ 12,8
Китай	23,1	22,7	+ 0,4
Индия	21,2	28,5	– 7,3
США	12,6	53,0	– 41,4
Северная Корея	11,6	55,4	– 43,8

В 2013 г., когда аналогичный вопрос о доверии к странам региона, хотя и в несколько иной трактовке, также присутствовал в анкете, уровень доверия к Японии во Владивостоке был несколько выше (рис. 4).

Рис 4. Уровень доверия к Китаю и Японии (г. Владивосток, 2013 г., в процентах от числа опрошенных)

Качество современных российско-японских отношений жители Владивостока оценили в 2021 г. преимущественно позитивно. Около половины респондентов (46,5 %) согласились, что эти отношения можно назвать *добрососедскими.* 16,9 % считают их *дружественными*. Присутствуют и инициативные ответы: *«нейтральные», «партнёрские», «маятник между добрососедскими и напряжёнными».* Однако около трети опрошенных не разделяют

позитивного настроя: *напряжёнными* российско-японские отношения назвали 28,7 % опрошенных, а *враждебными* – 2,2 %.

Сравнение с другими странами АТР показывает, что Япония проигрывает по уровню «добрососедства» с Россией Китаю и Южной Корее, а по степени «дружественности» ещё и Индии, но опережает Северную Корею и существенно – Соединенные Штаты Америки.

Таблица 8. Оценка качества отношений со странами мира (г. Владивосток, 2021 г., в процентах от числа опрошенных)

Страна	**Позитив**			**Негатив**			**Нет ответа**
	Добро-соседские	Дружест-венные	Всего	Напря-женные	Враждеб-ные	Всего	
Индия	35,7	53,5	89,2	3,4	0,5	3,7	7,1
Китай	54,2	33,5	87,7	7,7	1,4	9,1	3,2
Южная Корея	56,4	24,3	80,7	11,3	1,9	13,2	6,1
Япония	**46,5**	**16,9**	**63,4**	**28,7**	**2,2**	**30,9**	**5,7**
Северная Корея	39,5	14,0	53,5	32,8	4,1	36,9	9,6
США	7,5	3,1	10,6	51,8	34,5	86,3	3,1

Качество двусторонних отношений России жители страны во многом формируют в контексте их представлений о наличии или отсутствии угроз со стороны этих государств интересам и безопасности России. Как показывают результаты ответов на вопрос *«Как Вы полагаете, представляют ли перечисленные ниже страны угрозу интересам и безопасности России?»*, количество респондентов, которые видят угрозы со стороны Японии (32,8 %), лишь ненамного расходится с числом тех, кто называет российско-японские отношения *«напряжёнными»* и *«враждебными»* (30,9 %).

Вместе с тем, такую корреляцию нельзя считать обязательной. Она, например, никак не работает применительно к Китаю. При том, что современные российско-китайские отношения позитивно оценили почти 88 % респондентов, 42,4 % опрошенных всё же полагают, что угрозы России со стороны КНР существуют (табл. 9).

Таблица 9. Представляют ли указанные государства угрозу интересам и безопасности России? (г. Владивосток, в процентах от числа опрошенных)

Страна	**Представляют**		**Не представляют**		**Затруднились с ответом**	
	2010	**2021**	**2010**	**2021**	**2010**	**2021**
США	39	73	36	14	25	13
Китай	62	42	20	37	18	21
Северная Корея	33	38	42	41	25	21
Япония	**35**	**33**	**36**	**46**	**29**	**21**
Южная Корея	22	12	53	71	25	17

Обратим также внимание, что за последнее десятилетие доля жителей Владивостока, видящих в Японии угрозу, практически не изменилась (33–35 %), в то время как число уверенных в её отсутствии увеличилось. Это особенно заметно на фоне роста негативного восприятия США и более позитивного – Китая и Южной Кореи.

40-летние жители Владивостока в большей степени, чем представители других возрастов, чувствуют опасность со стороны Японии (46,2 % опрошенных). Они же наиболее остро ощущают угрозы, исходящие от США и Южной Кореи (табл. 10). Менее всего «японская угроза» волнует лиц старшего возраста (18,1 %). Это поколение вообще более спокойно оценивает гипотетические угрозы со стороны соседних государств. Исключение составляют США: трое из четырёх опрошенных жителей Владивостока видят в политике Вашингтона реальные угрозы для России.

Таблица 10. Ощущают угрозу интересам и безопасности России со стороны государств АТР (г. Владивосток, 2021 г., по возрасту, в процентах от числа опрошенных)

Страна	**Возраст респондентов**					
	До 20	**21-30**	**31-40**	**41-50**	**51-60**	**Старше 60**
США	66,7	**60,3**	75,9	**84,6**	75,4	69,4
Китай	33,3	**56,2**	42,6	52,6	40,6	**20,8**
Северная Корея	**60**	53,4	40,7	43,6	33,3	**13,9**
Япония	**26,7**	**30,1**	**39,8**	**46,2**	**26,1**	18,1
Южная Корея	6,7	11	9,3	**20,5**	15,9	**5,6**
Индия	6,7	**11**	6,5	9	4,3	**0**

Главной угрозой, исходящей от Японии, респонденты закономерно считают её территориальные претензии (36,6 % опрошенных). В существование иных угроз верят не более 10 % жителей Владивостока. Иначе обстоит дело с другими мировыми державами – Китаем и США. Что касается Китая, то помимо территориальных претензий со стороны Пекина респондентов пугает его экономическая экспансия. Более того, без малого 15 % верят в возможность вооружённого конфликта с Китаем. Со стороны США присутствует целый букет угроз, начиная с подрыва суверенитета и независимости России и кончая территориальными претензиями к ней (табл. 11).

Таблица 11. Оценка характера угроз, исходящих от Китая, США и Японии (г. Владивосток, 2021 г., в процентах от числа опрошенных)

	Япония	**Китай**	**США**
Территориальные претензии	**36,6**	**27,5**	7,7
Непредсказуемость поведения	10,1	19,3	27,7
Подрыв суверенитета и независимости России	9,2	12,8	**43,1**
Вероятность вооруженного конфликта	8,4	14,9	42,9
Ощущаю на подсознательном уровне	5,1	9,4	13,3
Идеологические диверсии	4,6	7,5	37,6
Экономическая экспансия	2,9	24,6	27,2

Несмотря на то, что более трети респондентов (36,6 %) указали на существование территориальных претензий со стороны Японии как угрозы интересам и безопасности России, только 14 % опрошенных считают, что российско-японские отношения в будущем ухудшатся. Каждый пятый (22,2 %) уверен, что они станут лучше, а почти в два раза больше респондентов (42,2 %) полагают, что отношения останутся на прежнем уровне (табл. 12).

Причём среди мужчин пессимистов в два раза больше, чем среди женщин: в том, что отношения станут хуже, уверены 19,8 % первых и только 8,7 % вторых. В стабильности отношений («не изменятся») более всего убеждена молодёжь до 20 лет (60 % опрошенных этого возраста) и лица старше 60 лет (51,4 %). Оптимистов («отношения улучшатся») и пессимистов («ухудшатся») одновременно больше всего среди 20-летних (28,8 и 19,2 % соответственно).

Таблица 12. Оценка перспектив отношений России со странами мира (г. Владивосток, 2021 г., в процентах от числа опрошенных)

Страна	Перспективы отношений			
	Станут лучше	Станут хуже	Не изменятся	Затруднились с ответом
Япония	22,2	14	42,4	21,4
Индия	33,7	2,9	49,2	14,2
Китай	30,4	12,8	40,2	16,6
Южная Корея	25,3	5,5	50,4	18,8
Северная Корея	14,5	7,5	53,5	24,6
США	9,4	41,9	28,2	20,5

Оценивая динамику ожиданий жителей Владивостока относительно будущего российско-японских отношений, нетрудно заметить, что пессимизма и неопределённости в их оценках стало к концу десятилетия заметно больше, причём это касается отношений не только с Японией, но и с Китаем (рис. 5).

Рис. 5. Оценка перспектив отношений России с Японией и Китаем (г. Владивосток, в процентах от числа опрошенных)

Нацеленность респондентов на развитие сотрудничества между Россией и Японией подразумевает и выбор ими приоритетных сфер для взаимодействия. Более половины считают наиважнейшей из них торговлю и инвестиции (54,2 %). Более 40 % респондентов высказались за развитие отношений в двух областях: внешней политике и безопасности

(46,3 %), науке и технологиях (46,7 %), туризме (43,4 %), а также приграничном и межрегиональном сотрудничестве (40,3 %). Энергетику, образование, культуру и народную дипломатию посчитали важными от 10 до 15 % опрошенных. Любопытно, что за сотрудничество в сфере внешней политики и безопасности женщины (56,4 % от их общего числа) выступают активнее, чем мужчины (35 %), а среди мужчин больше сторонников энергетического сотрудничества (19,3 против 3,2 %).

Заключение

Анализ результатов опроса 2021 г., их сравнение с данными исследований последнего десятилетия позволяет сделать некоторые выводы о нынешнем отношении жителей Владивостока к Японии и российско-японскому сотрудничеству.

1. Япония является самой притягательной для них культурой Азиатско-тихоокеанского региона. Получив голоса 40 % респондентов, она в этом отношении существенно опережает другие страны, предложенные в анкете (Китай, США, Индию, Северную и Южную Кореи). Сопоставление результатов опроса с материалами, полученными в ходе прошлых исследований, позволяет утверждать, что лидерство Японии как самой привлекательной для жителей всего российского Дальнего Востока страны сохраняется на протяжении, как минимум, последних двух десятилетий.

2. Высокий уровень экономического и технологического развития Японии является главной типологической чертой, основой её имиджа у большинства жителей Владивостока. Но притягивают горожан к Японии, вызывают подлинный интерес к этой стране, прежде всего, её богатая история, экзотические для россиян культура и традиции, а также качество и комфортность жизни в ней.

3. Именно желание познакомиться с культурой, традициями и историей Японии является главным мотивом для поездки в неё, что ставит Японию на уверенное первое место в списке государств, в которых жители Владивостока хотели бы побывать в первую очередь.

4. Но не только культура и природа делают Страну восходящего солнца столь популярной у жителей Владивостока. Япония обладает у них и самым высоким уровнем доверия среди представленных в анкете государств АТР. Но при этом примерно пятая часть опрошенных в доверии ей отказывают. Аналогичное восприятие характерно для Китая и Южной Кореи, что указывает на наличие группы населения, вообще скептично настроенной в отношении соседних государств. В ходе прежних опросов мы уже выявляли сегмент населения Дальнего Востока, негативно настроенный против иностранцев вообще [Ларин, Ларина 2019, с. 21; Ларин, Ларина 2020, с. 42], так что данное исследование полностью подтверждает ранее сделанные выводы.

5. Российско-японские отношения и перспективы их развития жители Владивостока оценивают преимущественно в позитивном ключе. Однако около трети горожан не разделяют эти оценки, считая отношения напряжёнными и даже враждебными. Такие взгляды во многом определяются наличием представлений об угрозах России и её интересам со стороны Японии, которые главным образом отождествляются с её территориальными претензиями.

6. Тем не менее, жители Владивостока выступают за развитие разнообразных форм и направлений российско-японского сотрудничества, среди которых на первом месте стоят торгово-экономические связи, наука и технологии, внешняя политика и безопасность.

В целом результаты опроса показывают существование во Владивостоке благоприятной платформы для дальнейшего развития российско-японских отношений, беспочвенность некоторых утверждений о негативном влиянии китайского фактора на эти связи, хотя при этом существует определённая группа населения, которая может легко стать источником неблагоприятных веяний в восприятии Японии с соответствующими последствиями для развития двустороннего диалога по линии приграничных и межрегиональных связей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авченко В.О. Правый руль. ООО «Ад Маргинем». 2012.

Волин А.К. Российское общественное мнение: легенды и предубеждения в отношении Японии и японцев // Отчет о 6-м японо-российском форуме. Токио: The Japan Foundation. 2009. С. 237–239.

Горячева Е.А. Восприятие россиян в современной Японии: стереотипы и их преодоление // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 63–71. DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10048

Кожевников В.В. «Русский комплекс» в сознании японцев: исторические корни современных представлений // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 53–62. DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10047.

Куланов А.Е. Образ Японии в сегодняшней России: стереотипы и реалии // Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М.: АИРО-XX. 2004. С. 55–73.

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восприятие мигрантов из Восточной Азии жителями Тихоокеанской России // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2019. Т. 24. С. 7–22. DOI: 10.24411/2658-5960-2019-10024

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Меняющиеся образы Восточной Азии в сознании жителей Тихоокеанской России: срезы последних лет // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 15–45. DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10045

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX-XXI веков. Владивосток: Дальнаука. 2011.

Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока (1860–1937). Владивосток: Приморский государственный музей им. К.К. Арсеньева. 2014.

Мелконян Л.А. Общественное мнение в Японии в контексте территориального спора с Россией // Вестник Российской нации. 2018. № 6. С. 104–110.

Петухов В.В. Внешнеполитические приоритеты массового сознания россиян // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 3–13.

Симотомаи Н. Будущее японо-российских отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Отчет о 6-м японо-российском форуме. Токио: The Japan Foundation. 2009. С. 183–190.

Стрельцов Д.В. Внешнеполитический курс России в отношении Японии: внутренние факторы // Японские исследования. 2016. № 2. С. 14–25. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00012

Стрельцов Д.В. Вопросы исторического прошлого в российско-японских отношениях. Москва: Московский центр Карнеги. 2016.

Чугров С.В. Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33/2016. Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: НП РСМД. 2016.

REFERENCES

Avchenko, V.O. (2012). *Pravyi rul'* [Righ-Hand Drive]. Vladivostok: Ad Marginem. (In Russian).

Chugrov, S.V. (2016). *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii: Rabochaya tetrad' 33/2016.* Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). [The Image of Russia in Japan and the Image of Japan in Russia: Workbook 33/2016. Russian International Affairs Council (RIAC)], Moscow: NP RSMD. (In Russian).

Goryacheva, E.A. (2020). Vospriyatie rossiyan v sovremennoi Yaponii: stereotipy i ikh preodolenie [Perception of Russians in Modern Japan: Overcoming Stereotypes]. *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)*, 4, 63–71. (In Russian). DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10048

Kozhevnikov, V.V. (2020). «Russkii kompleks» v soznanii yapontsev: istoricheskie korni sovremennykh predstavlenii [“Russian Complex” in Japanese Perception: Historical Roots of Modern Views]. *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)*, 4, 53–62. (In Russian). DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10047

Kulanov, A.E. (2004). Obraz Yaponii v segodnyashnei Rossii: stereotipy i realii [The Image of Japan in Today's Russia: Stereotypes and Realities]. In *Rossiya i Yaponiya: sosedi v novom tysyacheletii* [Russia and Japan: Neighbors in the New Millennium], Moscow: AIRO-XX (pp. 55–73). (In Russian).

Larin, V.L. & Larina, L.L. (2019). Vospriyatie migrantov iz Vostochnoi Azii zhitelyami Tikhookeanskoi Rossii [How the Citizens of Pacific Russia View the Migrants from East Asian Countries (on the Base of Public Opinion Surveys of 2017 and 2019)]. *Trudy IIAE DVO RAN* [*Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*], 24, 7–22. (In Russian). DOI: 10.24411/2658-5960-2019-10024

Larin, V.L. & Larina, L.L. (2020). Menyayushchiesya obrazy Vostochnoi Azii v soznanii zhitelei Tikhookeanskoi Rossii: srezy poslednikh let [Changing Images of East Asia in the Minds of the Inhabitants of Pacific Russia: Features of Resent Years]. *Rossiya i ATR* [*Russia and the Pacific*], 4, 15–45. (In Russian). DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10045

Larin, V.L. & Larina, L.L. (2011). *Okruzhayushchiy mir glazami dal'nevostochnikov: evolyutsiya vzglyadov i predstavleniy na rubezhe XX-XXI vekov* [Russia Far East View the World: The Evolution of People’s Perceptions and Attitudes at the Turn of the 20-21st Centuries]. Vladivostok: Dal’nauka Publ. (In Russian).

Melkonyan, L.A. (2018). Obshchestvennoe mnenie v Yaponii v kontekste territorial’nogo spora s Rossiei [Public opinion in Japan in the context of the territorial dispute with Russia]. *Vestnik Rossiiskoi natsii* [Bulletin of Russian nation], 6, 104–110. (In Russian).

Morgun, Z.F. (2014). *Yaponskaya mozaika Vladivostoka (1860–1937)* [Japanese mosaic of Vladivostok (1860-1937)]. Vladivostok: Primorskii gosudarstvennyi muzei im. K.K. Arsen’eva. (In Russian).

Petukhov, V.V. (2010). Vneshnepoliticheskie prioritety massovogo soznaniya rossiyan [Foreign Policy Priorities of the Mass Consciousness of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [*Sociological Studies*], 11, 3–13. (In Russian).

Shimotomai, N. (2009). Budushchee yapono-rossiiskikh otnoshenii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [The future of Japan-Russia relations in the Asia-Pacific region]. In *Otchet o 6-m yapono-rossiiskom forume* [Report on the 6th Japanese-Russian Forum], Tokyo: The Japan Foundation (pp. 183–190). (In Russian).

Streltsov, D.V. (2016a). Vneshnepoliticheskii kurs Rossii v otnoshenii Yaponii: vnutrennie faktory [Russia's foreign policy towards Japan: internal factors]. *Yaponskie issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2, 14–25. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00012

Streltsov, D.V. (2016b). *Voprosy istoricheskogo proshlogo v rossiisko-yaponskikh otnosheniyakh* [Historical issues in Russian-Japanese relations]. Moscow: Carnegie Endowment for International Peace. (In Russian).

Volin, A.K. (2009). Rossiiskoe obshchestvennoe mnenie: legendy i predubezhdeniya v otnoshenii Yaponii i yapontsev [Russian Public Opinion: Legends and Prejudices Against Japan and the Japanese]. In *Otchet o 6-m yapono-rossiiskom forume* [Report on the 6th Japanese-Russian Forum], Tokyo: The Japan Foundation, (pp. 237–239). (In Russian).

* * *

Bukh, A. (2010). *Japan's National Identity and Foreign Policy: Russia as Japan's 'Other'*. London and New York: Routledge.

Поступила в редакцию 25.12.2021 Received 25 December 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-115-136

Япония: особенности социальной стратификации

И.П. Лебедева

Аннотация. Как известно, в ходе первых послевоенных десятилетий японское общество, оставаясь по своей природе классовым, претерпело изменения, приведшие к формированию как в научной среде, так и в массовом сознании представлений о его превращении в бесклассовое общество или общество среднего класса. В таком обществе подавляющее большинство граждан имеют примерно одинаковый уровень материального благосостояния, ведут примерно одинаковый образ жизни и разделяют общие ценности.

Экономические неурядицы 1990-х – 2000-х гг. способствовали трансформации этих представлений. В научный дискурс и средства массовой информации вновь вернулись вопросы классовой структуры и социального неравенства, и вскоре общепринятым стал тезис о превращении японского общества в разделённое (*какуса сякай* или gap society). Используя как экономический анализ, так и социологический инструментарий, автор этой статьи попыталась доказать, что реальное положение дел в японском обществе не даёт оснований для утверждений о радикальном изменении его характера – превращении из общества среднего класса в *какуса сякай.* В статье показано, что, вопреки распространённым представлениям о росте экономического неравенства, благодаря перераспределению первичных доходов, неравенство по которым действительно нарастает, по доходам после перераспределения разрыв не только не возрастает, но даже в тенденции сокращается. Не наблюдается драматических изменений и в области статусных различий. Так, особенности гендерного и возрастного состава категории «непостоянные работники» в значительной степени «гасят» те статусные различия, которые существуют между постоянной и непостоянной занятостью в Японии. В то же время благодаря заметному повышению уровня образования японцев и японок, а также росту в профессиональной структуре занятых доли лиц, владеющих престижными профессиями, в классовой структуре происходит сдвиг в пользу страт, занимающих более высокое положение. Разумеется, как и прежде, японцы размещены по разным нишам, их жизненные пути во многом зависят от того, к какой страте они принадлежат. Более того, вследствие диверсификации жизненных стилей и предпочтений людей разделительных линий в японском обществе стало больше, его социальный состав стал сложнее и разнообразней. И, тем не менее, по своей сути оно остаётся обществом среднего класса, что подтверждают и самоощущения японцев, которые отражают опросы общественного мнения, ежегодно проводимые Канцелярией премьер-министра с середины 1960-х гг.

***Ключевые слова*:** Япония, общество, стратификация, формы занятости, образование, профессия, статус.

***Автор*:** *Лебедева Ирина Павловна*, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Лебедева И.П. Япония: особенности социальной стратификации // Японские исследования. 2022. № 1. С. 115–136. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-115-136

Japan: peculiarities of social stratification

I.P. Lebedeva

Abstract. In the course of the first post-war decades, Japanese society, while remaining class-based by nature, underwent changes that led to the formation – both in the academic community and in the mass consciousness – of ideas about its transformation into a classless society or a middle-class society. In this society, the overwhelming majority of citizens have approximately the same level of material well-being, lead approximately the same lifestyle, and share common values. The economic turmoil of the 1990s – 2000s led to the transformation of these perceptions. The issues of class structure and social inequality have returned to scientific discourse and media, and soon the thesis about the transformation of Japanese society into a divided society (*kakusa shakai*, or gap society) became generally accepted. Using both economic analysis and sociological tools, the author of this article tried to prove that the real state of affairs in Japanese society does not provide grounds for asserting a radical change in its character – the transformation from a middle-class society into a *kakusa shakai*. Contrary to the generally accepted ideas about the growth of economic inequality, the article shows that, due to the redistribution of initial incomes, the inequality in which is really increasing, in terms of income after the redistribution, the gap not only does not increase, but even decreases in trend. There are no dramatic changes in the status differentiation as well. Thus, the peculiarities of the gender and age composition of the category of "non-permanent workers" largely "extinguish" the status differences between permanent and non-permanent employment that exist in Japan. At the same time, thanks to a noticeable increase in the level of education of the Japanese, as well as an increase in the proportion of people with prestigious professions in the professional structure of the employed, in the class structure, there is a shift in favor of strata occupying higher positions. Of course, now, as before, the Japanese find themselves in different niches, their life paths largely depend on which stratum they belong to. Moreover, due to the diversification of lifestyles and preferences of people, the social structure of Japanese society has become more complex and diverse. And yet, at its core, it remains a middle-class society, as evidenced by the feelings of the Japanese themselves, reflected in opinion polls conducted by the Cabinet Office annually since the mid-1960s.

***Keywords*:** Japan, society, stratification, forms of employment, education, profession, status.

***Author*:** *Lebedeva Irina P.*, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Lebedeva I.P. (2022). Yaponiya: osobennosti sotsial'noy stratifikatsii [Japan: peculiarities of social stratification]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 1, 115–136. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-115-136

Введение

Отправным пунктом анализа многих социальных проблем является вопрос о классификации общества, т.е. о том, на основании каких критериев определяется его состав. Современная социология в основном опирается на схему немецкого учёного М. Вебера, разработанную им более ста лет назад. Как и К. Маркс, М. Вебер делил общество на классы, исходя из их экономического положения. Но в отличие от К. Маркса, который считал, что основным критерием является отношение людей к средствам производства, и делил общество на два основных класса – буржуазию (капиталистов) и наёмных работников

(признавая существование и различных социальных слоёв – фермеров, ремесленников и т.д.), М. Вебер полагал, что экономическое положение определяется не только наличием или отсутствием собственности. Выделяя на основании этого критерия два полярных класса – собственников и пролетариат, он располагал между ними средние классы, в которые включал мелкую буржуазию, а также людей самых разных профессий, которые способны предложить на рынке свои знания, умения, квалификацию.

Наряду с этим М. Вебер ввёл понятие статуса, определяемого престижностью положения, которое тот или иной человек занимает в социальном пространстве. Признавая, что обладание собственностью влияет на престижность социального положения, он в то же время не считал эту связь прямолинейной и отмечал, что в одну и ту же статусную группу могут входить как обладатели собственности, так и лица, не имеющие её. Людей, принадлежащих к одной и той же статусной группе, связывает общий стиль жизни, т.е. следование определённым нормам и правилам социального поведения, приверженность определённому мировоззрению, а принадлежность к той или иной статусной группе становится важным фактором их самоидентификации [Коллинз Рэндалл, с. 55–60].

Иными словами, в основе системы стратификации общества М. Вебера лежат два критерия – классовая принадлежность и положение в статусной иерархии. Конечно, со времени, когда он разработал эту схему, в экономике и обществе произошли колоссальные изменения. Во-первых, с развитием акционерной формы собственности произошло распыление капитала, и часть акций (т.е. капитала) оказалась на руках физических лиц, включая и наёмных работников. Во-вторых, всё большее отделение капитала-собственности от капитала-функции (управления) привело к сосредоточению огромной власти в руках высших управленцев, которые стали обладателями особого вида активов – активов контроля. Наконец, в-третьих, резко изменился профессиональный состав общества, что привело к значительному изменению и усложнению статусной стратификации. Тем не менее, как отмечалось выше, предложенная М. Вебером схема и сейчас является отправным пунктом при анализе социальной структуры общества и происходящих в ней изменений.

Общая характеристика социальной структуры

Формирование общества среднего класса и возвращение дискурса о классовой дифференциации

В Японии в ходе быстрой послевоенной индустриализации в социальной структуре общества произошли огромные изменения. Они были связаны с массовым перемещением крестьянства в города, значительным ростом численности производственных рабочих, расширением слоя инженерно-технических работников, конторских служащих, управленцев, а также заметным ростом численности мелких и средних предпринимателей вследствие общей либерализации экономической жизни страны. При этом уже к концу 1960-х – началу 1970-х гг. широкое распространение как в научной среде, так и в средствах массовой информации получил тезис о том, что японское общество превратилось в общество среднего класса.

Разумеется, классовый характер японского общества никуда не исчез, в нём, как и прежде, продолжали существовать классы, различающиеся (по Веберу) и по критерию

обладания собственностью, и с точки зрения возможностей предложить на рынке свои знания, умения и квалификацию. Однако быстрое повышение доходов и рост уровня жизни практически всех слоёв населения, а также особенности японской системы управления трудом, придавшей высокий статус рядовым работникам и сгладившей границы между белыми и синими воротничками, способствовали тому, что классовые различия ушли в тень, и японское общество стали характеризовать как гомогенное общество среднего класса. В таком обществе, замечает японский социолог С. Сиракасэ, абсолютное большинство людей имеют сознание среднего класса, ведут примерно одинаковый образ жизни, а такие индикаторы социального положения, как уровень образования, доход и позиция в шкале престижности профессий уже не имеют существенного значения [Shirakase 2014, p. 4].

Параллельно с этим отошли на второй план и дискуссии о социальном неравенстве как отражении классового характера общества, которые в первые послевоенные десятилетия велись весьма активно. Практически до конца XX в. этой темой занимались в основном учёные-марксисты. В частности, их взгляды на проблему социального неравенства применительно к системе образования блестяще проанализировал А.И. Соколов в своей книге «Япония. Экономика и образование» [Соколов].

Справедливости ради следует отметить, что общая демократизация общественной жизни, расширение доступа молодёжи из более низких социальных страт к образованию, сдвиги в профессиональной структуре, действительно, сопровождались определённым смягчением влияния социального происхождения (т.е. обстоятельств рождения) на возможности продвижения человека по социальной лестнице при одновременном возрастании значения его личных качеств, личных достижений. Характерно, что представления о японском обществе как обществе среднего класса глубоко проникли и в массовое сознание, и наряду с поразительными экономическими успехами страны подпитывали национальную гордость японцев и стали важным элементом национального самосознания. Это нашло отражение и в самоощущениях японцев: уже в середине 1960-х гг. абсолютное большинство граждан (86–87 %) по уровню жизни относили себя к среднему классу[1].

Вопросы классовой дифференциации вновь встали на повестку дня в конце 1990-х гг., когда уже вполне дали о себе знать последствия краха экономики «мыльного пузыря». Депрессия, в которую оказалась ввергнута японская экономика с начала 1990-х гг., сопровождалась резким ростом непостоянной занятости, сокращением найма компаниями молодёжи на постоянную работу, стагнацией в динамике заработной платы, разорением мелких предпринимателей, ухудшением финансового положения компаний и банков и т.д. На этом фоне стали более заметны различия в положении различных слоёв населения, которые прежде, в эпоху экономического процветания, не привлекали внимания. В академической среде одна за другой стали появляться работы, посвящённые вопросам социального неравенства, а поскольку оно является отражением и следствием классовой структуры общества, японские учёные вновь обратились к проблеме социальной стратификации.

[1] Kokumin seikatsu ni kansuru seron chyo:sa-no gaiyo: [Overview of the Public Opinion Survey on the Life of the People], p. 17 // Cabinet Office. August 2019. https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-life/1.html (дата обращения: 20.12.2021).

При этом, как отмечают Х. Исида и Д. Слэйтер, «в последние 10–20 лет литература по Японии совершила резкий разворот. Если прежде японское общество рассматривалось как единое, гомогенное, то теперь оно считается структурированным, разделённым по разным линиям. … При этом оно различно не только по полюсам, но и в своей сердцевине… Произошёл поворот от анализа механизмов, объединявших население (политических, культурных, социальных), к изучению его внутренней дифференциации…» [Ishida H., Slater D., p. 1].

Вслед за учёными тему социального разделения и социального неравенства подхватили средства массовой информации, и в широкий обиход вошёл новый термин – *какуса сякай*, введённый в научный оборот японским социологом Ямада Масахиро. Попутно заметим, что, на наш взгляд, японский термин *какуса сякай* имеет более мягкую коннотацию, чем его английский вариант *gap society*, который обычно используется как при переводе работ японских авторов, так и в англоязычной литературе по Японии (см., напр., [Social Inequality… 2017]). Ведь *какуса* означает *различия* (в ранге, в положении), в то время как *gap* предполагает гораздо более жёсткий вариант – *разрыв*.

Современная схема социальной стратификации

Японские и зарубежные специалисты, занимающиеся вопросами социальной стратификации, обычно используют схему, предложенную ещё в 1979 г. американским социологом Робертом Эриксоном, которая признана наиболее приемлемой в качестве отправного пункта анализа. Она включает следующие позиции:

– высококвалифицированные специалисты, бюрократы и служащие высшего ранга, управленцы крупных компаний, владельцы крупных предприятий;

– специалисты, чиновники и служащие более низкого ранга, инженерно-технический персонал, управленцы мелких и средних предприятий;

– рядовые работники нефизического труда государственных учреждений и частных компаний, продавцы, прочие работники сферы услуг;

– владельцы мелких и средних предприятий, нанимающие рабочую силу, самозанятые;

– владельцы мелких и средних предприятий, не нанимающие рабочую силу, самозанятые;

– фермеры, самостоятельные рыбаки;

– техники, квалифицированные рабочие, бригадиры;

– работники физического труда со средней квалификацией и неквалифицированные рабочие;

– сельскохозяйственные рабочие [Arita Shin, p. 29].

Наряду с этой схемой используются и другие, агрегированные, варианты стратификации. Например: специалисты и менеджеры; обычные работники нефизического труда; мелкая буржуазия; фермеры; квалифицированные рабочие; неквалифицированные рабочие [Ishida H., Does class matter in Japan?, p. 36] или: специалисты и менеджеры; клерки и продавцы; городские самозанятые; фермеры; квалифицированные рабочие; работники со средней квалификацией и неквалифицированные рабочие [Shirakase 2006, p. 79].

Таким образом, при определении положения человека в социальном пространстве учитываются как экономические, так и статусные составляющие. Принадлежность к той или

иной страте определяется через обладание собственностью и статус занятости (предприниматель, самозанятый, наёмный работник, работник семейной фирмы), через положение в профессиональной структуре, уровень образования, управленческий статус, через размеры компании или организации.

Опираясь на доступные для нас источники информации, попытаемся представить структуру современного японского общества с точки зрения его профессионального состава, отсутствия/наличия собственности, уровня образования, форм занятости, распределения по предприятиям разных размеров.

Особенности распределения доходов от собственности

Что касается обладания собственностью, то, разумеется, в данном контексте речь идёт лишь о тех её видах, которые приносят доход её владельцам. Поскольку в рыночной экономике в принципе доходы от собственности должны быть пропорциональны её рыночной стоимости, по тому, как распределены эти доходы, можно судить и о том, как распределяются сами активы. Необходимые данные можно получить из статистики об уплате налогов Налогового управления Японии. По данным за 2019 фин. г., налог на физических лиц уплатили 4 млн 423 тыс. предпринимателей (включая самозанятых), 1 млн 588 тыс. владельцев акций и 3 млн 244 тыс. владельцев недвижимости (земли и строений), а их совокупные доходы от собственности составили соответственно 9 трлн 873 млрд иен, 1 трлн 312 млрд иен, и 6 трлн 904 трлн иен. Конечно, эти активы распределены среди владельцев крайне неравномерно. Если ориентироваться на критерии[2], применяемые налоговым ведомством при определении ставок налога на доходы физических лиц, то по уровню доходов собственники активов распределяются следующим образом.

Таблица 1. Распределение собственников активов по уровню дохода (тыс. человек, %)*

Виды собственности	**Получатели доходов****							
	Низшая группа		**Средняя группа**		**Высшая группа**		**Всего**	
	Числен-ность	Доля	Числен-ность	Доля	Числен-ность	Доля	Числен-ность	Доля
Бизнес	2563	58,0	1802,1	40,7	57,6	1.3	4422,7	100
Дивиденды	634,1	39,9	861,6	54,3	92,5	5,8	1588,2	100
Недвижимость	1121,9	34,6	2020,6	62,4	101,3	3,0	3243,8	100

Рассчитано по: Dai145kai kokudzeichyo: to:kei nempo: FY 2019 [The 145th National Tax Agency Annual Statistics Report FY 2019], p. 140-149 // National Tax Agency. https://www.ntago.jp/publication/statistics/kokuzeicho/r01/R01.pdf (дата обращения: 30.11.2021).

* Данные охватывают тех, кто самостоятельно рассчитывает налог.

** К низшей группе отнесены получатели доходов до 2 млн иен в год, к средней – от 2 до 20 млн иен, к высшей – более 20 млн иен.

[2] В Японии применяются следующие ставки налога на доходы физических лиц: до 1,95 млн иен в год – 5 %, от 1,95 до 3,3 млн иен – 10 %, от 3,3 до 6,95 млн иен – 20 %, от 6,95 до 9 млн иен – 23 %, от 9 до 18 млн иен – 33 %, от 18 до 40 млн иен – 40 %, свыше 40 млн иен – 45 %. См. Dai145kai kokudzeichyo: to:kei nempo: FY 2019, p. 50.

Что же касается распределения самих доходов, то здесь соотношение между группами выглядит следующим образом (%)[3]:

*Доходы**	*Низшая группа*	*Средняя группа*	*Высшая группа*
от бизнеса	11,2	65,3	23,5
дивиденды	0,4	14,3	85,3
от недвижимости	6,7	72,5	20,8
в целом	8,5	65,9	25,6

* Данные охватывают тех, кто самостоятельно рассчитывает налог.

При сопоставлении этих данных с материалами табл. 1 напрашиваются два вывода. Первый: при том, что экономические активы распределены среди их собственников далеко не равномерно, почти 2/3 их приходится на среднюю группу, составляющую половину от их общей численности. Второй: налицо явный перекос в пользу высшей группы по всем видам активов, особенно в отношении дивидендов. Интересно отметить, что в высшей группе по каждому виду активов можно обнаружить иеновых миллиардеров. Так, в 2019 г. доход более 1 млрд иен задекларировали 60 владельцев бизнеса, 363 получателя дивидендов, 225 собственников недвижимости, среди них соответственно 1, 11 и 6 человек заработали на своих активах более 10 млрд иен.

Таким образом, структура распределения собственности отличается чётко выраженной полярностью и одновременно сильными экономическими позициями средних слоев.

Экономические позиции лиц, работающих по найму

С учётом того, что почти 90 % экономически активного населения страны работают по найму, ещё более важно оценить экономические позиции этой категории граждан. Как отмечалось выше, эти позиции определяются уровнем квалификации, объёмом знаний и умений, которыми обладает тот или иной работник, а их ценность, в свою очередь, выражается в выплачиваемом ему вознаграждении. Конечно, в действительности эта зависимость может искажаться. Например, в силу закрытости некоторых профессий (таких как врачи, адвокаты, представители шоу-бизнеса и т.д.) размеры вознаграждения здесь могут быть завышены за счёт образования своего рода ренты. В условиях Японии картину могут также искажать разрывы между заработной платой постоянных и непостоянных работников, между мужчинами и женщинами, между молодыми и пожилыми работниками, нанятыми на условиях пожизненного найма, т.е. разрывы, неоправданные с точки зрения различий в уровне производительности труда. Но поскольку устранить эти искажения не представляется возможным, обратимся к данным налогового ведомства о распределении доходов граждан от работы по найму. Заметим, что совокупная величина этих доходов (229 трлн 326 млрд иен в 2019 фин. г.) составляет более 40 % ВВП страны.

[3] Рассчитано по: Dai145kai kokudzeichyo: to:kei nempo: FY 2019, p. 176.

Таблица 2. Распределение получателей доходов от работы по найму (2019 фин. г.)

Размеры дохода (млн иен в год)	Число получателей дохода тыс. человек; доля группы (%)		Величина дохода группы млн иен; доля группы (%)	
Менее 1	4567,6	8,7	3682,3	1,6
От 1 до 2	7432,1	14,1	10735,0	4,7
От 2 до 3	7837,7	14,9	1976,8	8,6
От 3до 4	8907,2	17,0	31241,0	13,7
От 4 до 5	7652,9	14,6	34244,8	15,0
От 5 до 6	5328,0	10,1	29180,4	12,7
От 6 до 7	3396,6	6,5	21963,4	9,6
От 7 до 8	2314,6	4,4	17286,9	7,5
От 8 до 9	1542,1	2,9	13057,5	5,7
От 9 до 10	1011,6	2,0	9581,0	4,2
От 10 до 15	1850,4	3,5	21849,8	9,5
От 15 до 20	436,1	0,8	7547,5	3,3
От 20 до 25	124,0	0,2	2757,5	1,2
Свыше 25	150,9	0,3	6410,3	2,8
Всего	52551,0	100,0	229325,9	100,0

Рассчитано по: Dai145kai kokudzeichyo: to:kei nempo:, FY 2019, p. 201.

Хотя по сравнению с доходами от экономических активов доходы от работы по найму распределены более демократично, тем не менее, и здесь обнаруживаются некоторые перекосы. Так, низшая группа налогоплательщиков (с доходом до 2 млн иен), на которую приходится 22,8 % от их общего числа, довольствуется лишь 6,3 % совокупных доходов, а высшая группа (с доходом более 20 млн иен), составляя лишь 0,5 %, получает 4,0 % совокупных доходов. Но при этом и по численности, и по совокупной величине доходов преобладающие позиции занимает средняя группа – 76,7 % и 89,7 % соответственно.

Очевидно, что довольно многочисленная группа получателей наименьших доходов (почти 12 млн человек) – это непостоянные работники, для многих из которых (прежде всего, замужних женщин, пенсионеров и молодёжи, подрабатывающей в качестве *арубайто*) их заработки являются лишь дополнительным источником средств к существованию. Что же касается немногочисленной группы получателей самых высоких доходов (около 275 тыс.), то она представлена высшими управленцами крупных компаний и банков, государственными служащими высокого ранга, врачами, адвокатами, известными журналистами, популярными артистами и т.д. Небезынтересно отметить, что и среди них встречаются иеновые миллиардеры. В 2019 фин. г. доход свыше 1 млрд иен получили 595 представителей этой группы, в том числе 14 человек заработали более 10 млрд иен.

Статусные составляющие социальной стратификации

Оценка положения людей в социальном пространстве по критерию обладания активами и величине дохода даёт лишь самое общее представление о социальной структуре. Её необходимо дополнить такими составляющими статуса, как профессиональный состав, уровень образования, форма занятости.

Представление о профессиональном составе занятых в японской экономике дают материалы табл. 3.

Таблица 3. Сдвиги в профессиональной структуре занятых (1990–2020 гг.), %

Виды профессий	**1990**	**2000**	**2009**	**2017**	**2020**	
Специалисты*	11,4	13,3	15,5	17,0	18,1	(12140)
Управленцы, администраторы	3,8	3,3	2,8	2,2	1,9	(1280)
Офисные работники	18,5	19,9	20,7	19,8	20,2	(13510)
Работники сферы торговли	15,0	14,1	13,7	13,2	12,7	(8480)
Работники сферы услуг**	8,6	10,6	12,9	14,3	14,4	(9610)
Занятые в сельском, лесном и рыбном хозяйстве	7,2	5,1	4,2	3,3	3,1	(2090)
Работники транспорта и связи	3,7	3,5	3,3	3,3	3,2	(2160)
Строительные рабочие	27,3	24,7	20,9	4,6	4,4	(2920)
Производственные рабочие***				13,7	13,0	(8680)
Вспомогательные рабочие****	4,5	5,5	6,0	7,1	7,2	(4810)
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	(66760)

Рассчитано и составлено по: Employment Status Survey 2017, table II – 10 // Statistics Bureau of Japan. http://www.stat.go.jp/english/data/shugyou/index.html (дата обращения: 12.12.2019); Japan Statistical Yearbook. 2011, table 16-4; 2022, table 19-3 // Statistics Bureau of Japan. https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/71nenkan/1431-19.html (дата обращения: 30.11.2021).
В скобках приведена численность лиц соответствующих профессий в 2020 г.
* В категорию «специалисты» включены инженеры, учителя, преподаватели, учёные, чиновники и проч.
** В категорию «работники сферы услуг» включены занятые в сфере ухода, санитарно-гигиенической службе, сфере общественного питания и бытовых услуг населению, а также в органах охраны порядка.
*** В категорию «производственные рабочие» включены квалифицированные рабочие, занятые на операциях, связанных с металлообработкой и прочими видами обработки, сборкой, ремонтом оборудования, контролем качества продукции и состояния оборудования и т.д.
**** В категорию «вспомогательные рабочие» включены работники с невысокой квалификацией – грузчики, уборщики, упаковщики и проч.

Что касается уровня образования, то об изменениях в этой области можно судить по материалам табл. 4.

Таблица 4. Изменения в структуре занятых по уровню образования (%) *

Год	Общая численность работников, млн человек	в том числе закончившие:					
		начальную и среднюю школу	высшую ступень средней школы	профессиональные школы	*танки дайгаку*, технологические колледжи	университет, аспирантуру	продолжающие обучение
Мужчины							
1997	32, 3	16,4	47,2	–	7,8	28,6	0,1
2002	31, 5	14,0	45,2	–	9,1	31,5	0,2
2007	32,0	9,7	41,4	9,8	3,1	34,2	1,8
2012	31,3	8,3	44,0	6,2	3,2	37,4	0,9
2017	32,3	8,3	38,2	11,7	3,2	38,0	0,6

Женщины							
1997	21,1	15,3	51,9	–	23,3	9,4	0,1
2002	21,8	12,3	48,3	–	26,8	12,3	0,3
2007	23,7	8,1	42,7	15,0	16,9	15,2	2,1
2012	24,3	7,0	46,0	10,2	17,3	18,6	0,9
2017	28,1	6,2	37,3	17,3	17,4	21,4	0,7

Рассчитано и составлено по: Japanese Working Life Profile 2013/2014 // T., 2014, p. 25; Employment Status Survey 2017, table 2-1 // Statistics Bureau of Japan. http://www.stat.go.jp/english/data/shugyou/index.html (дата обращения: 12.12.2019).
* Ввиду заметных гендерных различий, существовавших до последнего времени в образовательном уровне японцев, мы сочли необходимым привести данные отдельно по мужчинам и женщинам.

Применительно к Японии при оценке положения того или иного человека в социальном пространстве значение имеют также такие факторы, как размеры предприятия, на котором он работает, и форма занятости.

Хотя остались в прошлом представления о двойственной структуре японской экономики, под которой подразумевалось сосуществование нескольких сотен передовых крупных предприятий и океана мелких и средних фирм, несопоставимых с ними ни по технической оснащённости, ни по производительности труда, тем не менее, различия между ними продолжают сохраняться. Так, по данным за 2016 г., 3 млн 48 тыс. мелких предприятий, на которые приходилось 22,3 % общего числа занятых, производили лишь 14,0 % добавленной стоимости, а 530 тыс. средних фирм, предоставляя работу 46,5 % занятых, производили 38,9 % добавленной стоимости. В то же время на долю порядка 11 тыс. крупных предприятий приходилось 31,2 % от общего числа занятых и 47,1 % добавленной стоимости[4]. Это означает, что уровень производительности труда на средних предприятиях составляет менее 60 % от уровня крупных, а на мелких фирмах – порядка 40 %, что не может не сказываться и на различиях в размерах заработной платы. Однако на эти различия накладывается и такой чисто японский фактор, как различия в статусе работников. Они сложились под влиянием системы пожизненного найма, придавшей особую ценность статусу постоянного работника крупной компании. Если на крупных предприятиях гарантии пожизненного найма со всеми связанными с этим привилегиями предоставлялись и белым, и синим воротничкам, то на средних фирмах – в основном лишь белым воротничкам, а на мелких предприятиях эта система практически не применялась[5]. И хотя на японском рынке труда многое изменилось и продолжает меняться, статус постоянного работника крупной компании подавляющей частью граждан, включая и молодёжь, продолжает восприниматься как несомненная ценность[6].

Что же касается форм занятости, то по этому критерию работающие японцы распределяются следующим образом (табл. 5).

[4] 2019 White Paper on Small and Medium Enterprises in Japan, p. 3 // Ministry of Economy, Trade and Industry Small and Medium Enterprise Agency. October 2019. https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2019/PDF/2019hakusyosummary_eng.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

[5] Последнее обстоятельство связано в том числе и с неустойчивостью мелкого бизнеса, особенно обострившейся в условиях депрессии. Так, за 1999–2016 гг. количество мелких фирм сократилось с 4 млн 230 тыс. до 3 млн 50 тыс., т.е. на 1 млн 180 тыс. См.: 2019 White Paper on Small and Medium Enterprises in Japan, p. 7.

[6] Подробно см. [Лебедева 2020].

Таблица 5. Распределение занятых в экономике по формам занятости (2020 г.)

Формы занятости	Всего		Мужчины		Женщины	
	Числ-ть, тыс. чел.	Доля, %	Числ-ть, тыс. чел.	Доля, %	Числ-ть, тыс. чел.	Доля, %
Самозанятые	5260	7,8	3910	10,5	1350	4,6
Работники семейных фирм	1400	2,1	270	0,7	1130	3,8
Наёмные работники, в том числе:	59630	89,3	32610	87,9	27020	91,1
высшие управленцы	3430	5,1	2600	7,0	830	2,8
прочие наёмные работники, в том числе:	56300	84,3	30100	81,2	26200	88,3
постоянные работники	35400	52,7	23450	63,2	11950	40,0
непостоянные работники, в том числе:	20900	31,3	6650	17,9	14250	48,0
пато	10240	15,3	1220	3.3	9020	30,4
арубайто	4480	6,7	2250	6,0	2230	7,5
Неизвестные формы занятости	380	0,8	210	0,9	170	0,5
Всего занятых	66760	100,0	37090	100,0	29670	100,0

Рассчитано по: Labor force survey 2020. Table I-1 // Statistics Bureau of Japan. https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&layout=datalist&cycle=7&year=20190&month=0&toukei=00200531&tstat=000000110001&tclass1=000001040276&tclass2=000001040283&tclass3=000001040284&result_back=1&tclass4val=0&stat_infid=00003190524 (дата обращения: 25.12.2021).

В контексте вопросов социальной стратификации в приведённой таблице важно обратить внимание, прежде всего, на следующие моменты. Во-первых, на данные о численности категории «самозанятые», которые представлены самостоятельными предпринимателями (мелкими и средними), фрилансерами и индивидуальными предпринимателями. Важно при этом, что эти цифры довольно тесно коррелируются и с данными о количестве предприятий, и с числом получателей доходов от бизнеса. Во-вторых, на данные о численности высших управленцев, поскольку, как отмечалось выше, в современной экономике эта группа обладает таким мощным видом активов, как активы контроля. В-третьих, на данные о структуре занятости в плане соотношения между постоянной и непостоянной её формами, в том числе в гендерном разрезе. Эти данные, в частности, свидетельствуют о том, что среди непостоянных работников более 2/3 (68 %) составляют женщины, а на мужчин приходится немногим более 30 %; в сфере постоянной занятости ситуация прямо противоположная: 2/3 постоянных работников – мужчины, 1/3 – женщины. Эти различия имеют принципиально важное значение с точки зрения статусной стратификации, о чем пойдёт речь ниже.

Основные черты социальной структуры

Суммируя и налагая друг на друга приведённые выше материалы, попытаемся представить социальную структуру японского общества, ориентируясь на схему, приведённую выше [Arita Shin, p. 29], но несколько видоизменив её в соответствии с имеющимися в нашем распоряжении данными.

Схема 1. Социальная структура японского общества

1.	бюрократы и служащие высшего ранга, высший менеджмент компаний, владельцы крупных предприятий	(1,3 млн человек)	**1,8 %**
2.	специалисты, чиновники и служащие более низкого ранга, инженерно-технический персонал, управленцы	(12,0 млн человек)	**17,0 %**
3.	рядовые работники нефизического труда государственных учреждений и частных компаний	(13,5 млн человек)	**19,1 %**
4.	продавцы, рядовые работники сферы услуг	(18 млн человек)	**25,4 %**
5.	владельцы мелких и средних предприятий, нанимающие рабочую силу, самозанятые*	(1,15 млн человек)	**1,6 %**
6.	владельцы мелких и средних предприятий, не нанимающие рабочую силу, самозанятые**	(4,1 млн человек)	**5,8 %**
7.	фермеры, рыбаки (независимые)	(2,1 млн человек)	**3,0 %**
8.	техники, квалифицированные рабочие, бригадиры	(8,7 млн человек)	**12,3 %**
9.	работники физического труда со средней квалификацией	(5,1 млн человек)	**7,2 %**
10.	неквалифицированные рабочие	(4,8 млн человек)	**6,8 %**

* Самозанятые этой категории включают врачей, юристов, писателей и прочих лиц свободных профессий.

** Самозанятые этой категории включают надомных работников.

Следует отметить, что наибольшую трудность при составлении этой схемы представляли данные о количестве высших управленцев компаний (в источнике к табл. 5 приводится цифра 3 324 тыс. человек, а в источнике к табл. 3 – 1 240 тыс., и кроме того, непонятно, включается ли в эту группу высший менеджмент средних предприятий). При сопоставлении этих цифр с данными о численности получателей высоких и наивысших доходов от работы по найму оказалось, что ближе к реальности вторая цифра (1 240 тыс.), которая, скорее всего, включает и высший менеджмент средних фирм. Следует также пояснить, что к работникам физического труда средней квалификации были отнесены строительные рабочие и работники транспорта, а к неквалифицированным рабочим – грузчики, упаковщики, уборщики и проч.

При всей условности и неизбежном огрублении приведённая выше схема в целом даёт достаточно объективное представление о социальной структуре современной Японии. Социальные страты расположены здесь в порядке понижения уровня материального достатка, статуса занятости, престижности профессии и уровня образования. Поэтому, например, фермеры или самозанятые занимают более высокое положение, чем квалифицированные рабочие, работающие по найму, притом, что последние могут получать более высокие доходы. Продавцы и работники сферы услуг, занятые нефизическим трудом, примыкают к обычным служащим (в некоторых случаях эти две категории даже объединяют).

На наш взгляд, приведённая схема даёт веские основания характеризовать японское общество как общество среднего класса. На одном его полюсе располагается немногочисленная группа (1,3 млн человек или 1,8 % от общего числа занятых в экономике) самых богатых и влиятельных людей (по обладанию собственностью и активами контроля), на другом – занимающая весьма скромные позиции (4,8 млн человек или 6,8 % от общего числа занятых) группа неквалифицированных рабочих, получающих наименьшие доходы и имеющих наиболее низкий ранг престижности профессии. А между ними располагаются средние классы или страты, которые хотя и различаются между собой и по силе экономических позиций, и по статусу, тем не менее, объединены тяготением к определённому образу и уровню жизни, к общей системе ценностей.

При этом, конечно же, различия обнаруживаются и внутри каждой страты. Например, среди «обычных работников нефизического труда государственных учреждений и частных компаний» существуют различия в уровне дохода и социальном статусе между служащими крупных компаний и клерками, работающими на мелких и средних предприятиях, между работниками одной и той же профессии в зависимости от формы занятости (постоянной или непостоянной), гендерные различия в карьерном треке среди постоянных работников крупных компаний и т.д. Подобные различия существуют и в страте «техники, квалифицированные рабочие, бригадиры», и среди «работников физического труда со средней квалификацией», и среди «продавцов и обычных работников сферы услуг». При этом среди последних наблюдаются заметные различия и в уровне образования. Так, среди молодых женщин-продавцов немало получивших высшее образование (на уровне *танки дайгаку,* т.е. трёхгодичных университетов), в то время как женщины, занятые оказанием услуг по уходу за больными и престарелыми, имеют за плечами либо среднюю школу, либо – в лучшем случае – высшую ступень средней школы.

Чрезвычайно пёструю картину представляет и группа мелких и средних предпринимателей, особенно тех, кто нанимает рабочую силу. В этой среде можно обнаружить множество групп предприятий, различающихся не только с точки зрения масштабов бизнеса[7], но и по формам организации предпринимательской деятельности, степени экономической самостоятельности, уровню техники и технологии, показателям рентабельности и методам управления, стратегии развития и т.д. На одном полюсе располагаются мелкие предприятия с невысоким техническим уровнем и рутинными методами производства и управления, а на другом – несколько сотен процветающих фирм среднего размера, которые не уступают крупным ни с точки зрения уровня техники и технологии, ни в плане эффективности. Разумеется, эти различия напрямую сказываются и на экономических позициях, и на статусе их владельцев.

Однако отмечая значительные различия, существующие как между стратами японского общества, так и внутри самих страт, необходимо в то же время обратить внимание на факторы, которые способствуют его «усреднению», т.е. сглаживанию этих различий.

[7] В Японии действуют следующие критерии отнесения к мелким и средним предприятиям: в обрабатывающей промышленности к ним относятся предприятия с числом занятых до 300 человек и размерами капитала до 300 млн иен, в оптовой торговле – соответственно до 100 человек и до 100 млн иен, в сфере услуг – до 100 человек и до 50 млн иен, в розничной торговле – до 50 человек и до 50 млн иен. При этом к мелким предприятиям в промышленности относятся фирмы с числом занятых до 20 человек, в оптовой торговле, сфере услуг и розничной торговле – до 5 человек. См.: 2019 White Paper on Small and Medium, p. 3.

Факторы, смягчающие экономические и статусные различия

Механизмы сглаживания экономической дифференциации

В связи с этим, прежде всего, следует упомянуть о механизме перераспределения государством первичных доходов в пользу менее благополучных слоёв населения. О том, насколько он эффективен, можно судить по данным табл. 6.

Таблица 6. Динамика коэффициента Джини (по эквивалентному доходу)*

Годы	Первичные доходы (1)	Доходы, (включая соц. пособия) за вычетом взносов в систему соц. обеспечения (2)	Доходы (2) за вычетом налогов	Доходы после перераспределения (3)	Изменение коэффициента (%) (3) : (1)	За счёт системы соц. обеспечения (%)	За счёт налоговой системы (%)
2005	0,435	0,336	0,322	0,322	25,9	22,5	4,1
2008	0,454	0,343	0,327	0,319	29,7	26,2	4,7
2011	0,470	0,342	0,322	0,316	32,8	28,6	5,8
2014	0,482	0,335	0.316	0,308	36,1	32,1	5,8
2017	0,480	0,340	0,319	0,312	35,0	30,8	6,0

Источник: Shyotoku saibumpai chyo:sa ho:kokushyo 2017 [Survey on Income Redistribution 2017], p. 16 // Ministry of Health Labor and Welfare. https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/96-1/h29hou.pdf (дата обращения: 04.04.2021).

* Эквивалентный доход рассчитывается с целью элиминировать влияние на коэффициент Джини различий в составе домохозяйств. Он определяется путём деления дохода семьи на квадратный корень из числа её членов.

Как показывают приведённые данные, при росте неравенства по первичным доходам (вследствие тех причин, о которых упоминалось выше) неравенство по доходам после перераспределения в тенденции даже снижается и удерживается на уровне, который считается невысоким. Главным инструментом перераспределения служит система социального обеспечения, а также прогрессивное налогообложение доходов, о котором упоминалось выше [Лебедева 2021].

Иными словами, благодаря социальной политике государства дифференциация населения страны по доходам смягчается, а тем самым смягчаются и различия в материальном положении и между стратами, и внутри страт.

Факторы смягчения статусных различий

Образование. На сглаживание статусных различий «работает» целый ряд факторов и, прежде всего, заметное повышение уровня образования как японцев, так и японок (табл. 4). С уверенностью можно утверждать, что сейчас верхние три страты (схема 1) или 40 % от всех занятых в экономике – это люди, получившие высшее образование. Лишь незначительная доля японцев (порядка 7 %) имеют образование не выше обязательного среднего (9-летнего), формируя костяк страты неквалифицированных рабочих. Что же касается квалифицированных производственных рабочих, работников со средней квалификацией, продавцов и обычных работников сферы услуг, то абсолютное их большинство получили образование на уровне высшей ступени средней школы (12-летнее) или закончили профессиональные школы (*сэммон гакко*), получив среднее специальное образование[8]. Этот уровень образования имеют порядка половины работающих мужчин и немногим более половины женщин, что примерно соответствует совокупной доле названных страт в приведённой выше схеме. В целом же можно сделать вывод о том, что по уровню образования основной костяк занятых в экономике – это люди, обладающие знаниями и квалификацией, адекватными потребностям высокотехнологичной японской экономики. Благодаря этому даже те, кто располагается на средних и более низких этажах социальной лестницы, воспринимают своё образование как актив, укрепляющий их положение в социальном пространстве.

Профессия. На смягчение статусных различий, связанных с престижностью профессии, оказывает влияние повышение в профессиональной структуре доли людей, владеющих более престижными профессиями (табл. 3), которое происходит параллельно с ростом уровня образования населения. Сейчас порядка 40 % работающих японцев – это белые воротнички, т.е. лица, занятые нефизическим трудом и имеющие высшее образование, а, по меньшей мере, половина из них (управленцы и специалисты) – это люди, занимающие самые высокие позиции в шкале престижности профессий. К этому следует добавить, что и определённая часть страты «рядовые работники нефизического труда государственных учреждений и частных компаний» также примыкает к этим позициям. Это связано с широко распространённой до сих пор практикой найма компаниями выпускников вузов на места обычных клерков с тем, чтобы в течение первых лет оценить их способности к обучению и общий потенциал и затем оптимально распределить по карьерным трекам.

Конечно, граница между белыми и синими воротничками выражена довольно чётко, и водоразделом является уровень образования. Однако два фактора сглаживают эти статусные различия.

Во-первых, особенности системы управления трудом японских компаний, а именно использование менеджментом целого ряда инструментов, направленных на повышение статуса рядовых работников, сокращение дистанции между ними и белыми воротничками. В японских компаниях отношения между работниками и менеджерами не несут налёта

[8] Изменения в экономике и обществе, происшедшие в Японии за последние четверть века, а также стандартизация многих видов работ на основе внедрения информационно-коммуникационных технологий привели к росту спроса на профессии, обладающие «общественно-полезной» квалификацией (в отличие от специфической квалификации, формируемой в самих фирмах). Ответом на эти потребности рынка и стало появление профессиональных школ, готовящих работников разных специальностей.

конфронтационности, характерной для западных компаний. И те, и другие являются членами одного и того же профсоюза (внутрифирменного), носят одинаковую униформу (различающуюся лишь по цвету), пользуются одними и теми же автостоянками и столовыми. При этом и разница в оплате труда между менеджментом и работниками в японских фирмах заметно меньше, чем в западных компаниях.

Во-вторых, высокий статус труда, включая тяжёлый физический труд, в системе ценностей японцев. Поэтому даже неквалифицированные рабочие, выполняющие самую тяжёлую и грязную работу, являются уважаемыми членами общества, и их благодарят за труд теми же словами, что и работников престижных профессий: «*Гокуро: сама дэсита*».

Форма занятости. Что касается форм занятости – постоянной и непостоянной, то влияние существующих между ними различий на социальный статус работников корректируют следующие моменты. Как было показано выше (табл. 5), сейчас непостоянными работниками являются почти 38 % японцев, работающих по найму, при этом 68 % из них – женщины. Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что среди работающих японок более 60 % – это замужние женщины, причём среди непостоянных работников эта доля существенно выше. Поскольку их доходы служат лишь незначительным дополнением к заработкам их мужей, резонно предположить, что именно доход и социальное положение мужа являются определяющими и с точки зрения материального положения, и с точки зрения социального статуса этих женщин. Иными словами, для значительной части непостоянных работников-женщин их более низкий по сравнению с постоянными работниками социальный статус имеет лишь формальное значение, так как в действительности его определяют другие обстоятельства.

То же можно сказать и в отношении значительной части непостоянных работников-мужчин старших возрастных групп (65 лет и старше). По данным за 2020 г., численность этой группы составляла более 3,6 млн человек, из них более 2 млн (56 %) являлись непостоянными работниками[9]. При этом значительная их часть – это вчерашние рабочие и служащие, которые вынуждены были поменять форму занятости с постоянной на непостоянную по достижении 65 лет – предельного возраста пребывания в фирме (*тэйнэн*). Они, как правило, продолжают работать в той же компании, но переводятся на более низкие должности и получают более низкую заработную плату. Представляется, что изменение их социального статуса в данном случае также имеет чисто формальное значение. Ведь они продолжают сохранять свою квалификацию, знания и умения, причём с годами в эту категорию вливаются всё более и более образованные и квалифицированные работники. Иными словами, в этом отношении их статусные позиции в социальном пространстве не меняются. Кроме того, благодаря заработанной пенсии и накоплениям они могут поддерживать прежний, достаточно высокий уровень жизни.

Очевидно, что и для второй по численности (около 4,5 млн человек) категории непостоянных работников – *арубайто* (временных работников), состоящей в основном из подрабатывающих студентов и старшеклассников, статус непостоянного работника не имеет

[9] Labor force survey 2020. Table I-2 // Statistics Bureau of Japan. https://www.estat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&layout=datalist&cycle=7&year=20190&month=0&toukei=00200531&tstat=000000110001&tclass1=000001040276&tclass2=000001040283&tclass3=000001040284&result_back=1&tclass4val=0&stat_infid=00003190524 (дата обращения: 25.12.2021).

существенного значения, так как их положение в социальном пространстве определяется положением их семей.

Размеры компании (предприятия). Внутри каждой из страт, формирующих средний класс, проходит ещё одна разделительная линия, которая связана с размерами предприятия (компании), на котором работает или которым владеет тот или иной человек. Выше уже говорилось о том, насколько пёструю картину представляют собой мелкие и средние предприятия Японии. Не меньшей пестротой отличается и статусный состав их владельцев. Например, здесь есть высший слой предприятий – так называемые *тюкэн кигё* (с числом занятых от 100 до 300 человек и размерами капитала от 100 млн иен до 1 млрд иен), чьи президенты являются не только довольно крупными капиталистами, но и высококлассными специалистами и организаторами производства, считающими основной целью своих предприятий накопление капитала и расширение масштабов бизнеса (в промышленности насчитывается порядка 6 тыс. таких предприятий). Что касается владельцев основной части средних предприятий (порядка 520 тыс.), то они представлены людьми с совершенно разными предпочтениями в отношении развития своего бизнеса. На одних предприятиях их владельцы стремятся к максимальному расширению бизнеса и используют для этого не только полученную прибыль, но и прибегают к банковским кредитам, на других – удовлетворяются существующими масштабами бизнеса, а полученную прибыль используют в первую очередь для увеличения личного богатства. Третьи – сочетают обе стратегии, меняя приоритеты в зависимости от обстоятельств. На одних (более крупных) предприятиях менеджмент отделён от собственности, на других – владельцы совмещают функции собственника и управленца. В этом слое встречается довольно много состоятельных людей, с высоким уровнем образования и профессионализма, и в целом их социальный статус весьма высок.

Что же касается огромного слоя мелких предпринимателей (порядка 3 млн), то разделительной линией в этом слое является использование/неиспользование наёмной рабочей силы.

Предприниматели, нанимающие рабочую силу, организуют бизнес в разных юридических формах (компания, компания с ограниченной ответственностью, товарищество с ограниченной или неограниченной ответственностью). Хозяева таких предприятий, как правило, являются одновременно и высшими управленцами. Стимулы к развитию предпринимательства среди владельцев таких предприятий – самые разные. Для одних их бизнес – это, прежде всего, источник средств для поддержания безбедной жизни семьи, а накопление капитала здесь происходит лишь эпизодически. Другие, напротив, стремятся к расширению производства и укрупнению бизнеса, направляют основную часть прибыли на цели накопления и даже прибегают к внешним займам. Но независимо от целей их владельцев все эти предприятия функционируют как полноценные предпринимательские единицы, используют наёмную рабочую силу и ставят целью получение прибыли. Именно по этому признаку около полумиллиона нанимающих рабочую силу мелких предпринимателей входят в одну со средними предпринимателями страту.

Мелкие предприниматели, не прибегающие к найму рабочей силы, в основном оперируют в сфере торговли, ресторанном бизнесе и сфере услуг населению, при этом во многих случаях субъектом экономической деятельности выступает семья. Среди семейных фирм можно выделить два типа: ведущие дело в самых простых формах (без разделения

прибыли и заработной платы членов семьи, предпринимательских счетов и семейного бюджета), и полноценные предприятия, чётко разделяющие семейный бюджет и предпринимательские счета. Тем не менее, владельцы этих предприятий, так же как и те, что организуют бизнес в простых формах, занимают более низкое положение в социальной иерархии, чем владельцы мелких фирм, нанимающие рабочую силу.

Что же касается влияния размеров предприятия на социальный статус наёмных работников, то, как уже отмечалось, в Японии наиболее престижной считалась и считается работа в крупной компании или государственном учреждении в качестве постоянного работника. Хотя в последние два-три десятилетия крупные компании несколько сократили наём на условиях постоянной занятости и расширили штат непостоянных работников, огрубляя, можно считать, что примерно 1/3 всех наёмных работников (т.е. те, кто работает в крупных компаниях) занимают более высокое статусное положение, чем работники средних и мелких фирм. Но при этом нужно иметь в виду обстоятельства, корректирующие влияние этой разделительной линии.

Япония является одной их ведущих технологических держав мира. Высоким уровнем техники и технологии обладают сейчас не только крупные компании, но и фирмы средних размеров и даже мелкие предприятия. Автоматизация, информатизация и компьютеризация многих сфер деятельности изменили не только характер работы, но и сам облик современных предприятий. В результате престижность работы на крупном предприятии несколько снизилась, и для молодых людей, выходящих на рынок труда, нередко более привлекательным оказывается трудоустройство на фирму средних размеров, тем более что для белых воротничков они предлагают условия найма и зарплату, приближённые к условиям пожизненного найма, а режим труда здесь менее жёсткий.

Что касается наёмных работников мелких предприятий, то следует принять во внимание следующие моменты. Во-первых, их доля не слишком велика: по данным за 2020 г. их насчитывалось около 6,2 млн человек, что составляет порядка 15 % от общего числа наёмных работников (без учёта занятых в первичных отраслях)[10]. Во-вторых, немногим более половины из них (3,2 млн человек) работают в строительстве и обрабатывающей промышленности, из них 3/4 – мужчины, 1/4 – женщины, причём среди последних почти половина являются непостоянными работниками. В-третьих, ещё порядка 2 млн человек (1/3) заняты в ресторанном и отельном бизнесе, сфере торговли и бытовых услуг населению, системе социального обеспечения и оказания услуг по уходу, из них более 60 % – женщины, 2/3 которых являются непостоянными работниками[11].

Очевидно, что в отношении социального статуса непостоянных работников-женщин вполне применимы те же аргументы, которые были приведены выше в отношении всего контингента женщин, работающих на условиях непостоянной занятости. Что же касается мужчин, то следует признать, что работа на мелком предприятии действительно влияет и на их экономические позиции (через размеры заработной платы), и на их положение в статусной иерархии. Но это относится главным образом к постоянным работникам, а их

[10] Chyushyo: kigyo: hakushyo 2021 [White Paper on Small and Medium Enterprises in Japan 2021], p. III-16, III-17 // Ministry of Economy, Trade and Industry. https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2021/PDF/chusho/08Hakusyo_fuzokutoukei_web.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

[11] Labor Force Survey 2020 table II-1.

насчитывается порядка 2,2 млн человек, что составляет немногим более 5 % от общего числа наёмных работников. Что же касается непостоянных работников-мужчин, то их мотивы выбора непостоянной занятости могут быть самыми разными, заработная плата чаще всего является лишь дополнением к основным источникам средств к существованию, а реальный социальный статус определяется другими, более весомыми факторами.

Заключение

Как было показано выше, современное японское общество представляет собой достаточно сложную структуру, состоящую из нескольких классов (страт), различающихся между собой как по силе экономических позиций, так и по положению в статусной иерархии. Оставаясь по своей природе классовым обществом, в ходе первых послевоенных десятилетий оно претерпело изменения, приведшие к формированию как в научной среде, так и в массовом сознании устойчивых представлений о его превращении в бесклассовое общество или общество среднего класса, в котором подавляющее большинство граждан имеют примерно одинаковый уровень материального благосостояния, ведут примерно одинаковый образ жизни и разделяют общие ценности.

Экономические неурядицы 1990-х – 2000-х гг. способствовали трансформации этих представлений. В научный дискурс и средства массовой информации вновь вернулись вопросы классовой структуры и социального неравенства, и вскоре общепризнанным стал тезис о превращении японского общества в разделённое (*какуса сякай* или gap society). Как справедливо замечает профессор С. Сиракасэ, перенос этой темы в общественное пространство привёл к тому, что самые обычные люди вдруг стали замечать вокруг себя разные проявления неравенства (на которые прежде не обращали внимания – *И.Л.*). Произошло общее понижение уровня дискуссии, и это стало одним из факторов явно преувеличенного восприятия неравенства [Shirakase 2014, p. 189].

Солидаризируясь с мнением профессора С. Сиракасэ, автор этой статьи попыталась показать, используя как экономический анализ, так и социологический инструментарий, что реальное положение дел в японском обществе не даёт оснований для утверждений о радикальном изменении его характера – превращении из общества среднего класса в *какуса сякай.*

Конечно, нельзя отрицать, что за последние два-три десятилетия японское общество претерпело существенные изменения. Произошла диверсификация стилей жизни и ценностных ориентиров, особенно заметная в молодёжной среде, возникли новые формы занятости, изменились позиции женщин в экономике и обществе, появились разнообразные группы «нестандартных» японцев и т.д. Но все эти изменения, на наш взгляд, не затронули фундаментальных характеристик японского общества, и оно по-прежнему остаётся обществом среднего класса в том смысле, который вкладывался в этот термин в 1960-е – 1980-е гг.

Вопреки широко распространённым представлениям о росте экономического неравенства, в статье показано, что благодаря перераспределению первичных доходов, неравенство по которым действительно нарастает, по доходам после перераспределения разрыв не только не возрастает, но даже в тенденции сокращается. Не наблюдается драматических изменений и в области статусных различий. Так, особенности гендерного и

возрастного состава категории «непостоянные работники», на которую сейчас приходится около 40 % в общем числе занятых, в значительной степени «гасят» те статусные различия, которые существуют между постоянной и непостоянной занятостью в Японии. В то же время, благодаря заметному повышению уровня образования японцев и японок, а также росту в профессиональной структуре занятых доли лиц, владеющих престижными профессиями, укрепляются позиции в социальном пространстве всё большего числа людей, а в классовой структуре происходит сдвиг в пользу страт, занимающих более высокое положение.

Разумеется, сказанное выше не отменяет границ, пролегающих как между стратами, так и внутри страт. Как прежде, так и сейчас японцы размещены по разным нишам, их жизненные пути во многом зависят от того, к какой страте они принадлежат. Более того, вследствие диверсификации жизненных стилей и предпочтений людей разделительных линий в японском обществе стало больше, чем прежде, его социальный состав стал сложнее и разнообразней. И, тем не менее, по своей сути оно остаётся обществом среднего класса, что подтверждают и результаты опросов общественного мнения, ежегодно проводимых Канцелярией премьер-министра с середины 1960-х гг.

Схема 2. Доли лиц, относящих себя к разным группам
с точки зрения уровня жизни (1964–2019 гг.) *

Источник: Kokumin seikatsu ni kansuru seron chyo:sa-no gaiyo: 2019 [Public Opinion Survey on the Life of the People 2019], p. 17 // Cabinet Office. August 2019, https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-life/gairyaku.pdf (дата обращения: 21.04.2021).

* Верхние три графика – доля японцев, относящих себя к среднему классу («средний средний», «средний низший», «средний высший»); четвёртый график сверху – доля японцев, относящих себя к низшему слою; нижний график – доля считающих себя богатыми.

Нетрудно видеть, что в *какуса сякай* доля японцев, считающих, что их семьи по уровню жизни относятся к среднему классу, не только не сократилась, но, напротив, даже выросла по сравнению с тем временем, когда Япония считалась чуть ли не образцом общества среднего класса (с 87,7 % в 1964 г. до 92,8 % в 2019 г.). При этом в самом среднем классе повысилась доля верхней и средней групп и снизилась доля низшей группы. Что касается полюсов, то доля низшей группы снизилась (с 8,5 % до 4,2 %), а доля высшей поднялась (с 0,5 % до 1,3 %).

Иными словами, даже по субъективным оценкам граждан страны «распада» среднего класса не произошло, и он по-прежнему составляет костяк японского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Коллинз Рэндалл. Четыре социологические традиции. Москва: Территория будущего. 2009.

Лебедева И.П. О бедности и неравенстве в Японии // Ежегодник Япония. Москва: Наука. 2021. С. 32–60. DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-32-60

Лебедева И.П. Японцы на рынке труда: новая реальность, старые ценности // Япония в ретроспективе смены поколений / отв. ред. Д.В. Стрельцов. Москва: Аспект Пресс. 2020. С. 109-134.

Соколов А.И. Япония. Экономика и образование Москва: Наука. 1982.

REFERENCES

Collins, R. (2009). *Chetyre sotsiologicheskie traditsii* [Four Sociological Traditions]. Moscow: “Territoriya buduschego”. (In Russian).

Lebedeva, I.P. (2020). Yapontsy na rynke truda: novaya real’nost’, starye tsennosti [Japanese in the Labor Market: New Reality, Former Values]. In D.V. Streltsov (Ed.), *Japoniya v retrospective smeny pokolenii* [Japan Through the Retrospective of Generational Change], Moscow: Aspekt Press (pp. 109–134). (In Russian).

Lebedeva, I.P. (2021). O bednosti i neravenstve v Japonii [About Poverty and Inequality in Japan]. In *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], Moscow: Nauka (pp. 32–60). (In Russian). DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-32-60

Sokolov, A.I. (1982). *Yaponiya. Economika i obrazovanie* [Japan. Economy and Education]. Moscow: Nauka. (In Russian).

* * *

Arita, Shin. (2016). *Shūgyō kikai to hōshū kakusa-no shakaigaku. Hiseiki koyō shakai kaisō-no Nitchō hikaku* [The Sociology of Relations Between Employment Chances and Remuneration Differences. The Comparison of the Situation with Non-Regular Employment and Social Classes in Japan and Korea]. Tokyo. (In Japanese).

Ishida, H. (2010). Does class matter in Japan? In Ishida H., Slater D. (Eds.), *Social class in contemporary Japan.* London.

Ishida H., Slater D. (2010). Social class in Japan. In Ishida H., Slater D. (Eds.), *Social class in contemporary Japan.* London.

Shirakase, S. (2006). Trends in Income Inequality. A Sociologist's Perspective. *Japan Labor Review*, 13, (4). Retrieved December 24, 2021, from https://www.jil.go.jp/english/JLR/documents/2006/JLR12_shirahase.pdf

Shirakase, S. (2014). *Social Inequality in Japan*. London, New York: Nissan Institute / Routledge Japanese Studies Institute.

Social Inequality in post-growth Japan: Transformation during economic and demographic stagnation. (2017). Ed. by D. Chiavacci and C. Hommerich. New York: Routledge.

Поступила в редакцию 27.12.2021 Received 27 December 2021

Книжная полка **Book Reviews**

DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-137-141

Опыт прочтения японской культуры

Рецензия на монографию Н.Н. Изотовой «Коды японской культуры» под ред. проф. Т.М. Гуревич

А.Н. Панов

Аннотация. Статья представляет обзор монографии Н.Н. Изотовой «Коды японской культуры» (2021). В монографии представлен комплексный культурологический анализ культурных кодов Японии, выявлена их этнокультурная специфика, изучена структура, способы актуализации и функционирования, описаны семантические, прагматические, поэтически-образные, понятийно терминологические особенности. Отмечается, что к достоинствам рецензируемой работы следует отнести то, что она построена на аутентичной основе, опирается на сегодняшние реалии современного японского общества, включает в себя большое количество разнообразного информационного материала на японском и русском языках.

***Ключевые слова*:** Япония, культура, духовный код, коммуникация, система ценностей, трансформация.

***Автор*:** *Панов Александр Николаевич,* доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76), главный научный сотрудник, Институт США и Канады РАН (адрес: 121069, Москва, Хлебный пер. 2/3); Чрезвычайный и Полномочный Посол. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Панов А.Н. Опыт прочтения японской культуры. Рецензия на монографию Н.Н. Изотовой «Коды японской культуры» под ред. проф. Т.М. Гуревич // Японские исследования. 2022. № 1. С. 137–141. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-137-141

Experience of interpreting Japanese culture

Review of the monograph by N.N. Izotova “Codes of Japanese Culture” ed. by Prof. Gurevich T.M.

Abstract. The article presents a review of the monograph by N.N. Izotova “Codes of Japanese Culture” (2021). The book provides a comprehensive culturological analysis of the cultural codes of Japan, reveals their ethnocultural specificity, their structure, methods of actualization and functioning, describes their semantic, pragmatic, poetically-figurative, conceptual and terminological features. The reviewer notes the advantages of the work, such as its authentic basis, reliance on the current realities of modern Japanese society, and a large amount of diverse information materials in Japanese and Russian.

***Keywords*:** Japan, culture, spiritual code, communication, value system, transformation.

***Author*:** *Panov Alexander N.*, Doctor of Sciences (Political), Professor, Head of the Department for Diplomatic Studies of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Chief Research Fellow, Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (address: Khlebnyy per. 2/3, Moscow, 121069, Russian Federation); Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Panov A.N. (2022). Opyt prochteniya yaponskoy kul'tury. Retsenziya na monografiyu N.N. Izotovoy «Kody yaponskoy kul'tury» pod red. prof. T.M. Gurevich [Experience of interpreting Japanese culture. Review of the monograph by N.N.Izotova "Codes of Japanese Culture" ed. by Prof. Gurevich T.M.]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 1, 137–141. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-137-141

Сущность любой культурной системы как единого целого обусловливает некое ядро, основание, определяющее её характерные черты и траектории развития. Сегодня в данном значении в научных и публицистических текстах, в выступлениях политических деятелей всё чаще употребляется понятие «культурный код». Знакомство с книгой Надежды Николаевны Изотовой «Культурные коды Японии» (2021) навело на некоторые соображения, которыми хотелось бы поделиться.

В последние десятилетия бросается в глаза неоднородность печатной продукции, посвящённой Японии и её культуре. Наряду с серьёзными академическими работами выходит масса публикаций, далёких от научной достоверности. Образ Японии в России основан на стереотипе «сказочной восточной страны», зачастую авторы подобных публикаций идеализируют японскую культуру, негативные стороны жизни японского общества их не интересуют. В результате Япония с точки зрения большинства россиян выглядит идеальной гармоничной страной, сочетающей высокий материальный уровень жизни с экзотической культурой. «Японский бум» активизировал деятельность коммерческих организаций: издательств, туристических фирм, языковых курсов, что создаёт благоприятные условия для популяризации японской культуры в России. Вместе с тем зачастую деятельность таких организаций подчиняется требованиям рынка, сиюминутному конъюнктурному спросу. Это способствует профанации понятий и появлению посредственных псевдонаучных работ, порой с броскими эффектными названиями. Рецензируемую монографию можно назвать подарком любителям Японии, ведь культурологические исследования, будучи дисциплинарными, играют огромную роль в просвещении людей, расширении их мировоззренческого горизонта. Круг проблем, которые поднимает автор в монографии, настолько широк, что её можно назвать путеводителем по культуре Японии.

Впервые в российском японоведении японская культура рассматривается сквозь призму культурных кодов. Автор предлагает методы и способы их описания, определяет место и роль японских культурных кодов в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов, обеспечении национальной самопрезентации. Рассматривая код культуры как

совокупность знаков, смыслов, которые зашифрованы в материальной и духовной деятельности человека, объектах природы, в японском культурном континууме в качестве основных Н.Н. Изотова выделяет духовный, коммуникативный, природно-ландшафтный, гастрономический, код повседневности, антропонимический код. Каждый из них отражает национально-детерминированные признаки культуры, характеризуется максимальной значимостью для членов социума, интегрирует существенно важные ценностные доминанты, отражённые в коллективном сознании. Подводя итог многолетним исследованиям, Н.Н. Изотова рисует объёмную картину такого сложного явления, как японская культура. При этом она пытается ввести определённую систему в то, что является безграничным и поддаётся систематизации с большим трудом. Безусловно, возникает вопрос: почему не рассматриваются числовой, цветовой или соматический коды японской культуры, которые также соотносятся с архетипическими представлениями и отражают мировосприятие японцев? Н.Н. Изотова, понимая, что невозможно объять необъятное, пишет: «Данная работа не претендует на исчерпывающий по полноте охвата анализ и классификацию культурных кодов Японии, но автор надеется, что она сможет в какой-то степени осветить эту сложную и многогранную тему и позволит лучше понять некоторые значимые грани социокультурной жизни японцев, воплощённые в системе знаков материального и духовного мира» (с. 8).

Итак, следуя жанру рецензии, приступим к обзору монографии.

Первая глава посвящена анализу духовного кода, воплощённого в национальной психологии, базовых ценностях, стереотипах и моделях поведения, исследованию особенностей японской идентичности, ценностных ориентаций и традиционной морали. Н.Н. Изотова убедительно показывает, что нынешний этап развития японского общества характеризуется существенными преобразованиями во всех сферах социокультурной деятельности, девальвацией системы ценностей, размыванием традиционной японской идентичности, трансформацией гендерных стереотипов и деструктуризацией традиционной модели семьи. Нельзя не согласиться с автором, что в Японии большинство тенденций глобализации активно реализуется, нанося урон традиционным и цивилизационным особенностям японцев.

Во второй главе «Коммуникативный код» рассматриваются этнокультурные особенности стиля японской коммуникации, влияние Интернета как способа глобальной коммуникации на трансформацию социокультурных процессов в обществе. Заслуживает внимания вывод автора о том, что этнокультурными чертами стиля японской коммуникации являются фиксированный, формализированный характер, соответствующий строго ранжированным отношениям между людьми, нечёткость, двусмысленность, широкая распространённость невербальной и интраперсональной форм коммуникации. Оправдано большое внимание Н.Н. Изотовой к дарообмену как культурно маркированному средству японской коммуникации, исторически сложившемуся ритуальному действию, имеющему универсальный характер и предусматривающему выполнение строго регламентированных правил. Очевидно, что культура подарков в Японии служит консервативным и национально-специфическим способом социокультурного взаимодействия, играет роль катализатора гармонизации и укрепления вертикальных и горизонтальных связей, выступает барометром социокультурного статуса личности, его места в общественной иерархии.

Третья глава посвящена осмыслению этнокультурной специфики природно-ландшафтного кода, изучению образно-символических, смысловых и ассоциативных

составляющих зоологического, энтомологического, флористического кода, выявлению аксиологического потенциала горы Фудзи как священного символа Японии. Несомненным достоинством данной главы является обращение к материалам широкого спектра: литературным, религиозным, историческим, философским. Этнокультурная репрезентация природно-ландшафтного кода в обрядах, ритуалах, символах, культурных стереотипах рассматривается на основе анализа религиозных и мифологических воззрений японцев, поэтических и прозаических художественных текстов, японской фразеологии.

Стоит отметить, что монография отличается высокой исследовательской культурой. Её эмпирическая основа, объём привлечённых для анализа первоисточников и литературы – не формальное добавление к тексту, а объект пристального анализа.

В четвёртой главе «Гастрономический код» исследуется японская традиционная кухня *васёку* как кулинарный феномен с богатой историей и многовековыми традициями, концептообразующими компонентами которого являются рис и сакэ, рассматриваются их вербально-когнитивные и социокультурные признаки, средства поэтической и мифологической актуализации. Н.Н. Изотова приходит к выводу, что под влиянием глобализации и экспансии ценностей массовой культуры традиционная японская бытовая гастрономическая культура претерпевает глобальные трансформации, гастрономические пристрастия японцев меняются. Еда и сам процесс питания обретают новые значения: наблюдаются процессы рационализации и унификации питания, упрощается культура трапезы, сокращается потребление риса. В рационе домашнего питания преобладают западные продукты и блюда быстрого приготовления, японцы всё чаще предпочитают есть в одиночестве, а традиционная японская кухня *васёку* теряет популярность.

В пятой главе «Код повседневности» реконструируется код повседневности на основе классификации маркеров бытовой культуры, выявляются социокультурные особенности монетарного поведения японцев с учётом национально-культурных воззрений. Автор описывает семантические, прагматические, поэтически-образные особенности денег как элемента культуры.

Интерес представляет раздел, посвящённый традиционной борьбе сумо, впитавшей и обобщившей многовековой опыт единоборств. Н.Н. Изотовой удалось показать устойчивые коннотации, социальные и культурно-исторические факторы, обусловливающие аксиологическую значимость сумо в национальном сознании японцев.

В качестве компонента кода повседневности изучается зодиакальный календарь и традиционная система летоисчисления. Рассматривая историю возникновения и причины смены «девизов правления» императора, автор выявляет концептуальную сущность названия новой эпохи Рэйва и его интерпретацию в политическом дискурсе.

Как известно, антропонимы на каждом этапе исторического развития аккумулируют информацию об истории и быте народа, его духовных устремлениях, верованиях, культурных ценностях и традициях. Кроме того, чтения японских имен собственных – один из самых сложных элементов японского языка. Именно поэтому для автора данной рецензии особенно интересной была шестая, заключительная глава «Антропонимический код», в которой анализируется система японских фамильных антропонимов, мужских и женских имен в диахронии и синхронии. Н.Н. Изотова рассмотрела историю становления и развития института фамилий, привела статистические данные относительно частотности фамилиекона в разных странах, осуществила классификацию редких и частотных фамилий. Заслуживают

пристального внимания выводы автора о национально-культурной специфике мужских и женских имён с точки зрения их структуры, семантики и функций.

В заключение хочется ещё раз отметить, что в рецензируемой монографии много материалов, полезных как для профессионалов-востоковедов, лингвистов и культурологов, так и для всех, кто интересуется культурой Японии. С точки зрения профессионального дипломата, данная работа представляет несомненный практический интерес для страноведческой подготовки молодых дипломатических кадров, так как углублённое понимание культурных кодов страны пребывания позволит им с бóльшей эффективностью выполнять стоящие перед ними задачи по отстаиванию интересов Российской Федерации в стране пребывания. Остаётся пожелать, чтобы рецензируемая монография была по достоинству оценена будущими читателями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Изотова Н.Н. Коды японской культуры. Москва: Издательство «МГИМО-Университет». 2021. 301 с. ISBN 978-5-9228-2473-6

REFERENCES

Izotova, N.N. (2021). *Kody yaponskoi kul'tury* [Codes of Japanese Culture]. Moscow: MGIMO-University Publishing House. (In Russian). ISBN 978-5-9228-2473-6

Поступила в редакцию 20.11.2021 Received 20 November 2021

Научное издание

Японские исследования
№ 1, 2022

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Редактор:	Е.М. Скворцова
Технический редактор:	О.И. Казаков
Дата публикации:	28.03.2022

Контакты:

• *Адрес*: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. Институт Дальнего Востока РАН

• *E-mail*: japanjournal@mail.ru

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 1, 2022

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Editor:	E.M. Skvortsova
Layout:	O.I. Kazakov
Date of issue:	28 March 2022

Contacts:

• *Address*: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

• *E-mail*: japanjournal@mail.ru

www.japanjournal.ru

日本研究